

Ольга УЛЬЯНОВА



**РОДНОЙ
ЛЕНИН**

Ольга Ульянова

РОДНОЙ ЛЕНИН
(Владимир Ильич и его семья)



ИТРК
Москва
2002

ББК 13.5
У517

У517 О. Д. Ульянова

Родной Ленин (Владимир Ильич и его семья). —
М.: ИТРК. — 2002. — 224 с.

ISBN 5-88010-144-4

Ольга Дмитриевна Ульянова — племянница В. И. Ленина — широко известна в России и за рубежом как автор, выступающая в защиту памяти Владимира Ильича. Это ее воспоминания о Ленине и семье Ульяновых. Она приводит многие неизвестные факты, дает правдивую родословную, рассказывает о своей жизни в Кремле и Горках.
Для широкого круга читателей.

ISBN 5-88010-144-4

ББК 13.5
У517

© Ульянова О. Д., 2002
© ИТРК, 2002

Содержание

К читателям	3
Вкратце о себе	4
 ПРАВДА О РОДОСЛОВНОЙ	13
Три ветви: русская, немецкая, шведская	15
Сочинение студента Ильи Ульянова	20
Новые письма матери Владимира Ильича	21
 ЗАБЫТЫЕ И СОКРЫТЫЕ ФАКТЫ	27
«Тяжелая прогулка» по Финляндии	29
112 дней до Октября	36
Политическое завещание	47
Последние три дня	52
 ЖИЗНЬ В КРЕМЛЕ	57
Мухалатка	59
Школьные годы	64
Все хорошее проходит	74
 В ГОРКАХ	79
Памятные места	81
Об охоте	85
Весьма странные вещи	89
 ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА	93
Они всегда были рядом	95
Школа в Лонжюмо	100
В Россию	108
Доверительный разговор	113
 ДОКТОР ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ	119
Верный солдат революции	121

В Крыму	130
Советская Республика Тавриды	134

СЕСТРЫ	147
Милая мимоза	149
Старшая сестра	170
Альбом Ольги	176

В ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА	181
Тяжелое испытание	183
В родном городе	187
Огромная радость	202
Возвращение в Москву. Победа	207
Заключение	215
Стихи Ольги Дмитриевны Ульяновой	219

Моей любимой дочери Надежде посвящаю

К читателям

Несколько лет назад я решила написать книгу о Владимире Ильиче Ленине, о семье Ульяновых. Вот почему мне кажется очень важным воспользоваться воспоминаниями его близких. Мне много рассказывали о Ленине мой отец — Д. И. Ульянов, мои тети — Мария Ильинична, Надежда Константиновна, Анна Ильинична и моя мама — Александра Федоровна.

Вначале я задумала книгу как сборник мемуаров, однако превратности жизни убедили меня в том, что она должна быть иной. Для этого я обратилась к изучению документальных материалов о В. И. Ленине.

Я хочу показать связь прошлого и настоящего. Ведь жизнь семьи Ульяновых тесно переплетается с судьбой нашей великой Родины, с ее историей и днем сегодняшним. Поэтому-то стремлюсь к тому, чтобы представить реальные факты о жизни Ленина.

Надеюсь, читатель поймет меня, мой подход к предложенной теме и к названию книги — «Родной Ленин».

Я бы хотела, чтобы люди знакомились с В. И. Лениным не по книжкам, в которых ложь и клевета искажают историческую действительность, а по его статьям, произведениям и по его делам.

С уважением, Ольга Ульянова

Вкратце о себе

Родилась я 4 марта 1922 года в Москве. Родители мои — Дмитрий Ильич и Александра Федоровна Ульяновы — в конце 1921 года вернулись из Крыма, где отец работал более десяти лет. Владимир Ильич просил его переехать в Москву, так как со здоровьем стало хуже, и он хотел, чтобы брат был рядом. Все Ульяновы верили ему, знали его эрудированность. Квартиры у них в Москве не было, и временно их приютила старшая сестра папы — Анна Ильинична Ульянова (по мужу Елизарова). Туда мама со мной и приехала из роддома.

Тетя Аня выделила брату с семьей маленькую комнату. Время было холодное, сырое, топили плохо, и Владимир Ильич, уезжая ненадолго в Корзинкино, написал 6 марта 1922 года записку секретарю ВЦИК А. С. Енукидзе с просьбой ускорить выдачу дров А. И. Ульяновой-Елизаровой, так как в семье брата, Д. И. Ульянова, который живет вместе с ней, появился маленький ребенок.

Я узнала об этой записке через сорок лет и плакала от счастья, что дядя Володя так заботился обо мне.

У меня было три тети — Анна, Мария и Надежда. Общение с ними дало мне очень много.

Тетя Аня жила на Манежной улице, дом № 9, две другие — в Кремле. В 1923 году папа получил квартиру в Кремле, и мы переехали туда. Владимир Ильич все время настаивал на том, чтобы папа жил в Кремле. Но квартира для него нашлась не сразу. Кажется, это была квартира № 55, но я ее, конечно, не помню.

Позже нас с папой переселили в квартиру 19 в Кавалерском корпусе. Видеться с тетями Маней и Надей было гораздо проще: ведь они жили в квартире Владимира Ильича, близко от нас. К ним я ходила одна. А к тете Ане — только с папой или мамой.

Пока я не начала учиться в школе, папа и мама, уезжая лечиться на юг в сентябре, брали меня с собой. Для меня было большим счастьем — быть с родителями на юге. Большею частью они ездили в Кисловодск, иногда — в Крым.

Когда я пошла учиться, меня стали оставлять на попечение тети Мани, и тогда я жила в их квартире (имею в виду квартиру Владимира Ильича).

Став старше, я поняла, какое счастье потеряла, какого духовного богатства и кладезя мудрости лишилась, когда они покинули меня. Последней умерла тетя Надя, это был конец февраля 1939 года.

Я вышла вечером из дома и взглянула на окна их квартиры. Окна были темными. В ней не было никого, и никогда уже не будет. Но, проходя по нашей улице, по привычке смотрела на окна их квартиры. На душе было так тяжело.

А раньше идешь, бывало, домой из школы и смотришь, какое окно светится: если второе — значит, дома тетя Надя; если пятое — значит, тетя Маня; если четвертое — значит, они сидят в столовой, или кто-нибудь к ним пришел.

А теперь — темно, темно навсегда.

Я пошла в школу 1 сентября 1930 года. Тетя Надя посоветовала родителям отдать меня в «очень хорошую», по ее словам, школу № 32 имени Лепешинского — МОПШК (Московская опытно-показательная школка-коммуна). Находилась она во 2-м Обыденском переулке на Остоженке.

Педагоги у нас были хорошие, конечно, строгие, но внимательные и очень опытные, в основном немолодые.

Достаточно назвать учительницу математики Березанскую, по учебнику которой мы занимались; литературы — Гречишникову. Нашей первой учительницей была Капитолина Георгиевна — милая, добрая и в то же время строгая. Перечислить всех учителей невозможно.

В июне 1940 года я закончила школу и получила диплом.

Встал вопрос: где учиться?

Папа много раз спрашивал меня, но я никак не могла определиться: многие предметы мне нравились, но выбрать специальность было трудно. Не всегда в 17 лет можно решить вопрос на всю жизнь. Меня очень привлекала радиотехника. Папа советовал идти на химический факультет МГУ. Мне же давались легче гуманитарные науки, а не естественные. По ним и оценки были ниже, а по гуманитарным — одни пятерки.

И все-таки я пошла на химфак: папа своими увлекательными рассказами о химии, о ее большом будущем увлек меня.

Итак, решено — химфак МГУ! На первом курсе я училась еще в мирное время. Началась Великая Отечественная война, и учеба у меня прервалась, один год пропал. Осенью 1942 года, находясь в эвакуации, сдав ряд дисциплин, я поступила в Куйбышевский индустриальный институт (и даже занималась сопроматом). Говорю «даже», так как на химическом факультете МГУ такой дисциплины не было. На третьем курсе училась уже в МГУ, отстав от своих сверстниц на год.

На четвертом курсе студенты обычно выбирают себе кафедру, где они хотели бы продолжить учебу. Я поступила на кафедру физической химии, которую возглавлял профессор А. В. Фрост, а узкую специальность — молекулярную спектроскопию — эту лабораторию возглавлял молодой ученый Владимир Михайлович Татевский, красивый интеллигентный человек с внешностью молодого А. П. Чехова. Он обладал быстрым умом, а это встречается довольно редко.

Со своим будущим мужем — Алексеем Николаевичем Мальцевым — я познакомилась весной 1947 года. Он — участник Великой Отечественной войны, имеющий правительственные награды, — был зачислен в аспирантуру на кафедру физической химии МГУ.

На этой же кафедре училась и я. Мы с Алексеем подружились. Оказалось, что у нас много общих интересов, общих взглядов на жизнь.

Я познакомила его со своей мамой. А весной 1949 года мы поженились.

Наша дочка — Надюша — родилась в 1953 году. У нее — голубые глаза, как у ее отца, и светло-русые кудряшки, как у меня в детстве. После окончания английской школы она поступила на филологический факультет. Наша физическая химия ее не увлекала. Литература, история, языки — вот ее стихия! Язык — не самоцель, а огромная помощь в работе, в общении с людьми. Она — кандидат наук в четвертом поколении. Работает очень много и часто помогает мне и в области языков, и в области истории.

После окончания университета меня оставили в аспирантуре химического факультета у профессора А. В. Фроста, но моим непосредственным руководителем оставался Владимир Михайлович. В 1951 году он защитил докторскую диссертацию.

Учеба в аспирантуре затянулась: сначала пришлось поменять тему, так как вещества, выбранного моими руководителями, не было (оно оказалось сложным и редким). Вторая тема тоже связана с непростым веществом — тяжелая вода. Достать ее было очень сложно, а работать с ней — еще сложнее. Срок аспирантуры закончился, а конца работы не видно, — эксперимент «не пошел».

А. В. Фрост перевел меня в лекционные ассистенты. Мои функции состояли в проведении опытов во время лекций профессора.

Вскоре мне предложили должность ассистента кафедры, преподавать молекулярную спектроскопию и физическую химию студентам четвертого курса, не оставляя подготовку диссертации. Работа со студентами, общение с ними, беседы, дискуссии очень интересовали меня.

Считаю, что внутренней молодости я обязана не только своему складу характера, но и тому, что постоянно работала с молодежью — со студентами, аспирантами, молодыми научными работниками. Общение с молодежью подтягивает, заставляет все время учиться, держать себя в форме, узнавать что-то новое. Молодежь смотрит на лектора, преподавателя, в чем-то старается брать с него пример, в чем-то его осуждает; поэтому надо во всех отношениях быть на уровне и в смысле знаний, и не только химии, но буквально всего: разбираться в политике, знать историю, литературу, искусство, уметь перевести что-либо с иностранного языка, ответить на все их вопросы, которые приходят в их юные головы. О чем только мы с ними не беседовали за все долгие годы работы!

Но все знать невозможно, а выкручиваться нельзя. Лучше сказать просто — не знаю. Разберусь и скажу на следующем занятии. Это вызывает у них уважение, это их подкупает.

Химический эксперимент — сложная штука: ожидаешь одного результата, а неожиданно процесс (реакция) идет совсем иначе. Нужно обосновать эксперимент, нужна теория, которая неожиданно приводит к чему-то иному.

Ю. А. Пентин, который стал моим руководителем, совместно с В. М. Татевским предложил мне другую тему, и вдруг эксперимент пошел. Да как пошел, грандиозно!

Теперь уже ко мне приходили студенты 3-го — 4-го курсов. Они занимались вместе со мной моей темой, защищали дипломные работы.

А годы шли, шли незаметно. Уже и диссертация была готова. Последняя проверка, дописаны последние страницы, и вот, наконец, защита!

Перед днем защиты я страшно волновалась. Проснулась очень рано, проверила все бумаги, подготовленные с вечера. Посмотрела в зеркало — усталое осунув-

шееся лицо. Только глаза блестят, наверно, от волнения. Надела нарядное платье, туфли на шпильках. Еще раз повторила текст выступления, и мы с Алешей поехали в университет. Надюша не поехала, так как мы не хотели срывать ее с занятий в школе.

Все прошло хорошо! На душе сразу такое спокойствие, хотя еще столько бумаг нужно оформлять. Самое главное — все позади. Только страшная усталость: сказалось напряжение последних недель и месяцев.

После защиты я стала доцентом кафедры; кроме преподавания, продолжала заниматься научной работой, руководила аспирантами.

Итак, почти 50 лет моей жизни связано с химическим факультетом МГУ и работой с молодежью.

В годы Великой Отечественной войны я приобщилась к выступлениям в молодежных аудиториях. Дни 1941 — 1945 годов были особенно трудные и трагические. Ведь почти каждая советская семья потеряла своих близких или знакомых. Миллионы лишились своего крова, привычного довоенного ритма жизни. Никогда не забуду лиц моих слушателей, их вопросы: «Когда же мы отобьемся от фашистов и перейдем в наступление?» Но все мы, несмотря на все тяготы и трудности на фронтах битв, сохраняли глубокую веру в Победу.

Начиная с 60-х годов, я стала все больше и больше заниматься историей (параллельно с физической химией). Имею в виду не историю вообще, а историю семьи Ульяновых.

История еще больше сблизила меня с моими родными. Теперь же смогла изучить их биографии и написать о них, связав воедино свои воспоминания, их рассказы, свое восприятие тогдашней жизни с биографиями дяди Володи и тети Нади, папы и мамы, Марии Ильиничны и самой старшей тети Анны Ильиничны.

Я прожила с ними двадцать один год, если считать до смерти отца (1943 г.), — последнего из них; а до смерти мамы (1956 г.) — более тридцати лет.

Когда я родилась, родители жили в квартире тети Ани на Манежной, 9. Владимир Ильич нередко заходил к ней.

Папа вспоминал: «Когда мы привезли тебя из роддома, пришел дядя Володя. Он долго смотрел на тебя и сказал:

— Как похожа. Даже правый глаз так же косит. (У Владимира Ильича и у папы правый глаз слегка косил.)

С 70-х годов я начала выступать перед студентами, аспирантами, преподавателями школ и ВУЗов, а также в воинских частях, с беседами о В. И. Ленине и семье Ульяновых. Меня стали приглашать в другие города Советского Союза — Киев, Минск, Таллин, Тарту, Ташкент, Баку, Тбилиси... Особенно много мне приходилось выступать на Украине, ведь в начале века все Ульяновы вели революционную деятельность в Киеве.

Работа моя была отмечена Почетной грамотой Верховного Совета Украинской ССР и медалью «В память 1500-летия Киева». В грамоте написано: «За патристическое воспитание трудящихся на примере жизни и революционной деятельности В. И. Ленина».

На Украине, в Киеве и Крыму, у меня осталось много друзей, единомышленников, с которыми я переписываюсь. Но, к сожалению, мы теперь не можем с ними встречаться: Украина и Россия — два разных государства. Хотя русские, украинцы и белорусы — народы, изначально связанные между собой самыми тесными узами. Можно ли было представить себе раньше, что мы будем разделены злым умыслом людей, разбивших Советский Союз на отдельные государства? Можно ли было подумать, что исполнится злая воля Гитлера и Алена Даллеса о расчленении Великого государства — СССР?

К 100-летию Владимира Ильича я была награждена медалью «За доблестный труд» и другими медалями. В 1982 году меня наградили орденом Трудового Красного Знамени, несколькими почетными грамотами, медалями. Яв-

ляюсь членом Союза журналистов СССР и Москвы.

За все годы мною опубликовано большое число научных статей по физической химии. Были изданы подготовленные мною книги Д. И. Ульянова — «Воспоминания о Владимире Ильиче», «Очерки разных лет» — и Марии Ильиничны «О В. И. Ленине и семье Ульяновых» с большими биографическими очерками, написанными мною. Издано более восьмидесяти статей о семье Ульяновых.

В университете я продолжала работать до конца 1992 года. С 1990 года перешла на полставки доцента, так как было уже трудно «идти в двух упряжках», фактически в трех — преподавание, научная работа, компьютеры и история семьи Ульяновых (книги, выступления и т. п.). Многие мои товарищи по университету долго уговаривали меня не бросать МГУ, но я чувствовала, что даже такая нагрузка (уже полставки) для меня тяжела. В начале 1993 года я рассталась с моим химфаком.

Весной 1992 года в Москву приехал итальянский издатель Роберто Наполеоне. Он позвонил мне и сказал, что у него ко мне есть деловое предложение. Мы встретились у нас дома — он с женой и переводчиком, и мы с Алешей.

Наполеоне предложил мне написать книгу о Владимире Ильиче и семье Ульяновых; он уже составил примерный план книги. Собственно говоря, это должна была быть книга не только об Ульяновых, но и о нашей стране, о Великой Отечественной войне, о тех, кто разрушал Советский Союз и т. п. Я согласилась, материала о нашей семье у меня было много — частью — в рукописях, частью — в опубликованных статьях.

Новым был для меня материал о наших событиях 1991 года, о политическом завещании В. И. Ленина, о разрушении нашей страны. Собственно говоря, не новым, а еще не обдуманым мною. А частично еще не вполне ясным для меня. Роберто Наполеоне подписал со мной контракт, по которому книга будет издана в Италии и в других странах по его разрешению.

Все лето я работала над книжкой, переделала старые главы, написала новые. Передала книгу Роберто (он меня все время торопил, так как хотел издать ее в конце 1992 г.). В ноябре он прислал мне и Алексею приглашение на презентацию книги; в декабре она вышла в свет.

Книга вызвала большой интерес в Италии, в прессе было много публикаций о ней. Мне приходилось давать интервью ежедневно, по 2 — 3 интервью в день. Уставала страшно. Я сказала Роберто:

— Я очень устала.

— Ольга, работать, работать! Роберто работать, и ты работать, — отвечал он.

За шесть дней, что мы там были, удалось осмотреть собор Святого Петра, Колизей, побывать в здании Сената на площади Испании, увидеть памятник Гарибальди.

Друзья потом спрашивали меня:

— Ну ты хоть посмотрела Италию?

— Я, кроме Рима, нигде не была.

— А что же ты там делала?

— Работала, как говорят сейчас, «вкалывала».

Два года спустя Наполеоне сказал, что теперь я могу издать книгу в России. Но время ушло!

То, о чем я пишу сейчас, сидя в теплом свитере на кухне — самом теплом месте квартиры (наш дом продувается всеми ветрами, как ветхая избушка, несмотря на его квазиэлитность!), имеет очень мало общего с итальянской книгой. За прошедшие годы прибавилось и опыта, и знаний, появился новый материал. Когда пишешь, вспоминаются все новые факты, поэтому то и дело добавляю и дописываю, и нет сил остановиться! Хочется писать о новом, еще никому неизвестном, и поэтому невероятно интересном.

С годами пришло иное осмысливание прошедших событий, иное восприятие всей жизни в России. Издалека и с годами все видится иначе.

Глава I

ПРАВДА О РОДОСЛОВНОЙ



Семья Ульяновых. Симбирск. 1879 г.

Родители: Мария Александровна
и Илья Николаевич

Дети: стоят (слева направо) — Ольга, Алек-
сандр, Анна; сидят — Мария (на коленях у
матери), Дмитрий, Владимир.



Октябрь 1920 г. Москва. На снимке
В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. И. Ульянова.
Стоят (слева направо) М. И. Ульянова, Д. И. Улья-
нов и воспитанник Елизаровых Гора Лозгачев

В последние годы все больший интерес проявляется к исторической науке — генеалогии, или родословию, то есть учению о роде, о предках.

Вопрос о родословном древе В. И. Ленина фигурирует в различных книгах и статьях. Это свидетельствует о том, что люди и в России и за рубежом хотят больше знать детальных фактов о Владимире Ильиче и его семье. Вместе с тем немало и всяких искажений и предположений. Я считала своим долгом составить генеалогическое древо Ульяновых. Более трех лет собирала материалы по различным источникам и предлагаю их вниманию моих читателей.

Три ветви: русская, немецкая, шведская

В роду Ульяновых переплелось несколько национальностей. Это и не удивительно — за тысячелетнюю историю России в ней сложилось немало этнических общностей, разных национальностей, народов. Ведь «Россия — не единая чистая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение народов, говорящих на 168 языках. Россия — союз народов, равных и дружественных, с великорусским народом в корне. Россия — есть страна братских народов, объединенных массовым братанием, незлобивой и непревосходительной связью одного народа с другим» (Всеволод Иванов).

Отцовская ветвь генеалогического древа Владимира Ильича берет свое начало в России, в Нижегородской губернии.

Сами Ульяновы — я имею в виду Владимира Ильича, его сестер и братьев — считали, что родители их отца — Ильи Николаевича — Николай Васильевич и Анна Алексеевна — из мещанского сословия города Астрахани.

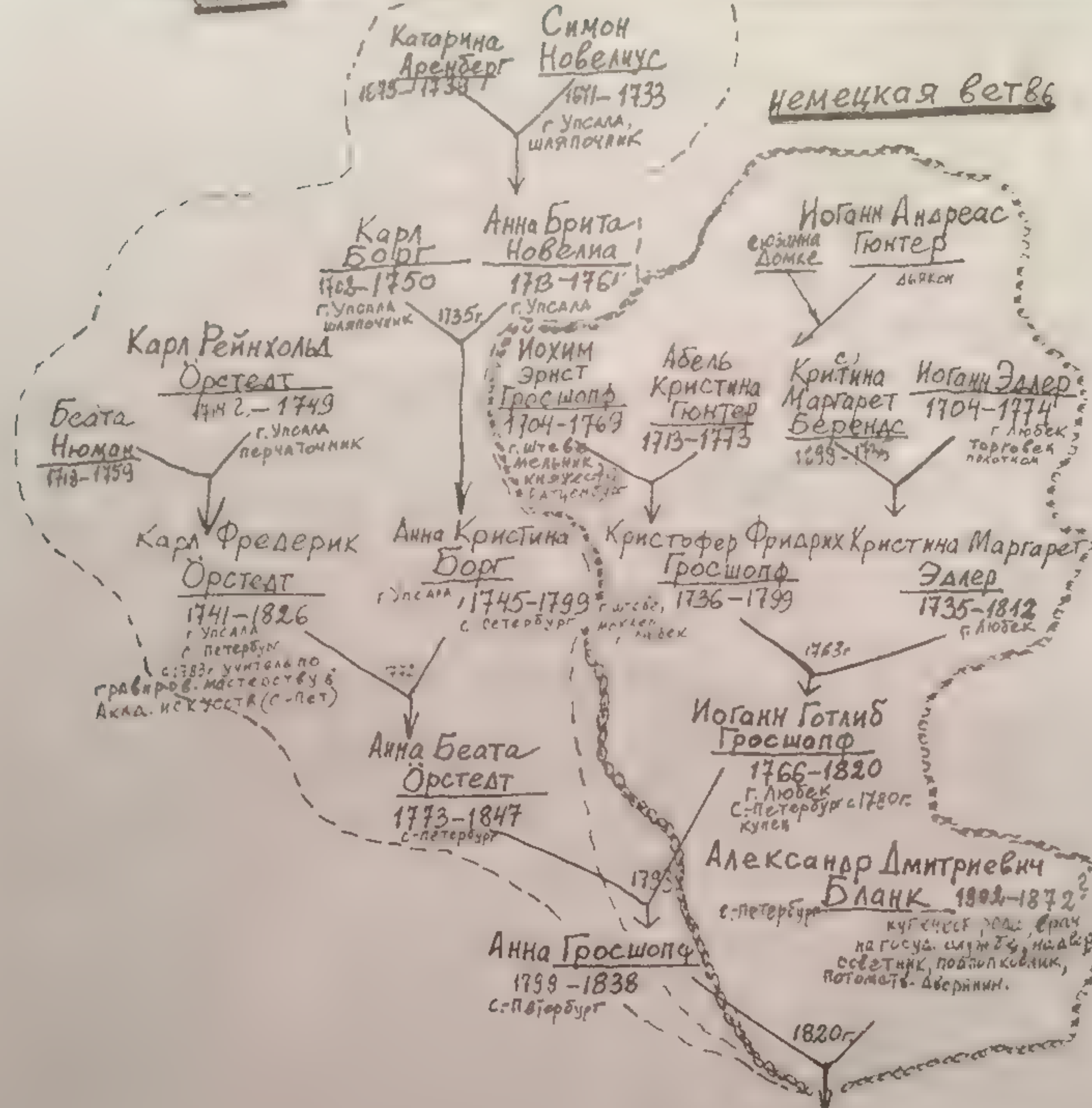
Вспоминаю беседы моего отца с писательницей Мариэттой Шагинян в конце 30-х годов. Когда она писала

Шведская
ветвь

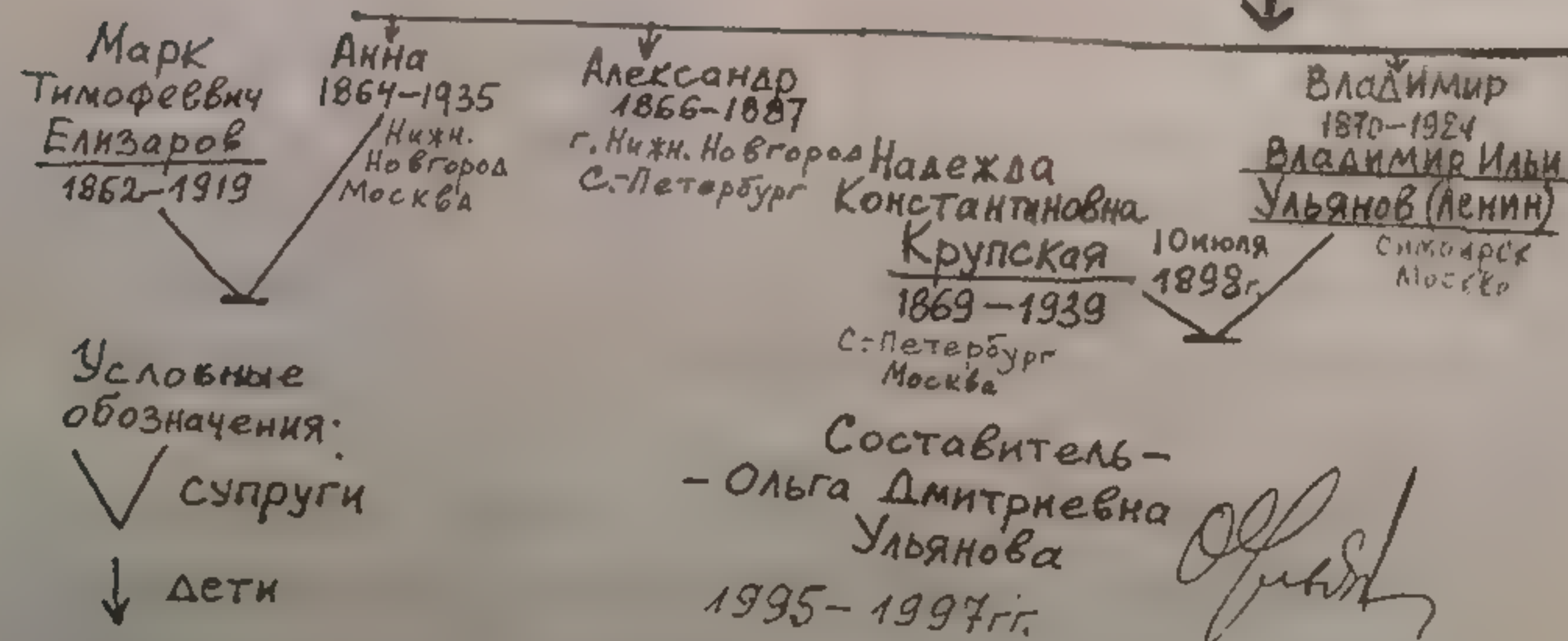
Генеральский род

В.И. Ульянова (Ленина)

Немецкая ветвь

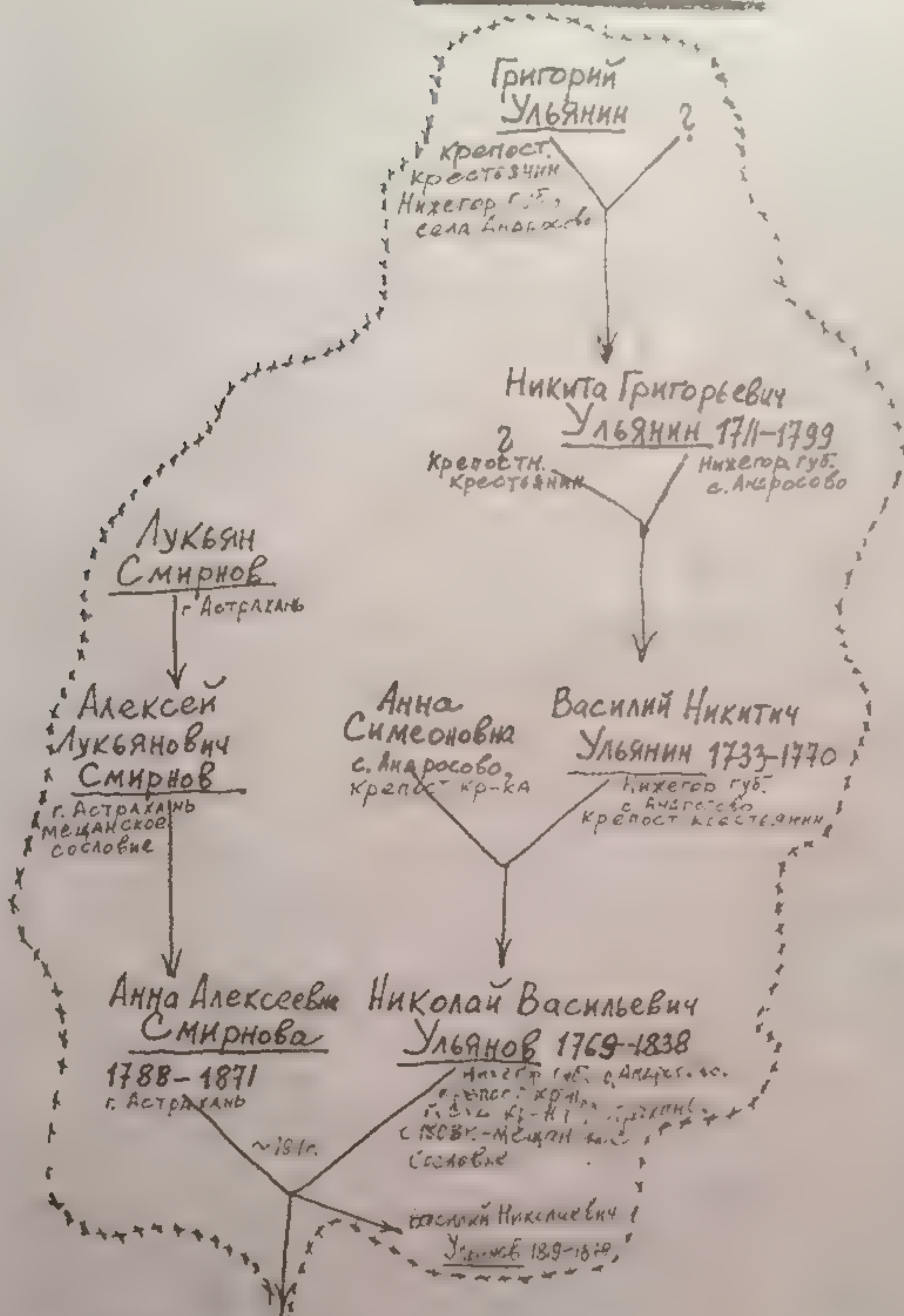


Мария Александровна
Бланк 1835-1916
С-Петербург



Условные обозначения:
 √ супруги
 ↓ дети

русская ветвь



Илья Николаевич

Улянов 1831-1886

г. Астрахань, канд. матем. наук,
директор народн. училищ, потомств. дворянин, действ. член Императорского Русского географического общества

Ольга
1871-1891
Симбирск
г. Петербург

Дмитрий
1874-1943
г. Симбирск
Москва

Александра
Федоровна
Карпова
1883-1956
г. Без-столово
Москва

Мария
1878-1937
г. Симбирск
Москва

Виктория Ник.
Шабанова
р. 1916

Виктор
1917-1984
г. Москва
с. Красуло

Ольга
р. 1922 г.
г. Москва

Алексей Никол.
Мальцев
р. 1915 г.
г. Ростов-Дон

Владимир
р. 1940

Мария
р. 1943

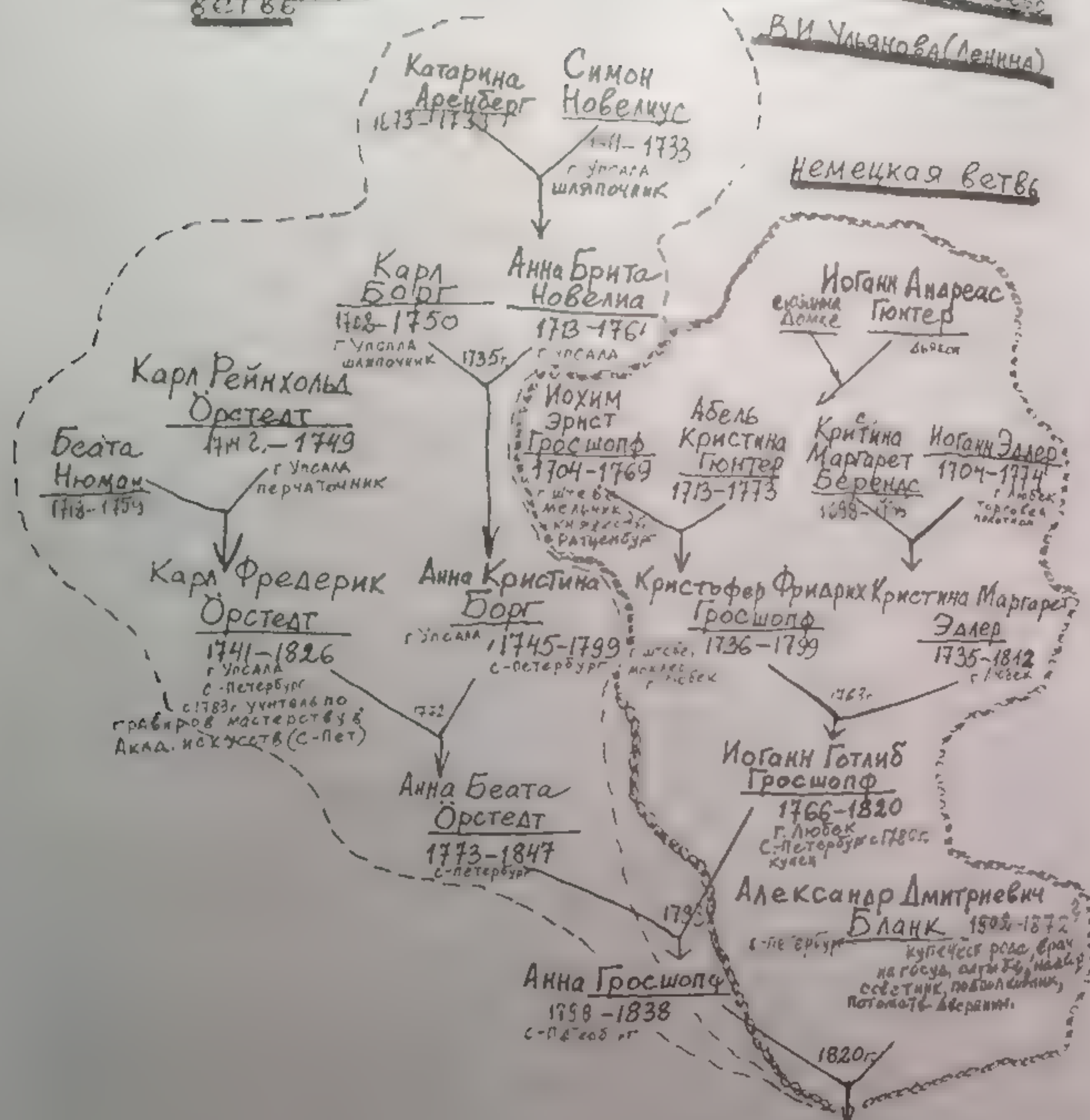
Надежда
р. 1953 г.
г. Москва

Шведская ветвь

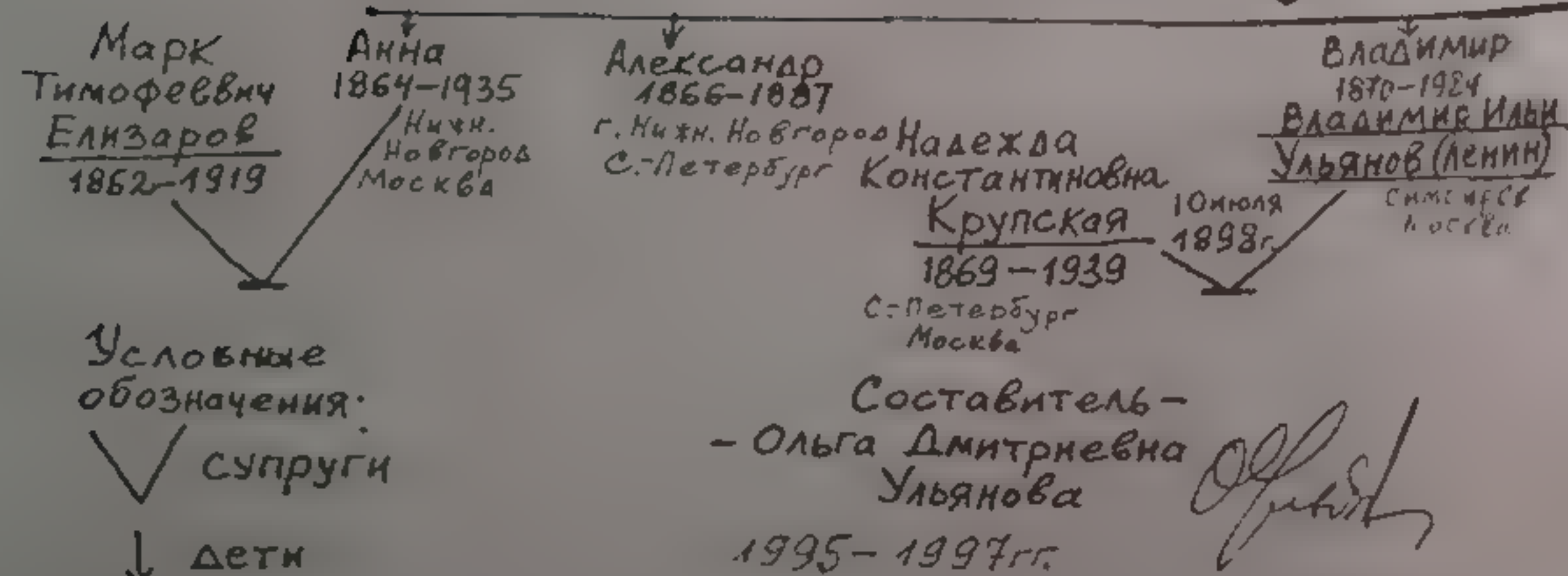
Германо-литовское древо

В.И. Ульянов (Ленин)

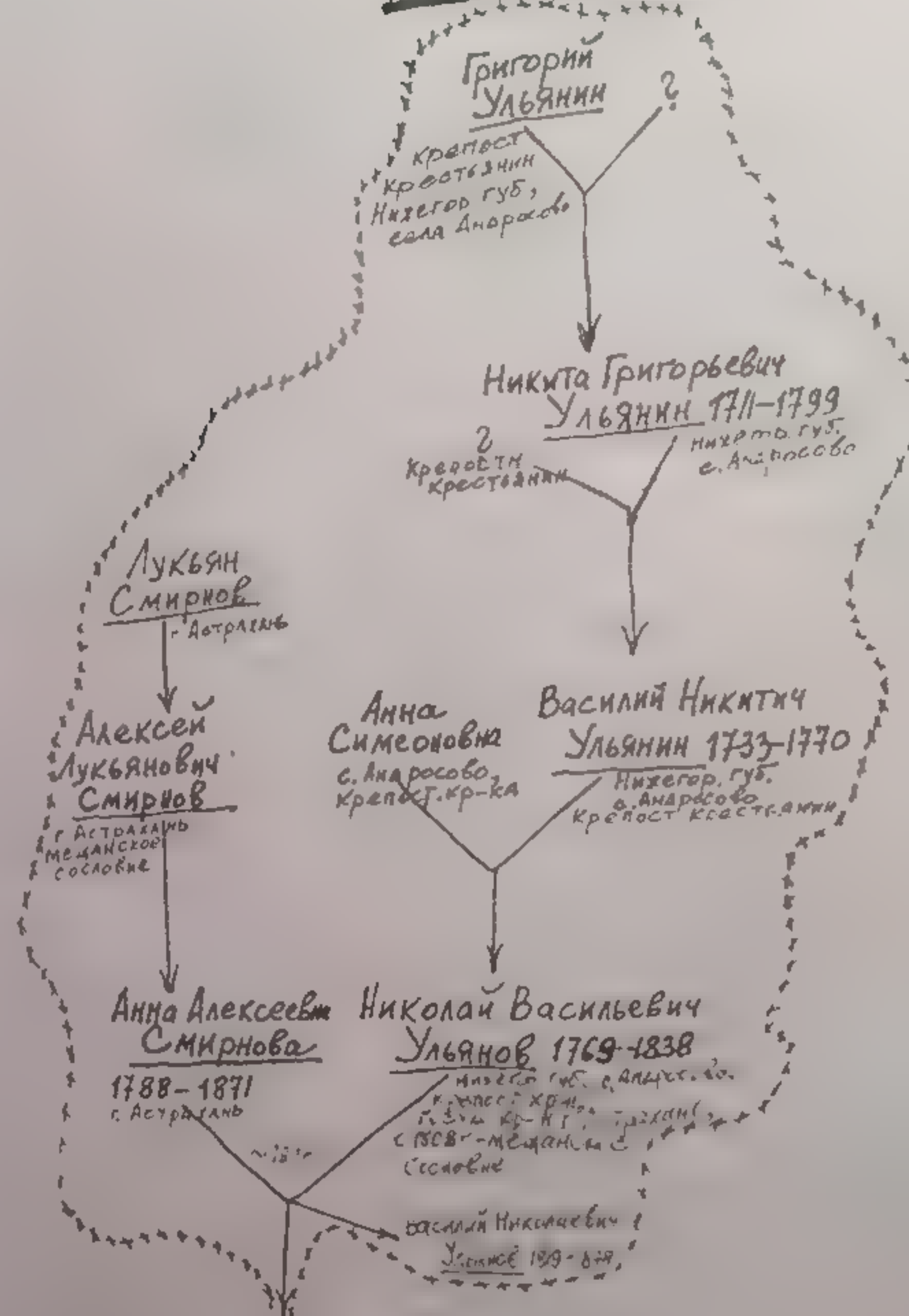
Немецкая ветвь



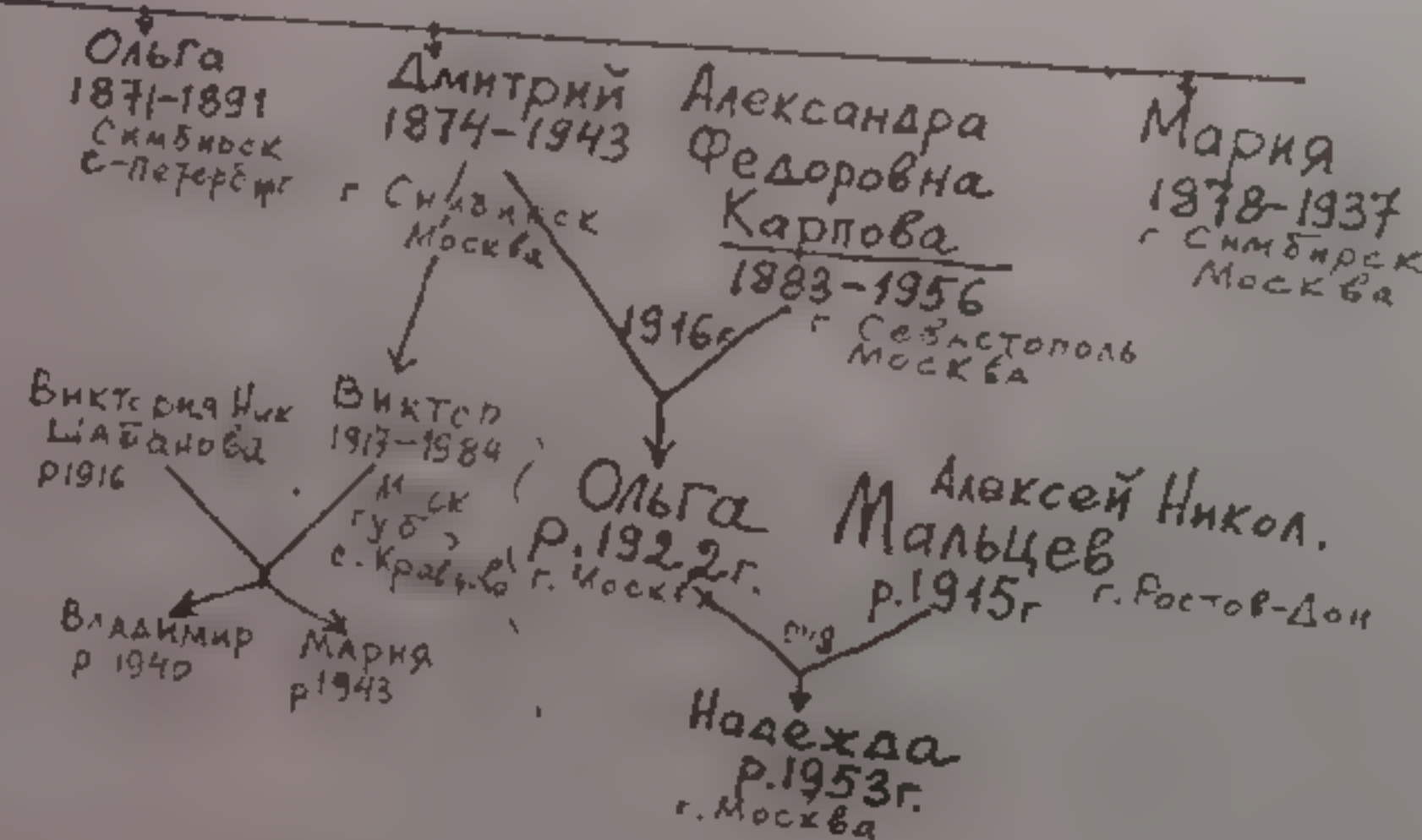
Мария Александровна Бланк 1835-1916
г. Петербург 1863



русская ветвь



Илья Николаевич Ульянов 1831-1886
г. Астрахань, канд. матем. наук, директор народных училищ, потомок дворянства, автор статьи о с.-тех.



свою первую книгу о семье Ульяновых «Билет по истории», то часто консультировалась с ним. Разговоры о калмыцких (или монгольских) предках Ленина пошли от нее. Отец считал, что Анна Алексеевна Смирнова (их бабушка) была русской.

В 60-х годах известный писатель-историк Александр Сергеевич Марков, автор целого ряда книг о выдающихся исторических деятелях России, сделал важное открытие: в Государственном архиве Астраханской области он обнаружил документ о родословии В. И. Ленина.

Оказалось, что отцовская ветвь генеалогического древа Ленина берет свое начало в Нижегородской губернии. Николай Васильевич Ульянов — дед В. И. Ленина — крепостной крестьянин помещика С. М. Брехова из села Андросово Сергачской округи Нижегородской губернии приехал в Астраханскую губернию на сезонную работу. Ему был тогда двадцать один год.

Документ вызвал огромный интерес у ученых, исследователей, общественности. Это было крупное открытие в родословии Владимира Ильича Ленина, благодаря которому удалось проследить пять поколений Ульяниных, Ульяниновых, Ульяновых (так менялась их фамилия с годами). Все они — Григорий Ульянин, Никита Григорьевич Ульянин (Ульянинов), Василий Никитич Ульянин, Николай Васильевич Ульянов — были крепостными. Последний был грамотным человеком, как и его братья.

Николаю Васильевичу Ульянову удалось вырваться из крепостной неволи. С 1808 году он стал государственным крестьянином, позднее — портным, и перешел в мещанское сословие. Его жена — Анна Алексеевна Смирнова — была дочерью астраханского мещанина.

В ревизских сказках даны приметы Н. В. Ульянова: «Ростом 2 аршина 5 вершков (то есть 164,5 см), волосы на голове, усы и борода светло-русые, лицом бел, чист, глаза карие». Типичный облик великорусского крестьянина. Далее написано, что Н. В. Ульянов и его

дети — Василий и Илья — «коренного российского происхождения».

Материнская ветвь генеалогического древа В. И. Ленина берет свое начало в Швеции и в Германии. Эти предки — тоже трудовые люди: ремесленники, мастера; одни из них были мельниками, другие — шляпниками, перчаточниками и т. п.

Немецкая ветвь изучалась далеко вглубь столетий, но я ограничилась только шестью поколениями. Дед Марии Александровны Ульяновой (урожденной Бланк) — Иоган Готтлиб Гросшопф — выходец из северной Германии, город Любек, в конце XVIII века переехал в С.-Петербург, стал купцом. Родители его жены — Анны Беаты Орстедт — тоже перебрались в С.-Петербург из шведского города Упсала. Так что и бабушка Анна Беата, и мать Марии Александровны — Анна Гросшопф были коренными петербурженками.

В 1820 году Анна Гросшопф вышла замуж за Александра Дмитриевича Бланка, по профессии врача-физиотерапевта.

Он происходил из православного купеческого рода. Начавший государственную службу в 1824 году, он дослужился в 40-е годы до чина надворного советника со старшинством (подполковник). Это дало ему право на потомственное дворянство.

В этом смысле его биография очень совпадает с биографией Ильи Николаевича Ульянова. Это были люди из одной среды, которым условия XIX века дали возможность быстро продвинуться по служебной лестнице и оставить своим детям право считаться дворянами. Выйдя в отставку, Бланк приобрел село Кокушкино Казанской губернии, куда впоследствии Мария Александровна Ульянова частенько привозила его внуков.

Интересны воспоминания Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича Ульяновых об А. Д. Бланке: дед был «человек передовой, идейный, сильный и самостоятельный, чуждый всякого карьеризма и прислужничества».

Он был очень образованным врачом и пионером в области физиотерапии, в частности бальнеологии, последователем видных немецких профессоров, применявших водолечение при многих болезнях, в частности даже при брюшном тифе.

Бланк был известен далеко за пределами Кокушкино своими новыми методами лечения, и к нему приезжали из других мест.

Хочу привести слова Мариэтты Шагинян: «Ленин русский. Русский по культуре, русский по языку, русский по воспитанию, потомственный русский дворянин по происхождению».

Сочинение студента Ильи Ульянова

Мой отец — Дмитрий Ильич — часто вспоминал новые, неизвестные факты из жизни Ильи Николаевича и его супруги Марии Александровны. Он говорил мне о методах преподавания физики и астрономии своего отца.

Это был удивительно талантливый человек, вышедший из крепостных. Благодаря своим способностям закончил гимназию, а затем университет, в который невероятно трудно было попасть человеку из низшего сословия.

В XIX веке в Казанском университете существовал такой порядок: отлично успевающим студентам давались темы сочинений, написав и защитив которые, они становились кандидатами наук. У Ильи Николаевича была тема по астрономии: «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года».

Такая тема была предложена не случайно: в июне 1853 года сотрудники Гёттингенской обсерватории (Германия) обнаружили новую комету. Она была видна и в Казани. Прочитав работу Ильи Николаевича, главный астроном университета профессор Ковальский дал такой отзыв:

«Сочинение студента 4-го курса г-на Ульянова представляет полное изложение способа Ольберса для вычисления параболической орбиты кометы с дополнениями Энке и Гаусса. Применение этого способа к вычислению элементов кометы, виденной простым глазом в прошлом году, и согласие результатов г-на Ульянова с результатами, опубликованными в «Астрономише Нахрихтен», показывает, что г-н Ульянов постиг сущность астрономических вычислений, которые, как известно, весьма часто требуют особых соображений и приемов.

Это сочинение я считаю вполне соответствующим степени кандидата математических наук».

После окончания университета И. Н. Ульянов по рекомендации великого русского математика Н. И. Лобачевского был назначен старшим преподавателем физики и математики в Пензенский дворянский институт.

Об этом мой отец рассказал мне кратко. Значительно позже, и более подробно, я узнала это в Ульяновске (в середине 80-х годов). Там, в музее Ленина, хранятся ксерокопии расчетов, сделанных в Германии через столет, в наше время, не вручную, а не компьютерах.

Самое удивительное, что расчеты Ильи Николаевича **совпадают с результатами расчетов на компьютере с точностью до 0,01!**

Это — редчайший случай в XIX веке, чтобы сын крепостного крестьянина блестяще окончил университет, защитил диссертацию и получил такую высокую оценку ректора Казанского университета Н. И. Лобачевского.

Новые письма матери Владимира Ильича

Мария Александровна была удивительной женщиной, воспитавшей шестерых детей, из которых пять стали революционерами.

Образ Марии Александровны глубоко симпатичен редким сочетанием прекрасных человеческих свойств:

благородства, силы воли, мягкости, чуткости к окружающим ее людям.

Дмитрий Ильич вспоминал, что мать рассказывала детям о жизни дедушки. Отец мой пошел по его стопам: окончил Тартуский университет (тогда Юрьевский), стал врачом.

Мария Александровна была интеллигентной в самом высоком значении этого слова. Она была настоящим другом своим детям и когда они были еще маленькими, и тогда, когда они стали взрослыми. Она всегда находила пути к сердцам своих детей, вдохновляя их в самые трудные моменты жизни. Мария Александровна относилась с большим сочувствием к их революционной деятельности и всегда была рядом с теми из них, кто более всего нуждался в ее помощи.

Жизнь Марии Александровны и всей семьи Ульяновых была полна тяжелых потрясений: внезапная смерть Ильи Николаевича (1886 год), казнь старшего сына Александра Ильича (1887 год), смерть совсем юной Ольги Ильиничны (1891 год), бесчисленные аресты и ссылки Владимира Ильича, Дмитрия, Анны, Марии. Но ничто не сломило мужественную женщину, она осталась полной духовных сил.

В 1904 году в Киеве Мария Александровна осталась совсем одна, когда были арестованы Дмитрий, Анна и Мария. Она часто носила им передачи в тюрьму, старалась приободрить их, вселить в них мужество и веру в скорое освобождение из-под ареста.

В 1910 году Мария Александровна, ей было тогда уже 75 лет, вместе с младшей дочерью Маней отправилась в Стокгольм повидать Владимира Ильича, куда он должен был приехать после Копенгагенского конгресса II Интернационала.

Их поездка была нелегкой. Мария Александровна и Мария Ильинична приплыли на пароходе из порта Або (Турку), до которого добирались поездом. В Стокгольм они должны были прибыть рано утром, но пароход

опоздал и подошел к Стокгольму в начале десятого. «Мы стояли с Маней у самого барьера и вскоре увидели Володю. Я не узнала бы его, если б Маруся не указала. Она вскрикнула от радости, когда увидела его. Я нашла его очень похудевшим и изменившимся, но он уверяет, что чувствует себя очень хорошо...» — сообщала Мария Александровна в письме.

В Стокгольме Владимир Ильич выступал на собрании большевистской группы, и Мария Александровна впервые слышала речь сына; она слушала его с большим вниманием и волнением, а после сказала Маняше: «Он хорошо говорил, так сильно и красноречиво, только зачем он так сильно напрягается, так громко говорит — это ведь так вредно. Не бережет он себя!»

В конце сентября Владимир Ильич проводил мать и сестру домой, в Россию. Мария Александровна долго не могла оторвать взгляд от Владимира Ильича, стоявшего на пристани, слезы застилали ей глаза. Фигура сына медленно расплывалась в легкой дымке, и уже нельзя было различить ее в толпе провожающих. Вскоре все слилось в темную, постепенно удаляющуюся полосу... Это была их последняя встреча.

С конца 1914 по 1916 год Мария Александровна жила вместе с Анной Ильиничной и ее мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым в Петрограде. Владимир Ильич жил в эмиграции. Дмитрию Ильичу изредка, а Марии Ильиничне чаще удавалось навещать мать.

В июле 1915 года Мария Александровна внезапно заболела. Анна Ильинична вызвала брата телеграммой. В августе, добившись небольшого отпуска, Дмитрий Ильич приехал к матери в Лыкошино, где она в то время жила на даче. Он нашел, что Мария Александровна сильно постарела за последние два-три года.

Мне удалось разыскать некоторые письма Марии Александровны детям.

25 декабря 1915 года она пишет Дмитрию Ильичу письмо: «Дорогой Митя, поздравляю тебя еще раз с

праздником; не знаю, дошла ли до тебя моя разукрашенная открытка, посланная в эти дни? Не могу не повторить душевное желание мое и всей семьи нашей повидать тебя здесь у нас. Мне не позволяют выходить на воздух по плохому здоровью моему; как счастлива была бы я повидать тебя и посоветоваться с тобой. Марк чувствует себя также плохо и все больше лежит. Похлопочи об отпуске, чтобы повидаться с нами, хотя на несколько дней. Кроме радости свидания, ты будешь полезен нам как доктор, к которому я отношусь с особенным доверием, так как ты излечивал меня уже не раз».

Через месяц — 25 января 1916 года — Анна Ильинична пишет Дмитрию Ильичу: «...Вот если бы тебе удалось этим летом получить более долгий отпуск и приехать пожить с нами — очень бы это было хорошо! Я очень мечтаю об этом. Маня тоже, надеюсь, будет с нами, — съехались бы после долгих таких лет!»

В марте 1916 года Мария Александровна заболела бронхитом и воспалением легких. Анна Ильинична подробно рассказывала Дмитрию Ильичу в своих письмах о болезни матери, советовалась с ним насчет различных лекарств, просила приехать к ней в Петроград.

«Дорогой Митя! — писала Мария Александровна 17 февраля 1916 года. — Давно собиралась писать тебе, но по нездоровью все откладывала. Аня писала тебе, кажется, про болезнь мою и как определил ее доктор; пролежала я долго и немало лекарств проглотила, пришлось опять обратиться к доктору, прописал уже другое лекарство. Как счастлива была бы я, если бы могла обратиться к твоей помощи...»

После болезни состояние здоровья Марии Александровны ухудшилось: у нее появились частые приступы одышки, которые раньше были весьма редкими. Дмитрий Ильич, приехавший к ней весной 1916 года, писал позднее Анне Ильиничне: «...Когда я видел ее в последний раз весной этого года, мне было ясно, что в сер-

дце ее произошли такие серьезные старческие изменения, что всякая пустячная болезнь легко может привести к печальному концу...»

Анна Ильинична надеялась, что пребывание за городом на свежем воздухе улучшит состояние матери, поэтому она перевезла ее из Петрограда на дачу в деревню Юкки. Мария Александровна радовалась тому, что они наконец перебрались на дачу, но на воздух выходила редко из-за неустойчивой погоды.

«Дорогой Митя! — писала Мария Александровна 29 мая 1916 года в своем последнем письме к Дмитрию Ильичу. — Пишу тебе на даче. Марк снял прелестьную дачу, и мы наслаждаемся здесь природой... Жалею, что тебя нет с нами. Адрес дачи: по Финляндской дороге, станция Левашово, деревня Юкки, дача Шитова. Наши шлют привет тебе и лучшие пожелания. Крепко целую тебя, дорогой мой, ждем вести от тебя. Твоя мама, М. А. Ульянова».

В последних числах мая установилась ясная, теплая погода, и Мария Александровна стала понемногу выходить. Однако такие прогулки не были частыми, Мария Александровна была очень слаба и быстро уставала.

В конце июня 1916 года здоровье Марии Александровны начало резко ухудшаться. Врач Штремер, лечивший ее, нашел сильное расширение и слабость сердечной мышцы. В начале июля состояние ее стало еще хуже, и 5 июля Анна Ильинична послала Дмитрию Ильичу в Севастополь срочную телеграмму: «Мама больна, без сознания. Приезжай. Елизарова». Однако Дмитрий Ильич не получил эту телеграмму 5 июля. Он был на фронте. Не получил он ее и в ближайшие дни... Срочная телеграмма была задержана военной цензурой. Дмитрию Ильичу ее вручили... 25 июля. Через три недели!

Дмитрий Ильич очень тревожился долгим отсутствием вестей от родных. Зная о болезни матери, он посылает 13 июля письмо Марку Тимофесвичу, в котором спрашивает его о состоянии здоровья Марии

Александровны. В ответ на свое письмо он получил телеграмму, в которой было всего два слова: «Мама скончалась».

Уже позднее, 30 июля 1916, года Дмитрий Ильич просил Анну Ильиничну написать ему подробное письмо о последних днях жизни Марии Александровны. «...Мне рассказывала В., что мамочка была почти все время болезни без сознания. А от тебя я, кроме открытки, ничего не получал. Пожалуйста, напиши... На днях слушал на Приморском бульваре попури из «Травиаты». Эта музыка мне так напомнила маму, что я все время о ней думал и вспоминал, как она играла эту оперу на рояле...»

21 августа Анна Ильинична написала Дмитрию Ильичу подробное письмо о болезни матери. Она в это время находилась в заключении (ее арестовали 21 июля) и потому получила его письмо с большой задержкой.

До конца дней своих Мария Александровна жила интересами детей. И понятно, что, вернувшись в Россию в ночь с 3 на 4 апреля 1917 года, Владимир Ильич Ленин утром следующего дня направился на Волково кладбище и долго стоял у могилы матери...

В этой главе правомерно рассказать и о происхождении псевдонима «Ленин». «Я имею основание предполагать, — писал мой отец, — что этот псевдоним происходит от названия реки Лена, так прекрасно описанной Короленко. Владимир Ильич не взял псевдоним Волгин, так как он достаточно был истрепан, в частности, его использовал, как известно, Плеханов, а также другие авторы, например, небезызвестный богоискатель Глинка и пр.».

Глава II

ЗАБЫТЫЕ И СОКРЫТЫЕ ФАКТЫ



Маршрут «тяжелой прогулки» по Финляндии

О жизни и деятельности В. И. Ленина написано очень много книг, воспоминаний. Но они, к сожалению, стали неизвестны новому поколению России, особенно молодежи. Их трудно найти в библиотеках, архивах. Средства же массовой информации и телевидения заполняются многочисленными фальсификациями. И по Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войне и по первым шагам советского правительства во главе с В. И. Лениным.

Я не беру на себя смелость рассказывать о всех периодах деятельности Владимира Ильича. Это дело ученых-историков. Поэтому останавливаюсь на отдельных событиях, которые стали мне известны из рассказов моего отца и других членов нашей семьи, из общений с зарубежными представителями, в чьих странах бывал Владимир Ильич, из материалов моего архива. Они дают представление о характере Владимира Ильича, о его настойчивости в достижении поставленной цели, о его отношениях с соратниками и друзьями.

«Тяжелая прогулка» по Финляндии

В 1906 — 1907 годах наступили годы реакции. Тогда Владимиру Ильичу приходилось постоянно скрываться, переезжать с места на место. Царские ищейки охотились за ним, не давая покоя. Он переехал в Финляндию, жил там в Куоккала, постоянно работал, писал много, иногда тайно приезжал в Петербург на встречи с товарищами и вновь возвращался в Финляндию.

Вот неизвестный факт. Глубокой осенью 1906 года он с огромной предосторожностью встретился с Дмитрием. Где она происходила? Отец рассказал об этом в своем письме в сектор Ленина Института марксизма-ленинизма в ноябре 1934 года. Но почему-то я не нашла его в архиве. Мне ответили, что такого письма в ИМЛе нет. Видимо, плохо смотрели, потому что оно не

могло пропасть, где-то же оно хранится. Вполне возможно, что лежит не в разделе «Ленин», а в другом фонде.

И снова Владимир Ильич в Хельсинки и в Куоккала. Вновь пишет, готовит трехтомное издание своих произведений. Первый том вышел из печати в ноябре 1907 года. На книгу Владимира Ильича судебная палата наложила арест, возбудила дело о привлечении ее автора к суду.

Полиция разыскивала Ленина не только в Петербурге, но и по всей Финляндии. Он решил срочно уехать в Стокгольм. Но для этого ему нужно попасть в Турку, так как только оттуда пароход уходил в Швецию.

Сговорился с финскими друзьями о месте встречи в квартире социал-демократа Вальтера Борга в 11 часов вечера.

Однако в вагоне Владимир Ильич заметил двух сыщиков, их видел еще в Огльбю. Он стоял у окна в вагоне поезда, везущего его в Турку. В руке — маленький чемоданчик. Те двое следили за ним еще в Хельсинки, но он не смог от них «оторваться». И в Огльбю они его выследили.

Как быть? Мысль работает непрерывно: как можно от них скрыться?

Иногда они поглядывают на него. Он на них не смотрит, но боковым зрением видит их.

Как быть?

Он посмотрел еще раз на расписание. Последняя остановка перед Турку — станция Литтойнен.

Его сразу обожгла мысль: Литтойнен, Литтойнен.

Колеса отстукивали: Литтойнен, Литтойнен. Надо выходить в Литтойнен. Это единственная возможность оторваться от преследователей. Но ведь на остановке не выйдешь, они сразу выскочат за ним и схватят.

А поезд уже начинает замедлять ход. Скоро Литтойнен.

Некоторые пассажиры собираются здесь выходить. Он продолжает стоять у окна с безразличным видом, как будто его ничего не интересует.

Поезд остановился. Люди выходят из вагона. Ленин

задумчиво смотрит в окно. Свисток, и поезд медленно трогается.

Ленин быстро выходит в тамбур, отрывает дверь и прыгает с подножки. Проваливается в глубокий снег и падает. Встает, отряхивается. Поезд ускоряет ход, идет все быстрее, быстрее, а в нем — те двое. Поезд увозит их в Турку.

Идти вдоль полотна дороги нельзя. Они могут ждать его на станции. Он видит проезжую дорогу в сторону Турку и идет по ней.

О, как они смотрели на него в вагоне, как смотрели.

Его спасла Литтойнен. Литтойнен звучит как прекрасная мелодия, мелодия счастья, свободы.

Сначала было холодно. Сильный мороз, пробирает до костей, но он идет быстро, понемногу начинает согреваться. Путь неблизкий — десять километров. Но он человек спортивный, молодой, дойдет, а там, в Турку, его уже ждут друзья: Вальтер Борг, Линдстрём*, другие товарищи. Они ждут его к одиннадцати часам вечера, так как поезд приходит в Турку около одиннадцати.

Уже одиннадцать часов, двенадцатый, а Владимира Ильича все нет. Борг посылает своих сыновей на станцию, но они возвращаются, не встретив его. На подоконнике квартиры Борга — условный знак — горит свеча.

Финнов охватило волнение: что могло случиться с Лениным, куда он исчез? Уже первый час. Что-то ужасное. Почему его нет? Неужели его схватили?

Около часа ночи в окно, где горит свеча, кто-то бросил снежок. Они выбегают на улицу, — Господи, вот он, Владимир Ильич! Наконец-то! Цел, невредим!

* Одно замечание: позднее, после смерти Ленина, Линдстрём писал, что именно он был организатором поездки Владимира Ильича из Финляндии в Швецию. На самом деле действительными организаторами были Вальтер Борг, Санте Нортеве и Б. Н. Смирнов. Линдстрём о них не упоминает, так как отошел от коммунистической партии, хотел показать, что именно он спас Ленина при переезде его в Швецию. (Прим. автора.)

Вальтер Борг был потрясен: выпрыгнуть из поезда на полном ходу!

Линдстрём предложил Владимиру Ильичу отдохнуть, а ехать дальше уже на следующий день. Но Ленин, понимая, что за ним следят, сказал, что нужно немедленно ехать в Паргас. Линдстрём пошел разыскивать возницу, а Ленин пока выпил горячего чаю, съел бутерброды, и они сразу же выехали в местечко Кирьяла в Паргас (Парайнен — по-фински), а это от Турку не менее двадцати километров.

Ночь была холодной, двадцать градусов ниже нуля. Дорога после оттепели обледенела и была скользкой.

Возница заинтересовался: кто это едет, кто он такой? Линдстрём сказал, что это немецкий доктор Мюллер, который собирается исследовать в Паргасе известковые месторождения.

Дорога очень трудна. Проливы покрылись неокрепшим льдом. Поэтому ехать на санях по ним было нельзя. (В приложении показан путь Ленина. На карте Южная часть Финляндии состоит из островов, озер и проливов, зимой покрытых еще неокрепшим льдом.)

Через один пролив перебрались на плоту. Подъехали к большому проливу Рефсундет, шириной примерно в полкилометра. Но ехать по нему не смогли. Возница уехал обратно в Турку, а Линдстрём стал звонить в колокол, установленный на берегу. Так в Финляндии вызывали проводника с другого берега, когда по льду нельзя было переправиться.

На помощь пришли братья Карл и Вильгельм Крунберг и провели прибывших по слабому льду в поселок Кирьяла к Нурргорду. Там — усадьба земледельца Карла Густава Фредрикссона. Фредрикссон сам встретил Ленина. Линдстрём рассказал, как они добирались и что произошло в пути. Фредрикссон взял небольшую руку Ленина в свою огромную руку, другой дружески хлопнул его по спине и сказал басом:

— Дорогой друг, здесь ты можешь спать спокойно. Здесь силой тебя никто не возьмет.

Провел его в небольшую избу и показал там арсенал огнестрельного оружия — один из тайных складов финских активистов.

Владимир Ильич несколько успокоился, сел с Фредрикссоном за стол, поел бутерброды с сыром, ветчиной, запил молоком. Ему предложили выпить горячий грог, но он решительно отказался. Финны всегда удивлялись — почему он отказывается. Но Владимир Ильич, как правило, никакого спиртного в рот не брал. Как известно, Владимир Ильич вообще не пил ничего спиртного. Некоторая «публика» пытается опровергнуть это, — он, мол, любил пиво. Но и это неправда.

И теперь после тяжелого пути он смог немного отдохнуть. Тот диван, на котором он спал, сохранился до наших дней, и сын Карла Крунберга передал его краеведческому музею Паргаса.

Здесь, в Нурргорде, Владимир Ильич почувствовал себя в безопасности, находясь с добрыми и отзывчивыми людьми. Он мог с ними поговорить, побеседовать, шведский язык он знал. Тем более что сразу продолжать путь было нельзя, потому что дорога обледенела, а ехать нужно было на санях. Пришлось подождать, чтобы немножко подморозило.

Владимир Ильич всем интересовался: и условиями жизни, и работой социал-демократов — жена Карла Анна Крунберг говорила, что помнит Ленина как красивого и приятного человека, который охотно вступал в разговор с окружающими людьми. Он много записывал, как будто хотел обобщить свои впечатления и иметь их под рукой.

Только на третий день пошел снег и установился санный путь. Тогда Владимир Ильич вместе с Карлом Крунбергом, согласившимся быть возницей, в сумерках выехали в Мальм, до которого было примерно двенадцати километров.

В Мальме они должны были остановиться у хозяина магазина Карла Янссона. Предполагали, что тот сам

проведет Ленина дальше, в Лилльмялэ. Но, когда они обсуждали с Янссоном дальнейший путь, неожиданно в дом вошел полицейский Рудэ. Все, кто были в комнате, растерялись, потому что знали, что Рудэ — парень болтливый. Но рискнули посвятить его в план, как везти дальше «доктора Мюллера». Рудэ пригласил всех к себе в дом на чай. Когда ему удалось достать подводу, они поехали в местечко Лилльмялэ, это примерно в пятнадцати километрах. Ленина сопровождали уже и Рудэ, и Янссон. А в Лилльмялэ «доктора Мюллера» передали крестьянину Сёдерхольму. Дальше уже Ленин должен был продолжить путь по льду к пароходу, идущему из Турку в Стокгольм. Но на следующий день планы несколько изменились: в Лилльмялэ пришлось задержаться, так как покров льда в проливе был непрочный.

Здесь Владимиру Ильичу было трудно, потому что он не знал финского языка, на котором говорили крестьяне, и не мог с ними разговаривать. Это его сковывало. Когда, это как раз было Рождество, Ленин отказался от предложенного вина, хозяева поразились: что это за «доктор Мюллер», даже на Рождество рюмки не выпьет?!

В Лилльмялэ Владимир Ильич жил у крестьянина Сёдерхольма. Тот отвел гостю небольшую комнату. В ней и сейчас стоит белая деревянная кровать, на которой несколько ночей спал Владимир Ильич. Он не мог ехать дальше, так как лед не окреп, а была жидкая смесь воды со льдом.

Теперь оставался последний этап пути, самый трудный. В усадьбу Сёдерхольма пришел портной Юхан Шёхольм, у которого дом был типа пансионата, принимавший летом многих гостей, и этих гостей Шёхольм выбирал сам. Обычно это были члены партии активного сопротивления Финляндии. Сюда приезжал иногда и Вальтер Борг.

Вальтер Борг, являясь акционером различных пароходных линий, знал капитанов пароходов и поддерживал с ними доверительные отношения. По его просьбе

они принимали на борт пассажиров без проверки паспортов, прятали их от полиции.

В. И. Ленин не мог сесть на пароход в Турку, так как за ним следила царская охранка. Поэтому капитан «Стеллы» отчалил от порта Турку и остановился около одного из островов Парайнена, куда должен был прийти «доктор Мюллер».

Шёхольму была известна дорога по островам архипелага, и он хорошо знал надежных людей, которые могли провести Владимира Ильича.

Вот последний этап пути — восемь километров — частично на лыжах (5 км), частично пешком (3 км). Но на лыжах все было просто, а затем нужно было идти три километра по льду.

Это было самым опасным. Поскольку лед был еще непрочным, желающих идти с Лениным было очень мало. Однако Юхану Шёхольму удалось найти двоих финнов, которые рискнули пойти по неокрепшему льду. И вот, когда они ночью пробирались втроем к пароходу, в одном месте лед стал уходить у них из-под ног. Они оказались в воде.

Позднее Ленин рассказывал Надежде:

— Тогда я подумал: «Эх, как глупо приходится погибать!»

Наконец они добрались до стоянки парохода. Поднимаясь по трапу на пароход «Стелла», Владимир Ильич почувствовал, что все опасные переходы, все трудности и тревоги, как тяжелый груз, свалились с его плеч. И его охватила страшная усталость.

Многим известна картина советского художника А. Рылова — В. И. Ленин с маленьким чемоданчиком и с двумя провожатыми идет по льду Финского залива. Очень хорошая картина, но она не могла дать представления того, что это не лед, а вода со льдом, который крошится под ногами. **А подо льдом — глубина!**

Владимир Ильич уходил во вторую эмиграцию, гораздо более сложную и длительную, чем первая.

112 дней до Октября

Ночью 3 апреля 1917 года Владимир Ильич приехал в Петроград.

Революционный Петроград восторженно встречал своего вождя. Военный оркестр исполнил «Марсельезу». На многих знаменах было написано: «Привет Ленину». Владимир Ильич, радостный и возбужденный, приветствует встречающих. Все поют «Интернационал».

«Тот, кто не пережил революции, — писала позднее Крупская, — не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из Кронштадских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь».

После торжественной встречи и выступления Ленина, уже на рассвете, он и Надежда Константиновна, усталые и счастливые, поехали к родным — сестре Анне Ильиничне и ее мужу Марку Тимофеевичу Елизарову на Широкую улицу. (Здесь они прожили до июльских дней.) Здесь же жила и Маняша.

На другой день у Владимира Ильича начались выступления, встречи: он выступил на Всероссийской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов, рассказал об Апрельских тезисах. Меньшевики, заседавшие там же, в Таврическом дворце, стали уговаривать Владимира Ильича, чтобы он выступил и перед ними. Таким образом, у него получилось два больших выступления — и у большевиков, и на совместном заседании большевиков и меньшевиков.

Через несколько дней Апрельские тезисы были опубликованы в «Правде». После этого буржуазные газеты начали бешеную травлю большевиков и Ленина. Но это способствовало популяризации Апрельских тезисов. Люди видели, что Ленин против войны, что он — за мир; они верили ему. Владимиру Ильичу теперь прихо-

дилось очень много работать, и Надежда Константиновна видела его редко.

Оставалось всего сто двенадцать дней до Великого Октября. Три с лишним месяца. Совсем немного. Но для того крайне напряженного времени, в каждом дне опасность удваивалась.

Для Владимира Ильича Ленина эти дни были архисложны. Не то что день, а каждый миг таил в себе смертельную опасность. Его родные, соратники, друзья понимали это и тщательно оберегали его.

Наступление войск Временного правительства на фронте, начатое 18 июня 1917 года, провалилось. Были новые жертвы, много погибших. Это вызвало негодование рабочих и солдат. Они увидели, что правительство Керенского не собирается прекращать войну, обманывает их.

3 июля множество людей вышло на улицы Петрограда. Началась стихийная демонстрация трудящихся. Чтобы избежать новых кровопролитий, партия большевиков и Петроградский комитет в ночь на 4 июля решили принять в ней участие. Всего собралось более 500 тысяч человек. Но меньшевики и эсеры, захватившие Советы, вместе с контрреволюционным правительством решили подавить выступления солдат и рабочих огнем: по демонстрантам открыли стрельбу юнкера. Большевики уговорили рабочих и солдат разойтись по заводам, фабрикам и казармам, тем самым спасли их и сохранили свои основные силы.

Июльский кризис невероятно обострил обстановку в России: двоевластие закончилось, в стране установилась диктатура контрреволюционной буржуазии, началась бешеная травля Ленина, большевиков. Войска Временного правительства разоружили революционных солдат и офицеров, арестовывали их, расстреливали. И сразу же начался разгром большевистских организаций. Утром 5 июля юнкера ворвались в помещение редакции «Правды». К счастью, они не застали там Ленина, который заезжал туда по делам и вышел

оттуда буквально за несколько минут до их «визита». Была разгромлена типография «Труд». Арестовали А. В. Луначарского, Л. Д. Троцкого. В квартире на Широкой улице все время шли обыски — юнкера искали Ленина.

7 июля Временное правительство потребовало арестовать В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева и других большевиков и устроить над ними суд.

Надежда Константиновна и Мария Ильинична были категорически против явки Ильича в суд.

Владимир Ильич сначала колебался, но потом сказал Надежде:

— Мы с Григорием решили явиться. Пойди скажи об этом Каменеву.

Каменев жил по близости. Крупская стала собираться, но Владимир Ильич остановил ее:

— Давай попрощаемся, может, не увидимся уж.

Они обнялись, поцеловались.

Надежда передала решение Ленина Каменеву. Позже на квартиру Аллилуевых пришли И. В. Сталин, Серго Орджоникидзе, Е. Д. Стасова и другие товарищи. В. П. Ногин считал, что надо явиться и «перед гласным судом дать бой». Но Сталин ответил:

— Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге.

В ходе беседы убедили Ленина не являться в суд, ибо это будет не суд, а физическая расправа.

Пребывание Ленина в Петрограде становилось все более опасным для его жизни. Центральный Комитет партии решил перевести Ленина в район Сестрорецка и поселить в доме рабочего — большевика Н. А. Емельянова, который работал на оружейном заводе. Некоторое время Ленин и Зиновьев жили на чердаке Емельяновых; но это было рискованно, так как на станции Разлив ходило много разной публики, могли быть и сыщики. Поэтому Емельянов арендовал за озером Разлив в шести километрах от станции сенокосный участок. Ленина и Зиновьева под видом финских косарей перевезли на лодке через озеро, соору-

дили из веток и сена шалаши рядом со стогом сена, и там их поселили.

Ленин сбрил бороду и усы, надел серую кепку и старенькое пальто; теперь его стало трудно узнать. Людей тут практически было мало, дачники сюда не заходили, так как место было болотистым. Владимиру Ильичу раздобыли два чурбана: один, поменьше, служил «стулом», а побольше — «столом».

Здесь Ильич писал свою работу «Государство и революция», статьи «Уроки революции», «К лозунгам» и другие. Писал письма в Петроград, читал газеты. Н. А. Емельянов доставлял продукты и газеты. А газет Ильичу требовалось очень много. Он сказал, чтобы ему привозили все газеты, которые выходили в Петрограде.

Порой «финским косарям» приходилось прятаться, так как всюду — и в Сестрорецке, и в Разливе сновали сыщики Временного правительства. С Николаем Александровичем Емельяновым и его сыновьями, которые охраняли его, Ильич сохранил дружеские отношения на всю жизнь.

К Ленину приезжали Орджоникидзе, Шотман, к Зиновьеву — его жена. Не раз приезжала Надежда Константиновна.

Незаметно наступила осень. Становилось холоднее, шли дожди. Дни становились короче. Владимир Ильич решил перебраться в Финляндию. Приехал большевик Д. И. Лещенко и сфотографировал его в парике и кепочке, а Зиновьева — с бородой и пышной шевелюрой. Емельянов достал Ленину паспорт, и он превратился в рабочего сестрорецкого оружейного завода Константина Петровича Иванова. Узнать его действительно было невозможно.

Финские товарищи — Эйно Рахья и Гуго Ялава помогли ему переехать в Финляндию, в Гельсингфорс. Здесь друзья финны поселили его в квартире социал-демократа товарища Густава Ровио — начальника полиции Гельсингфорса (впоследствии одного из основателей

коммунистической партии Финляндии). Лучшей конспирации нельзя было и придумать! Жена Ровио в это время находилась в деревне. Густав помогал Владимиру Ильичу: по вечерам он встречал на вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил их Ленину. Владимир Ильич просматривал газеты до позднего вечера, писал статьи и письма, передавал их на другой день Густаву, который пересылал их этим же поездом в Петроград. Густав также приносил Владимиру Ильичу продукты, и он сам готовил себе еду. Ровио удивлялся, как это Ленин все успевал — и читать, и писать статьи и письма, и еще готовить.

Здесь Ильич закончил работу над книгой «Государство и революция», написал целый ряд статей, в частности «Марксизм и восстание», «Удержат ли большевики государственную власть?». Хочу еще упомянуть очень важные статьи Ленина, весьма актуальные и в наше время. Это — «Политический шантаж» и «Советы постороннего».

Дважды к нему приезжала Крупская с паспортом сестрорецкой работницы. В светлом платочке, закрывавшем ее пышные волосы, Надежда выглядела непривычно: платок придавал ей какую-то особую прелесть и молоджавость, а предстоящая встреча озаряла лицо радостью. Владимир Ильич был тронут необычайно — ведь они так давно не виделись, не разговаривали. Надежда пробыла у него два дня; потом он пошел ее проводить до вокзала, хотя это было, в общем-то, рискованно.

70 лет спустя я была в этой квартире, которая превращена в музей. Тимо Карвонен, работавший в обществе «Финляндия — СССР», открыл входную дверь. Мы вошли в дом и поднялись на пятый этаж. Подъезд и лестница наверх поразили меня своей чистотой и уютом. А ведь здесь на всех этажах были жилые квартиры, только у Ровио был музей. Оказывается, каждый из жильцов дома имел ключ от входной двери и, уходя на работу или по другим делам,

запирал ее. Теперь, к великому сожалению, музея нет: квартира Ровио продана, а вещи перевезены в музей города Тампере.

В своем сердце я храню глубокое чувство благодарности к финнам: Густаву Ровио, Эйно Рахья, машинисту Гуго Ялава, Парвиейненам и многим другим товарищам, относившимся к Ленину с безграничной любовью и преданностью и оберегавших его.

В Финляндии царит глубокое уважение к Ленину за то, что он подписал указ о ее независимости (День независимости 6 декабря 1917 года). И тем ужаснее сознавать, что Г. Ровио в 1938 году был репрессирован и погиб. За что? За то, что летом и осенью 1917 года спасал Ленина от бешеной травли Временного правительства?

Владимиру Ильичу просто невыносимо было находиться вдали от столицы. В Финляндии он все это время занимался подготовкой к восстанию — писал статьи, вел переписку с товарищами и ЦК. Но нелегальная обстановка страшно затрудняла его работу. Ведь за ним и Григорием Зиновьевым охотились и сыщики, и контрразведка Керенского. Даже буржуазные обыватели принимали участие в поисках вождя пролетариата.

Седьмого октября Ленин нелегально вернулся в Петроград. Доехать до него ему помогли Э. Рахья и Г. Ялава. А Надежда подготовила ему квартиру на Выборгской стороне у коммунистки Маргариты Фофановой в большом четырехэтажном доме, где жили в основном рабочие.

Теперь у Ильича появилась возможность встречаться с членами ЦК и участвовать в заседаниях. Обычно его сопровождал Э. Рахья. Как-то Ленин вернулся поздней ночью. Вся одежда — кепка, пальто, брюки, обувь — была у него в грязи. Взмолвленной Маргарите он рассказал, что расстался с Рахьей у самого дома, но не успел сделать и двух шагов, как столкнулся с патрулем, который стал проверять у него документы. К счастью, патруль отпустил его, но Ильич не мог при нем войти в дом, поэтому как опытный конспиратор, прошел мимо дома

и в темноте заплутался, хотя и знал этот район хорошо. Побродив в темноте, он наконец вышел снова к дому Маргариты.

10 и 16 октября 1917 года заседания ЦК проходили уже под руководством В. И. Ленина. Он настаивал на вооруженном восстании. Все были «за», кроме Каменева и Зиновьева. Опубликовав свое интервью в меньшевистской газете «Новая жизнь», они предали дело революции.

«Говорю прямо, — писал Ленин, — что товарищами их обоих не считаю и всеми силами перед ЦК и перед судом буду бороться за исключение обоих из партии».

После этого появилось новое распоряжение прокурора судебной палаты об аресте Ленина. Рано утром 24 октября Временное правительство пыталось закрыть Центральной орган большевиков «Рабочий путь», но красногвардейцы и солдаты по распоряжению ВРК организовали защиту редакции и Смольного. Газета вышла с небольшим опозданием.

24 октября (6 ноября нового стиля) Ленин направил письмо в ЦК:

«Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все».

ЦК не разрешил идти Ленину в Смольный, опасаясь за его жизнь. Владимир Ильич несколько раз посылал Маргариту то в Смольный, то к Надежде, которая тоже волновалась за него. Ведь обстановка в городе была крайне сложной: на улицах — рабочие, войска, которые перешли на сторону большевиков, красногвардейцы, а с другой стороны — юнкера и казаки Керенского, и всюду — сыщики, сыщики...

Договорившись с Фофановой о том, что в 11 часов вечера он все равно уйдет в Смольный, Ленин дождался Э. Рахью. Несмотря на его уговоры, Владимир Ильич твердо сказал: «Едем в Смольный!»

Ленин загримировался, и они пошли. Часть пути проехали на трамвае, который шел в дено. Потом пошли пешком. В одном месте их задержали два конных юнкера. Эйно велел Ильичу идти вперед, а сам стал ругаться с юнкерами, что-то им доказывать. Те отстали от него. Эйно потрогал оба револьвера, догнал Ильича, и они двинулись дальше. Между прочим, Владимир Ильич не знал о револьверах, иначе бы он не разрешил Эйно брать их с собой. Благополучно перешли через мост, и вот он — Смольный! Наконец-то! Яркое освещенный огнями, окруженный красногвардейцами. На улицах костры, у дверей — часовые.

Маргарита, вернувшись домой, нашла записку: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

А Ильич был уже в Смольном, встретился со своими соратниками, со Сталиным. Заседал Петроградский комитет, непрерывно заседал Военно-революционный комитет. Ленин был уже в своей стихии — оживленный, окруженный людьми, руководил вооруженным восстанием, — самым бескровным за все времена: по словам Н. А. Рубакина, известного русского писателя и библиографа. При взятии Зимнего Дворца погибло всего шесть человек. С нашей стороны.

Надежда говорила, что она не видела Ильича, но по настроению, по подъему людей чувствовала, что он здесь, рядом, и была счастлива. «Ленин весь с головой ушел в дело руководства восстанием, — говорила она, — а руководя, он, как всегда, вникал во все мелочи». Со всех концов Петрограда приходили за указаниями красногвардейцы, рабочие, солдаты, матросы.

К утру 25 октября телефонная станция, телеграф, радиостанция, электростанции, вокзалы, Государственный банк были заняты красногвардейцами, матросами, солдатами.

Утром 25 октября (7 ноября) 1917 года было опубликовано написанное В. И. Лениным обращение «К гражданам России!»

В нем сообщалось: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона». По всей России и на все фронты были посланы телеграммы о победе революции в Петрограде: «Рабоче-крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

Когда В. И. Ленин стал во главе нашего государства, народы нашей Родины и других стран поняли, что целью своей жизни он считал великое дело освобождения всего человечества от всякого угнетения. Поэтому столь велика и безгранична была любовь народа к нему, и никакая ложь и клевета не могут осквернить его светлый и чистый облик.

В заключение этого раздела хочу остановиться еще на двух фактах.

После Октябрьской революции, примерно в конце ноября 1917 года, норвежская социал-демократическая партия предложила присудить Нобелевскую премию мира за 1917 год Председателю Совета Народных Комиссаров Советской Республики — Владимиру Ильичу Ленину. В представлении нобелевскому комитету говорилось:

«До настоящего времени для торжества идеи мира больше всего сделал Ленин. Он не только всеми силами пропагандирует мир, но и принимает конкретные меры к его достижению».

Студенты Константинопольского университета (Турция) также выступили с предложением наградить вождя России — творца вечного мира товарища Владимира Ильича Ленина Нобелевской премией.

Кандидатура вождя революции на соискание Нобелевской премии была названа вторично в мае 1918 года. Комитет по Нобелевским премиям отклонил ходатайство норвежских социал-демократов, но лишь по той причине, что оно опоздало к установленному сроку — 1 февраля 1918 года.

Однако комитет вынес решение, что «если существующему русскому правительству удастся установить мир и спокойствие в стране, то комитет не будет иметь ничего против присуждения В. И. Ленину премии мира на будущий год».

Но начавшаяся весной 1918 года Гражданская война и нашествие войск Антанты на молодую Советскую республику не позволили Советскому правительству установить мир в России.

В последнее время в связи с расстрелом царской семьи было организовано немало критических выступлений в адрес Владимира Ильича, который якобы виноват в содеянном. Между тем доподлинно известно, что Владимир Ильич не принимал никакого участия в том, чтобы Николай II и его семья были расстреляны. Напротив, он был категорически против их казни.

Когда в 1918 году в Екатеринбурге заседал областной Совет Урала по вопросу о том, что делать с царской семьей, большинство склонялось к тому, чтобы расстрелять. Объясняли это прежде всего сложной военной обстановкой, с востока двигалась армия Колчака, с юга и юго-запада — монархисты, поддерживающие царя. В результате приняли решение, чтобы военный комиссар Екатеринбурга Филипп Голощекин поехал в Москву к Председателю ВЦИКа Я. М. Свердлову и получил у него санкцию на расстрел. Об этой встрече Свердлов рассказал В. И. Ленину.

Владимир Ильич высказался за то, чтобы привезти царя и царицу в Москву и устроить показательный суд на весь мир:

«Именно Всероссийский суд с публикацией в газетах. Подсчитать, какой людской и материальный урон нанес самодержец стране за годы царствования. Сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому не нужной войне! Чтобы ответил перед всем народом! Вы думаете, только темный мужичок верит у нас в «доброе» батюшку-царя? Не только, дорогой Яков

Михайлович. Давно ли передовой наш питерский рабочий шел к Зимнему дворцу с хоругвями? Всего каких-нибудь тринадцать лет назад. Вот эту-то непостижимую «расейскую» доверчивость и должен развеять в дым открытый процесс над Николаем Кровавым».

Свердлов передал все это Голощекину и сказал: «Вот так и объясни товарищам из Екатеринбурга: «ВЦИК официальной санкции на расстрел не дает».

Вся эта ситуация была зафиксирована в воспоминаниях одного из участников расстрела семьи Романовых — Медведева. Документы об этом хранятся в РГАСПИ (бывшем ЦПА).

Еще незадолго до 1917 года другая часть царской семьи — мать Николая II Мария Федоровна, великий князь Николай Николаевич (дядя царя) со своей семьей, а также князья Юсуповы, графиня Воронцова и другие жили в Крыму.

Мой отец, Дмитрий Ильич, до революции был одним из руководителей революционного подполья Крыма и работал врачом. Там встретил он Великую Октябрьскую революцию, был членом Таврического обкома партии.

Для того, чтобы предотвратить самосуд над родственниками царя, Дмитрий Ильич распорядился поселить их, а также Юсуповых во дворце Дюльбер в Ялте (впоследствии санаторий для трудящихся «Красное знамя»), чтобы удобнее было их охранять и оградить от всяческих притеснений.

Дмитрий Ильич регулярно сообщал о революционной обстановке в Крыму, а также о царской семье Владимиру Ильичу по телефону. Ленин сам живо интересовался судьбой родственников царя. Это еще раз подтверждает, что Ленин совершенно не собирался никого расстреливать.

Даже когда в 1918 году Крым был оккупирован немцами и большевики вынуждены были уйти в подполье, солдаты, верные долгу, умудрялись охранять дворец. На предложение командующего немецкими войсками ве-

ликому князю Николаю Николаевичу Романову покинуть Крым и вместе с ним переехать в Берлин, тот, будучи уверенный в своей безопасности, ответил отказом.

Уже позже, когда в 1919 году Красная Армия перешла в наступление и двинулась освобождать юг Украины и оккупированный войсками Антанты Крым, к ялтинским берегам причалил английский крейсер. На нем все Романовы, Юсуповы и другие со всем своим имуществом покинули берега России. Примечательно, что в годы Великой Отечественной войны князь Феликс Юсупов передал в фонд обороны Советскому правительству крупную сумму денег.

Политическое завещание

О письме Владимира Ильича к съезду я узнала только после XX съезда КПСС, в 1956 году, когда оно было впервые опубликовано в открытой печати, через... тридцать четыре года после его написания! Часть письма была опубликована в закрытом бюллетене «XV съезд партии», но ознакомиться с ним было нельзя — бюллетень находился в спецхране и на руки не выдавался.

Прочитав его, я долго обдумывала все события, происходившие в нашей семье, думала и обо всем, что произошло за эти годы в Советском Союзе.

Когда мысленно как бы «прокрутила назад киноплёнку» моей жизни, жизни моих родных, у меня неожиданно открылись глаза: многое из того, что мне было неясно о Ленине, что было скрыто от меня, вдруг прояснилось. Так густой туман, рассеиваясь, открывает все, доселе скрытое им.

Я была потрясена гением Владимира Ильича: как он, будучи тяжело больным физически, за год до смерти смог написать письмо к съезду и все статьи, объединённые общим названием «Политическое завещание»! Сам он называл его «Дневник».

Какой же необыкновенной глубины, ясности и быстроты был его ум, что даже тяжелая болезнь (атеросклероз сосудов головного мозга) не смогла помешать ему работать! Как, несмотря на болезнь, он смог написать программные статьи, которые актуальны и в настоящее время!

У меня создалось впечатление, что руководство КПСС, знакомясь с политическим завещанием Ленина, считало его историей и не относило к настоящему времени. Но ведь все статьи — это программа деятельности на десятилетия нам, его потомкам, программа, которую нужно было претворять в жизнь вчера, сегодня, завтра. Пока еще не поздно. Думаю, что поздно не будет никогда. И нужно заняться реализацией этой программы как можно раньше.

Несколько слов об истории политического завещания Ленина. В декабре 1922 года болезнь у Владимира Ильича обострилась. Опасаясь, как бы она не захватила его врасплох, он очень спешил закончить свои дела. Однако 23 декабря произошел паралич правых руки и ноги, и Ленин больше не мог сам писать. Для него это было очень тяжело. Он сказал врачам, что просит разрешить ему диктовать стенографистке важное для него письмо к съезду партии. Ему разрешили, и на следующий день началась работа. Ленин предупредил стенографистку, что данное письмо является абсолютно секретным. Стенографистка должна была записать, что вскрыть конверт может только Ленин, а после его смерти Крупская.

Первая часть письма, в которой говорилось о том, что число членов Центрального Комитета необходимо увеличить за счет рабочих, была послана Владимиром Ильичем Сталину.

«Такая реформа, писал он, значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы.

Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз».

Основная часть письма к съезду согласно воле Ленина была передана Надеждой Константиновной Центральному Комитету партии после смерти Ленина, перед XIII съездом партии. Н. К. Крупская при передаче записала: «Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его записка после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда».

До последних дней своей жизни В. И. Ленин был убежден, что его письмо сохранится до съезда партии в запечатанном виде. Это было очень важно, так как в своем письме он дал сугубо личные характеристики членам Политбюро и ЦК партии. Однако, как выяснилось позже, секретарь Владимира Ильича Л. А. Фотиева нарушила волю Ленина, сообщив Сталину о содержании секретного письма.

В объяснении, написанном ею 29 декабря 1922 года Каменеву, она оправдывалась тем, что якобы не знала о секретности письма Ленина и стенографистка ее якобы не предупредила. Более чем странное объяснение; тем более что на конвертах была указанная выше надпись. Это было грубейшим нарушением воли В. И. Ленина. То, что сделала Фотиева, имеет свое название — обман Владимира Ильича. Для ясности хочу привести часть письма, касающуюся Генерального секретаря партии Сталина.

«...Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет

мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно...» (24 декабря 1922 года).

И далее — добавление к этому письму:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин.» (4 января 1923 г.)

Кроме письма к съезду, в Политическое завещание Ленина входит ряд статей, например, «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «О кооперации», «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова) и др. Они опубликованы в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, том 45, с. 343 — 454.

Все они были написаны, точнее продиктованы им в течение двух с половиной месяцев. Много ли найдет-ся ученых, которые за такой короткий срок смогут проделать работу, подобную этой, и будучи при том в полном здоровье?!

Я никогда не видела Фотиеву ни у тети Нади ни у тети Мани, ни тем более у папы — у нас дома. Не видела ее и у тети Ани, и в Горках. Хотя очень многих знакомых Ульяновых я знала и хорошо помню. Например, дочерей Инессы Арманд — Инну и Варю. Они часто бывали у тети Нади, в летнее время жили в Горках со своими дочерьми, моими сверстницами. Спрашива-

ла я и знакомых Ульяновых, которые были старше меня и могли видеть и помнить Фотиеву в квартире Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. У меня сложилось впечатление, что она ни у кого из Ульяновых не бывала, даже разговоров о ней я не слышала, как будто ее не существовало... Странно, не правда ли?

Впервые увидела ее осенью 1941 года в Ульяновске. Отец приехал в Дом-музей В. И. Ленина, мы с мамой тоже были с ним. Вообще, он часто бывал там несмотря на удивительно суровую зиму 1941 — 42 года; чувствовалось, что его тянуло побывать в родном доме, где прошло его детство. И вот здесь произошла, по-видимому, случайная встреча с Фотиевой. Она пыталась проявить внимание, даже немного заискивала перед ним. Отец был холоден и немногословен.

— Папа, кто это? — спросила я после того, как она ушла.

— Это Фотиева, бывший секретарь Володи, — ответил отец.

Меня удивила холодность папы, что было совершенно несвойственно ему. Он ничего не сказал больше, а я не спрашивала. Мама тоже молчала. Много позже, после смерти моего отца, я не раз встречала ее в Центральном музее В. И. Ленина в Москве. Она работала там довольно долго, чем она занималась — не знаю. Никаких разговоров у меня с ней не было. Чувствовалась в ней какая-то отчужденность и высокомерие. Поняла я ее поведение лишь через много лет.

Боже мой, сколько же лет прошло!

Только в 1956 году я впервые прочла «Письмо к съезду», а насчет предательства Фотиевой вообще ничего и не знала. Только несколько лет назад поняла, в чем причина отношения к ней всех Ульяновых.

Но вернемся к тому, что Надежда Константиновна передала «Письмо к съезду» в ЦК партии. Пленум ЦК принял решение письмо не зачитывать на съезде, а ознакомить с ним делегации. Так и было сделано: Сталин,

Каменев и Зиновьев выступили перед отдельными делегациями и рассказывали им о «Письме к съезду» Ленина. Как я говорила выше, оно опубликовано не было. Сталин умело убрал его еще в 1924 году на XIII съезде партии, и, таким образом, воля Ленина не была выполнена. Знали ли о нем коммунисты, знал ли о нем народ? Думаю, что основная масса людей о нем не знала, а те немногие, кто знал, — были вынуждены молчать.

Через несколько лет после смерти Владимира Ильича — И. В. Сталин раза два приглашал к себе отца, беседовал с ним, предлагал ему занять высокий государственный пост. Сталин знал отца еще со времен Гражданской войны, ценил его эрудицию, его ум, большой опыт партийной работы. Однако Дмитрий Ильич отказался от его предложения, сославшись на свою болезнь: во время Гражданской войны у него были сильно обморожены ноги.

Обдумывая это, я могу предположить, что болезнь отца была в какой-то степени предлогом. Отец знал о борьбе Сталина с соратниками Ленина, видел, что политика Сталина не совпадала с политическим завещанием Владимира Ильича.

Слова отца из письма к другу «Теперь у него развязаны руки» заставляют задуматься о многом. Знал он, конечно, и историю с сокрытием письма Ленина к съезду. Полагаю, что все это тоже было причиной отказа отца от предложения Сталина. Отец никогда не рассказывал мне историю «Письма к съезду». Мама тоже не говорила, думаю, чтобы не навлечь на меня беды.

Последние три дня

Сегодня, в преддверии каждого дня рождения Владимира Ильича — 22 апреля или траурного дня — 21 января, постоянно активизируются различные антиленинские силы: появляются клеветнические статьи в печати, телепередачи и фильмы, дискредитирующие В. И. Ленина. Не-

навиистникам России неймется оттого, что им никак не удается истребить из сознания народа истинное понимание того, что делал Владимир Ильич, как он работал и жил. Они из той породы людей, которых еще великий А. С. Пушкин назвал «клеветниками России». Они клеветают и на Ленина, и на Советскую власть, и на социализм. Для них наша история — ничто. Призывают чуть ли не перчеркнуть советский период.

Злобствующиe антисоветчики написали и наговорили немало лжи о последних днях Ленина. Не хочу их повторять, так как это не соответствует действительности и носит антигуманный характер.

Когда Владимир Ильич тяжело заболел, Надежда Константиновна все время была около него. Врачи предписывали Ленину отдых и покой, и она делала все возможное, чтобы оградить его от тревог, чтобы облегчить состояние любимого человека. Полосы надежды сменяются у нее полосами тревоги. Но Надежда Константиновна старается держаться бодро, чтобы как-то подбодрить и Владимира Ильича.

Только в письмах к друзьям она откровенна, да и в разговорах с родными — Дмитрием, Маняшей и Анной. «У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертовски медленно. У Володи выдержка громадная, старается скрыть от всех, как ему тяжело», — писала тетя Надя в одном из писем.

Она тоже старается держаться, чтобы он не заметил ее тревоги.

«...Каждый раз, — вспоминала Н. К. Крупская, — я ездила в Москву редко, обычно раз в неделю после обеда, — Владимир Ильич давал поручения. В начале октября Владимир Ильич раз собрался со мной ехать в город. Тогда врачи боялись, как бы он не захотел там остаться, и потому мы всячески отговаривали его от поездки; но в один прекрасный день он отправился в гараж, сел в машину и настоял, чтобы ехать в Москву (18 — 19 октября 1923 г.). Там он обошел все комнаты,

зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком, потом захотел поехать по городу — ездили мимо сельскохозяйственной выставки. Разобрал свои тетрадки, отобрал три тома Гегеля, взял их с собой. На другой день стал торопить ехать обратно в Горки.

Больше разговоров о Москве не было.

В автомобиле в сентябре и октябре ездили много. Владимир Ильич любил лес, простор и охотно ездил на прогулки, указывая куда надо ехать. Местность он хорошо знал. Зимой в солнечные дни тоже ездили в лес — товарищи брали с собой ружья, раза два брали с собой собак. Видели несколько раз лису, зайчишку. Владимир Ильич любил эти поездки, но нас с Марьей Ильиничной не брал с собой. Еще в субботу ездил он в лес, но, видимо, устал, когда после обеда мы сидели с ним на балконе, он утомленно закрывал глаза, был очень бледен и все засыпал, сидя в кресле. Последние месяцы он не спал совершенно днем и даже старался сидеть не на кресле, а на стуле. Вообще, начиная так с четверга, стало чувствоваться, что что-то надвигается: вид стал у Владимира Ильича ужасно усталый и измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел, а главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, отвечал отрицательно. В субботу 19-го вечером он стал объяснять Николаю Семеновичу Попову, что видит плохо. Николай Семенович посмотрел его глаза, сказал ему, что у него конъюнктивит, надо промыть глаза борной, очистить желудок и завести темные очки.

В воскресенье 20 января пригласили профессора М. И. Авербаха. Владимир Ильич встретил его очень ласково, охотно отвечал на все вопросы, немного успокоился.

В понедельник 21 января 1924 г. пришел конец. Владимир Ильич утром еще вставал два раза, но тотчас ложился опять. Часов в 11 он попил черного кофе и опять заснул. Время у меня спуталось как-то. Когда он проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять

кофе, он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд. Владимир Александрович Рукавишников и Петр Петрович Пакалн держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Профессор Фёрстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было».

Приведу и мнение моего отца — врача Дмитрия Ильича.

В рождественские праздники 1924 года он несколько раз ездил к брату в Горки. Здоровье Владимира Ильича к этому времени значительно поправилось, и он свободно ходил без посторонней помощи, лишь опираясь рукой на палку. Улучшилась также в значительной мере и речь. Ежедневно Владимир Ильич под руководством врачей занимался с Надеждой Константиновной тренировкой речи.

Вот как описывал Дмитрий Ильич последние часы жизни В. И. Ленина: «Приезжая в Горки, я старался развлечь брата простыми разговорами и часто говорил ему об охоте. Эта тема Владимира Ильича крайне занимала. Он сам время от времени ездил из Горок охотиться. Обычно в этих поездках его сопровождали студенты-медики, к слову сказать, великолепно за ним ухаживающие. Когда выпал снег, ездили на санях, и Владимир Ильич подолгу любовался прекрасным зимним пейзажем. Последняя поездка брата из Горок была еще за три дня до его смерти.

Но вдруг наступило внезапное ухудшение, за которым и последовал трагический конец. Незадолго до смерти Владимир Ильич впал в бессознательное состояние, в котором находился около двух часов. Находившимися у постели врачами немедленно же было сделано искусственное

дыхание и принят ряд других необходимых мер — было сделано все возможное, но брата спасти не удалось. Произведенное на следующий день вскрытие показало, что причиной смерти Владимира Ильича было кровоизлияние в мозг, произошедшее в результате исключительной изношенности стенок кровеносных сосудов. Если и был Владимир Ильич болен раньше, то за последние пять лет болезнь развилась до чрезвычайности и привела к трагическому концу лишь вследствие того, что он в течение ряда лет бессменно нес исключительно тяжелую, совершенно титаническую работу».

Различные фальшивки о кончине и диагнозе болезни Владимира Ильича были разоблачены еще в 20-е годы врачами, которые лечили Ленина, а также в 70-х годах.

«Не могу понять, — замечал академик Б. Петровский, — как можно печатать эти домыслы, когда сама история болезни В. И. Ленина, подлинные протоколы вскрытия его тела и микроскопических исследований абсолютно точно определяют диагноз заболевания — атеросклероз левой сонной артерии с резко выраженным поражением артерий головного мозга и, как кульминационный момент, — кровоизлияние в зоне жизненно важных центров мозга. Все клинические симптомы этой трагедии, наблюдаемые советскими и зарубежными учеными-медиками у постели больного, это подтверждают. **Ни о каком отравлении не может быть и речи**» (подчеркнуто мною. — О. У.).

Этот диагноз был поставлен в январе 1924 года академиком А. И. Абрикосовым и другими. Всего 10 ученых.

В 1970 году крупнейшие ученые медицины академики Е. В. Шмидт, Е. И. Чазов, А. И. Струков, С. Саркисов подтвердили диагноз, поставленный в 1924 году.

Завершая эту главу, хочу еще раз отметить, что всю свою жизнь, всю без остатка Владимир Ильич отдал делу служения народу, социализму. Такие великие слова как социализм, интересы народа невозможно отделить от имени Ленина. Никому это не дано.

Глава III

ЖИЗНЬ В КРЕМЛЕ





Бывший кабинет В. И. Ленина в Кремле

В
Не
все пр
далеко
торыс
дымк
изобр
неотд
Та
я виж
чаты,
Я
плацу
(это я
краси
тит и
расска
сколь
А
развал
кие ре
так ми
радост
такое
кубик
Потом
сохран
лочен
Му
М
пала в
рос. П
Он ра

Всякий раз, когда мне случается проходить по Кремлю, на меня волнами наплывают воспоминания разных лет, разных периодов жизни.

Некоторые из них совершенно ясные и четкие, будто все происходившее было только вчера. Другие же очень далекие, туманные; они подернуты дымкой, как некоторые картины импрессионистов. Хочется убрать эту дымку, эту густую вуаль, чтобы увидеть яснее то, что изображено на картине. Но ее убрать невозможно — она неотделима от картины.

Так же неотделима вуаль и от моих воспоминаний: я вижу какое-то место в Кремле, но детали его расплывчатые, и их нельзя сделать более четкими.

Я вижу изумительно красивую галерею на Драгунском плацу с мозаичными портретами русских царей и цариц (это я узнала от папы уже позднее). А тогда видела просто красивые мозаичные стены с портретами. Мозаика блестит и переливается. Я иду с папой и мамой по галерее. Папа рассказывает мне о ней, но я этого тоже не помню, — сколько мне было тогда? Года четыре, может, пять?

А вот уже позже, кажется, в 1929 году, вижу груды развалин, горы мелких ярких камушков, и мы, маленькие ребята, собираем их. Ведь они такие красивые, так милы детскому сердцу. Мы набиваем ими карманы и, радостные, несем домой. Еще бы! Ведь не всем выпадает такое счастье найти такие яркие разноцветные камешки-кубики. Помнится, мы с подружками долго играли с ними. Потом они, конечно, затерялись. Но до сих пор случайно сохранился у меня светло-зеленый кубик с одной позолоченной гранью. Как память далеких детских лет.

Мухалатка

Мне было, наверно, лет семь, когда я впервые попала в Мухалатку: мы с мамой были в санатории Форос. Папа приехал позже, так как был занят на работе. Он разместился в Мухалатке.

Как-то он привез нас с мамой к себе на несколько дней. Мне очень понравился этот небольшой белый дворец, стоявший в большом парке, довольно далеко от моря.

Во время Великой Отечественной войны фашисты разрушили Мухалатку. После войны она была восстановлена. Рассказывали, что она изменилась, изменился и парк, но я больше там не бывала. Теперь это Госдача.

Поскольку до моря было далековато, отдыхающих возили на пляж на линейке, но некоторые предпочитали ходить к морю пешком. Обратно нужно было идти в гору, и после купания в море все старались поехать на лошади.

В Мухалатке обычно было немного отдыхающих, в основном туда ездили одни и те же люди. Все хорошо знали друг друга, обстановка была простая, во всем царило дружелюбие.

Часто бывали там мои тети — Мария Ильинична и Надежда Константиновна, папа бывал реже. Он старался отдыхать с нами, а в более поздние годы чаще ездил вместе с мамой на лечение в Кисловодск и в Сочи (Мацесту).

Хорошо запомнились мне по Мухалатке Григорий Константинович Орджоникидзе с Зинаидой Гавриловной (они были нашими соседями по Кремлю), наши известные военачальники.

В столовой стоял длинный стол, накрытый скатертью. Все отдохавшие обедали и ужинали как бы одной семьей. Это сближало людей. Часто за столом шел общий разговор, звучал веселый смех. Царил какой-то совершенно особый неповторимый семейный колорит. Такого я не встречала нигде, ни в одном доме отдыха или санатории, где мне доводилось бывать позднее.

Особенно хорошо я запомнила Августа Ивановича Корка, командарма II ранга. Он часто разговаривал со мной, а дети таких взрослых помнят всегда. За столом в столовой он сидел рядом со мной. Однажды, когда на обед была курица, Август Иванович протянул мне косточку-дужку и сказал:

— Разломай ее.

В смущении я стала тянуть ее, но она не ломалась.

— Сильнее, сильнее тяни, Ляля, — говорил он, смеясь.

Он тянул дужку, конечно, сильнее и, наконец, она сломалась. Большая ее часть осталась у него, меньшая — у меня. Он сказал:

— Бери и помни.

Я в растерянности посмотрела на бабу и маму. Они улыбались, и это подбодрило меня.

— А зачем? — спросила я.

Он ответил:

— Ты храни свою половинку, а я — свою. Когда мы с тобой опять увидимся, мы сложим эти половинки.

— И тогда опять будет целая дужка?! — обрадовалась я.

— Да, Ляля.

Я убрала дужку в кармашек. Помню, что долго хранила ее, уже вернувшись в Москву. Но потом эта маленькая косточка затерялась. Забылась и история с дужкой.

Вспомнила я о ней гораздо позже, в 1937 году: в газетах было сообщение о том, что за измену Родине приговорены к смерти выдающиеся Советские военачальники. Среди них увидела знакомую фамилию — Корк. Мне было трудно это представить. Тут какая-то ошибка, — думала я, — не мог Август Иванович, добрейший человек, быть фашистом.

Спустя много лет выяснилось, что Гитлер через секретные спецслужбы, подбросил президенту Чехословакии Э. Бенешу фальшивку, а Бенеш передал ее Сталину.

Гитлер, готовясь к войне с Советским Союзом, хотел обезглавить Красную Армию, уничтожив самых крупных советских военачальников, участников Гражданской войны и Октябрьской революции. Сколько же опытных командиров Красной Армии погибло из-за дьявольской хитрости Гитлера! Как мудрый Сталин не разобрался в том, что это была ложь, поверил злой клевете?..

— Бери и помни Ляля...

После горестного отступления, вновь возвращаясь к Мухалатке. Более всего мне запомнился кабинет—библиотека: массивный письменный стол, на нем — письменный прибор и бронзовая статуэтка — лошадка, везущая на розвальнях дрова. Мне запомнилась потому, что я с детства обожала лошадей. Эти стройные соразмерные животные всегда привлекали меня своей красотой и грацией, своей преданностью человеку. И рисовать их я научилась рано. Всюду, где только возможно, — в тетрадях, книгах, на асфальте — рисовала коней, скачущих, стоящих, пасущихся, везущих повозки...

Помню, как папа впервые посадил меня на лошадь в Мухалатке. Лошадка была смирная, папа держал ее под уздцы. Мама очень беспокоилась обо мне и повторяла: — Митюша, не надо, она может упасть!

Несколько минут проехала верхом, потом папа снял меня с лошади. Я была страшно горда тем, что ехала верхом.

В библиотеке вдоль стен стояли большие книжные шкафы темного дерева со стеклянными дверцами. Я любила бегать сюда и рассматривать книги, старинные, в кожаных переплетах и, главное, с красивыми иллюстрациями.

Однажды, достав из шкафа большую книгу, чтобы посмотреть картинки, я увидела в ней необыкновенных лошадей. Картинки были цветные, прикрытые тонкой папиросной бумагой. На одной белая арабская лошадь, смотревшая на меня своими черными глазами. На второй — гнедая лошадка английской породы. На других — тоже были изображены кони, но не такие красивые. Я не могла оторвать от них глаз.

И тут мне пришла в голову невероятная мысль — вырвать две эти картинки и взять их себе. Не долго думая, я осторожно, — как мне казалось, — вырвала их из книги и унесла в нашу комнату. Меня переполняла радость — какие теперь у меня прекрасные кони, как в

«Коньке-Горбунке». Я сразу же дала им имена и стала с ними играть.

Вдруг вошла мама, она спросила:

— С чем это ты играешь, Лялочка? — Я немножко струсил, моя мама была очень строгой.

— Смотри, какие красивые лошадки! — и я показала их маме.

— Действительно, очень красивые. Но откуда они у тебя?

— Из библиотеки, — ответила я, все больше робея.

— А где они были в библиотеке? Где ты их взяла? — Я молчала, не зная, что ей ответить. Мама ждала, вопросительно глядя на меня. Конечно, она все сразу поняла и хотела, чтобы я сказала об этом ей сама.

— Я вырвала их из книжки, — прошептала я.

— Как ты могла это сделать, Ляля? Разве ты не знаешь, что из книг нельзя вырывать страницы?!

Я молчала, чувствуя свою вину и не зная, что ей ответить.

— Нужно сейчас же отнести их в библиотеку и вложить в книгу, — строго сказала мама. Мы пришли в библиотеку, и я дала ей злополучную книгу. Показала, откуда их вырвала.

— Возьми у сестры-хозяйки клей, и попробуем вклеить их на место. — Я с облегчением помчалась к сестре, хотя в душе мне было до слез жаль расставаться с моими красавцами. Мама вклеила их обратно, но все равно было заметно, что картинки повреждены. Книга была испорчена.

Вечером папа посадил меня к себе на колени и спросил:

— Ляля, ты знаешь, что такое библиотека?

— Ну, это где можно читать книжки, — ответила я.

— Как же ты могла испортить книгу? Тебе понравились кони, и ты взяла и вырвала картинки из нее. А после тебя кто-нибудь возьмет эту книгу и тоже вырвет несколько страниц, а потом кто-то еще, и еще. Что же останется от книги, Ляля? Одна обложка, и все.

Ты знаешь, сколько приходилось заниматься в библиотеках дяде Володе? Ведь он работал в библиотеках Ленинграда, Москвы, во Франции, в библиотеках других стран. И всегда аккуратно и бережно обращался с книгами. Иначе бы его не пустили ни в одну библиотеку.

— А почему он занимался в разных библиотеках? — удивилась я.

И папа рассказал мне о том, как дяде Володе приходилось скрываться от царских властей, как он жил в разных странах, как он много работал с книгами в библиотеках и сколько сам написал больших книг.

— Ты спроси как-нибудь у тети Нади. Она многое может тебе рассказать, ведь она всегда была рядом с дядей Володи.

Но я долго стеснялась говорить с ней о книгах — боялась, что она знает о моей скверной проделке.

Прошли годы. Я стала постарше, и тогда уже решилась с ней поговорить (о моей проделке она не знала). Тетя Надя усаживала меня на диван и рассказывала, как дядя Володя работал в библиотеках, читал книги на разных языках. Я слушала, затаив дыхание. Для меня это было новым, необычным. Но, к сожалению, такие беседы с ней были очень редкими, да и в присутствии своего секретаря ей не хотелось говорить

Школьные годы

В школу я пошла 1 сентября 1930 года.

Мы учились в одном классе со Степаном Микояном. Ашхен Лазаревна Микоян договорилась с мамой водить нас в школу по очереди. Так мы со Степой и ходили — то с моей мамой, то с его. Школа № 32 имени Лепешинского находилась во 2-м Обыденском переулке. Шли пешком, проходя мимо величественного храма Христа Спасителя. Он был разрушен в начале 30-х годов.

Так мы ходили в школу примерно до третьего или четвертого класса. Но однажды, когда нас вела одна из мам в школу, какие-то мальчишки стали дразнить нас: «Тили-тили тесто, жених и невеста!». И сразу же Степан и я наотрез отказались ходить вместе.

А в 1935 году появилась первая линия Московского метрополитена. Для мамы это было большим облегчением, а для меня огромной радостью ездить в таком прекрасном метро! Людей в метро тогда было очень мало, в основном молодежь. Чистота была необычайная, никому и в голову не приходило сорить в метро. Пожилые люди не сразу привыкли к нему. Особенно трудно им было привыкать к эскалаторам. Помню, моя родственница Нина Януарьевна, немолодая женщина, подходила к эскалатору с опаской, боясь упасть. Поэтому часто избегала ездить на метро, предпочитая троллейбус.

И опять тот же плац, громадная пустая площадь, утрамбованная земля. На нем гарцуют красноармейцы на лошадях. Кони то идут шагом, то скачут через барьеры, то мчатся галопом. Красноармейцы с шашкой наголо на полном скаку учатся рубить лозу.

Какие же у них красивые кони!

Папа показывал мне, как нужно кормить лошадей: кусок черного хлеба посыпают солью, кладут на ладонь и подносят лошадке. Она нежно берет его, едва касаясь ладони своими бархатистыми губами.

— Когда даешь лошади хлеб, нельзя держать его пальцами, а то она может нечаянно откусить палец. Нужно давать только с ладони, — говорил мне папа.

Однажды, когда я была дома, неожиданно раздался топот копыт скачущего коня. Подбегаю к окну и вижу — по нашей улице проносится галопом сорвавшаяся лошадь, звонко цокая по брусчатке. За ней бегут двое красноармейцев. Ее хвост и грива развеваются. «Все равно не догонят», — думаю я.

В Кремле в старину всюду была брусчатка; только у Большого Дворца (БКД) была деревянная торцовка —

шестигранные бруски, плотно подогнанные друг к другу. Это было сделано для того, чтобы проезжавшие мимо дворца телеги не громыхали.

Когда я была еще совсем маленькой, меня всегда водила гулять мама, а став постарше, гуляла с подружками. Зимой мы катались на санках в Тайницком саду. Мама со мной не могла ходить, так как у нее было много забот по дому. Она все делала сама: и готовила, и шила мне и папе, и вязала, и убирала. Домашней работницы тогда у нас не было. Кроме того, я иногда прихварывала, и мама с папой лечили меня.

Мне помнится, как мы иногда приходили с папой к Спасским воротам, садились вдвоем на салазки и съезжали с горки в Тайницкий сад. Гора — высокая, длинная и с поворотом в конце! Ух, как дух захватывало! Но с папой было не страшно. Машин тогда было мало, да с горы никто и не ездил на машинах. Обычно мы катались с папой по вечерам, когда он возвращался с работы. Приходили домой румяные, веселые, голодные. Мама, бывало, уже приготовит ужин. Радуетя нам, весело шутит. А я думаю: «Какие у меня хорошие мама и папа, какие они красивые». Я очень гордилась ими обоими...

В выходные дни, если не было больших морозов, мы уезжали в Горки. Иногда с нами ехала тетя Маня, реже — тетя Надя. Приезжала и тетя Аня, когда она была еще здорова. Тогда было особенно весело и шумно...

И вновь я возвращаюсь к Драгунскому плацу; здесь красноармейцы учились бегать на лыжах. А вечерами, бывало, приходили кремлевские девочки и мальчики и бегали на лыжах по проложенной красноармейцами лыжне. Я имею в виду не только детей членов Политбюро, но и детей сотрудников Кремля, которые жили в Кремле. Таких детей было немало: все бегали и играли вместе. Здесь были Тимур Фрунзе, Вася Сталин, Степа и Володя Микояны, Юра Томский, Миша Гиль, Игорь Петерсон, Наташа Крестинская, Нина Озерова, Толя и Тамара Скуратовичи, Этери Орджоникидзе (ее все звали

Этерка). Надя Беленькая и другие. Никакой кастовости тогда не было. Она появилась гораздо позже.

Однажды вечером на лыжах я встретила лису. Да-да, самую настоящую рыжую лисичку-сестричку! Бегу по лыжне, а она за мной. Поворачиваюсь, чтобы догнать ее, а она — от меня. Остановится и смотрит, плутовка, а подойти не дает. Тетя Маня сказала мне, что эта лиса — ручная, живет у Н. И. Бухарина в квартире, а по вечерам бегает по Кремлю. Хорошо, что тогда собак ни у кого не было, а то бы ей досталось.

Жили мы в Кавалерском корпусе, в квартире № 19, на первом этаже. Здание было построено в XIX веке. Длинное, четырехэтажное с необыкновенно толстыми стенами; улица Коммунистическая, а до революции она называлась Дворцовой. Теперь старое название вернулось к ней снова. Подъезд находится напротив арки, ведущей во двор особого гаража.

Рядом с аркой была небольшая амбулатория, куда ходили все — и члены правительства, и сотрудники Кремля. В ней много лет работала доктор Хавкина Мария Моисеевна, опытный врач, человек удивительной духовной чистоты, всегда внимательная ко всем, кто приходил в амбулаторию.

Если кто-либо из детей разбивал коленку или ранился, — ведь обычно детвора боится идти к врачу! — а тут, к Марии Моисеевне шел без страха. Каждый из нас знал — она не будет ругать, поможет, утешит, скажет теплые слова.

При входе в наш подъезд с правой стороны находилась парикмахерская; сколько я помню, она существовала всегда. Рассказывали, что Владимир Ильич ходил туда подстригать волосы, бородку и усы. Когда он приходил, посетители, ожидавшие своей очереди, старались пропустить его вперед. Он стеснялся, не любил этого, и частенько сидел, ожидая, когда освободится парикмахер. Приходя туда, он хоть на минутку заглядывал к нам (наша квартира находилась напротив парикмахерской).

Квартира у нас была небольшая, с узкими комнатами. У папы в комнате стоял письменный стол и диван, на котором он спал. Рядом — небольшая столовая, у стены пианино, на котором я училась играть. На нем иногда играла мама, напевая любимые папины песни. Папа редко садился за пианино, — ему было некогда, — он много работал.

На стене висела большая цветная карта флоры и фауны Советского Союза. Папа купил мне ее, когда я уже училась в школе. Кроме этой, у нас висела физическая карта СССР. Они обе мне очень помогали в занятиях не только по географии, но и по биологии и зоологии.

Над столом у нас всегда висела люстра с большим светло-желтым абажуром. Она и сейчас висит в нашей квартире; это, можно сказать, историческая люстра. Мы ее несколько раз отдавали на реставрацию. Она по-прежнему дает мягкий, как бы солнечный свет, и привлекает внимание всех друзей и знакомых, которые приходят к нам.

Рядом со столовой была маленькая, метров примерно 10 — 12, проходная комнатка. В ней я, когда училась, делала уроки, рядом была спальня, в которой жили мы с мамой.

Кухни у нас не было. Был крошечный уголок около ванной комнаты, прихожей и проходной комнатки. Здесь мама всегда готовила обед и кипятила воду на керосинке. Ничего удивительного, ведь помещение не было приспособлено для жилья. Такая вот импровизированная «кухня», но она, увы! обернулась для нашей семьи несчастьем. Папа обычно приезжал с работы обедать домой. Мы с ним уже сидели за столом. Мама хлопотала на «кухне», все уже стояло на столе, она пошла за супом. И вдруг раздался ужасный мамин крик:

— Митя! Митя! Скорее!

Папа бросился на проклятую «кухню»: горячий суп выплеснулся маме на ноги. Папа быстро снял с нее чулки, кожа вся была в волдырях, смазал ее ноги каким-то маслом и позвонил Марии Моисеевне. Она тотчас

пришла оказать помощь. Мама стонала и плакала, я тоже ревела, не понимая еще, что случилось (не помню этого, мала еще была; мама мне позже все рассказала). Вечером пришла тетя Маня, она помогала в чем-то маме и папе. Мама не могла ходить от боли. Тетя Маня предложила маме с папой:

— Я заберу Ляльку к себе, пусть она переночует у нас.

Но мама воспротивилась:

— Вы и так устаете, Манечка. Спасибо, не беспокойтесь.

В общем, я осталась дома.

Мама несколько суток чувствовала себя плохо, не могла ни ходить, ни спать. Кто-то из родственниц ее помогал. Каждый день приходила Мария Моисеевна. Помогали тетя Маня, папа. И я тоже — чем могла.

Через несколько дней папе позвонили из хозяйственного отдела Кремля и предложили сделать кухню в маленькой комнате напротив нашей квартиры. Папа, конечно, согласился. Оказывается, тетя Маня звонила в УКМК (Управление Коменданта Московского Кремля), рассказывала, что в квартире брата нет кухни и что Александра Федоровна обварилась горячим супом. Кухню сделали довольно быстро. Ноги, правда, зажили не так быстро...

Соседи наши на первом этаже были Лепешинские П. Н. и О. Б. На третьем этаже жила семья Микояна А. И. А на втором этаже, примерно в 1930 году, поселилась семья А. А. Андреева. С его дочерью Наташей мы учились в одной школе в параллельных классах. Недавно она рассказала мне, что жила в той комнате, в которой с 19 по 28 марта жили Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, а рядом, в маленькой комнате, жила Мария Ильинична (квартира 26). Наташа рассказала, что Андрей Андреевич сказал ей как-то:

— Ты знаешь, кто жил в этой комнате?

— В ней жил Владимир Ильич Ленин!

На Наташу это произвело большое впечатление. Она очень гордится этим.

Андрей Андреевич и Дора Моисеевна нередко бывали у моих родителей. Папа с мамой тоже часто бывали у них в гостях.

Известно, что Владимир Ильич с женой и сестрой приехал из Петрограда в Москву 12 марта 1918 года. Временно их поселили в гостинице «Националь» в двух комнатах. Тетя Надя рассказывала, что они не привыкли жить в таких роскошных апартаментах, это их сковывало. 19 марта они расстались с «Националем» и переехали в Кавалерский корпус, в квартиру № 26. А 28 марта Владимир Ильич с семьей переехал уже в постоянную квартиру на третьем этаже здания правительства (до Октябрьской революции — Сенат). Оно построено в стиле классицизма великим русским архитектором М. Ф. Казаковым в XVIII веке. В нескольких десятках метров от квартиры находился рабочий кабинет Ленина и зал заседаний Совнаркома.

Квартира Владимира Ильича выходила окнами на пустынную площадь между зданиями Сената и Арсенала и на Троицкую башню. В 1926 году на пустыре был сооружен большой сквер. За многие десятилетия деревья выросли, разрослись, и теперь сквер поражает своей гущиной. В этом сквере я не была с детства, и теперь вижу его издали, проходя мимо Кремлевского Дворца съездов и Царь-пушки.

Когда в Кремле поселился Ленин и члены Советского правительства, то проход туда был закрыт.

У всех четырех ворот — Спасских, Боровицких, Троицких и Никольских — стояли на посту красноармейцы (в Кремле размещалась воинская часть для охраны: время было тревожное, шла Гражданская война).

В Кремле жили И. В. Сталин, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов, Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский, Н. И. Бухарин, А. С. Енукидзе и другие, а также многие работники Кремля. Молотов, Ка-

линин, Микоян и позже Андреев — в Кавалерском корпусе; Сталин — в Потешном дворце, а позже — в здании правительства на первом этаже.

Там же жил и Бухарин. Как-то тетя Маня, идя к нему, взяла меня с собой. У него в квартире было много птиц и всякого зверья. Про лисицу я уже говорила. Более всего мое детское воображение поразила огромная клетка с разными птицами. Они чирикали, верещали, пели, беспрестанно перелетая с места на место.

Г. К. Орджоникидзе с женой и дочерью Эгери жили на втором этаже двухэтажного дома близ Троицких ворот.

Когда в начале 1935 года у папы болезнь ног обострилась, тетя Маня поставила вопрос о большей квартире, она сказала, — желательнее здесь же в Кавалерском корпусе, тоже на первом этаже.

До 1935 года члены правительства и Политбюро ЦК ВКП(б) ходили по Кремлю совершенно свободно, без охраны, останавливались разговаривали с людьми, работавшими в Кремле. Всегда можно было видеть И. В. Сталина, идущего по улице. Он подходил к нам, детям, разговаривал, улыбался.

Как-то, когда мы с подругой прыгали на тротуаре, играя в «классики», он подошел, погладил меня по голове и сказал:

— Передай привет папе и маме.

Микоян, Орджоникидзе, Енукидзе, Бухарин и другие тоже часто разговаривали с детишками, шутили с ними.

Мы, дети, бегали по Кремлю всюду и везде, не только во дворах, но и в Тайницком саду, и у здания правительства.

После убийства С. М. Кирова (1 декабря 1934 года) режим в Кремле стал гораздо более строгим: все члены правительства стали ходить с охранниками, чаще стали подъезжать к своим домам на машинах. Детворе уже не разрешали играть повсюду.

В 1935 году работники Кремля, жившие в нем, получили квартиры в городе. Сразу стало тише в Кремле, умолк ребячий гомон...

Отец очень переживал смерть Сергея Мироновича. Он хорошо знал его по партийной работе, высоко ценил его...

В октябре 1935 года умерла старшая сестра отца — Анна Ильинична. Это случилось в Горках. Последние два года своей жизни она жила в квартире Марии Ильиничны и Надежды Константиновны. Она была парализована, и тетя Маня решила, что для нее будет лучше жить вместе с родными. Тетя Аня не могла самостоятельно передвигаться, и ей помогала медицинская сестра Александра Николаевна Винокурова. Весной и летом тетя Аня находилась в Горках. Жила она на втором этаже в большой комнате, где в 1924 году скончался Владимир Ильич.

Запомнились грустные дни 19, 20, 21 октября, дни прощания с тетей Аней. Гроб с ее телом находился в здании ГУМа, где в то время располагалось Хозяйственное управление Совнаркома СССР.

Папа и мама в это время находились на лечении в Сочи.

«Дорогой Митюша! — писала ему тетя Маня, — Сегодня уезжаем в Ленинград, решила выполнить желание Анички и похоронить ее на Волковом кладбище...

Теперь нас осталось только двое. Береги себя, родной, очень прошу... крепко целую тебя, дорогой. Пиши. Ляля здорова. Целую Шуру... Твоя М. У.» 22. X. 1935 г.

Тетя Аня хотела быть похороненной рядом со своим мужем — Марком Тимофеевичем Елизаровым. Ей был 71 год.

До приезда родителей я продолжала жить у тети Мани и своими детскими разговорами отвлекала ее и тетю Надю от грусти.

По-прежнему я, возвратившись из школы, забираюсь по лесенке к самым верхним полкам библиотеки;

усаживалась там и погружалась в чтение разных книг русских и иностранных писателей. Иногда ко мне забиралась одна из кошек (теперь их было две). С кошкой было очень уютно.

Но раздавался звонок в дверь, приходила Лидия Германовна Янсон, которая учила меня немецкому языку. А иногда Граня, помогавшая моим тетям по хозяйству, говорила:

— Ляль, а про уроки-то забыла? Спускайся, а то скоро твоя немка придет.

И я из волшебного мира книг с сожалением опускалась на землю.

Однажды мне попала толстая книга «Агасфер» Эжена Сю. Что-то меня в ней заинтересовало; кажется, необыкновенная красавица Адриенна де Кардовиль. Я взяла книгу, положила ее в ящик письменного столика и стала делать уроки. Но книга не давала мне покоя: открыв ящик, стала читать про Адриенну, забыв о математике. Я так увлеклась, что не услышала, когда вошла тетя Маня.

— Ляля, что это ты читаешь в ящике? — спросила она.

Я растерялась, покраснела, не зная, что ей ответить. Она взяла книгу и сказала недовольно:

— Тебе рано читать такие книги. Когда закончишь уроки, поставь ее на место. А если захочешь что-нибудь почитать, посоветуйся с тетей Надей.

Постоянное знакомство с книгами дало мне необычайно много. Не столько тогда, в детские годы, сколько позже. У тети Нади была библиотечка Вера Васильевна, она показывала мне, как нужно отыскать книгу, как книги располагать по алфавиту, чтобы их не перепутать. Каждая книга должна иметь свое место; произведения каждого писателя должны находиться в одном месте.

Все хорошее проходит

Рано или поздно все хорошее кончается, проходит... Уходят и люди близкие и родные.

В течении трех лет (1937 — 1939) отец потерял свою любимую сестру Маняшу и близкого друга, вдову брата — Надежду. Отец довольно часто виделся с ней, — у них всегда были совершенно доверительные отношения. Она иногда заходила к нему по каким-то делам, но я видела ее редко, так как была в школе. По дороге на работу она заезжала к папе, чтобы поговорить с ним наедине. Я имею в виду без секретаря, которая старалась все время быть при ней. Мама была занята своими делами и никогда не вмешивалась в их разговоры.

Летом тетя Надя приезжала в Горки, и они с папой часто беседовали где-нибудь в парке...

В эти тяжелые годы папа лишился многих близких друзей — Бальмана Христиана Карловича, бывшего политкаторжанина, Могильного Андрея Митрофановича, который работал с ним вместе в Крыму, а в последние годы был помощником В. М. Молотова — председателя Совнаркома СССР. У коммунистов Бальмана и Могильного были арестованы их жены и дети. Дочь Могильного — Лора была моей сверстницей и подругой.

В чем оказались виноваты эти преданные делу Ленина коммунисты?

Фактически ни в чем. Папа говорил, что он звонил В. М. Молотову, разговаривал с ним; говорил также с кем-то и в НКВД. Он абсолютно был уверен в своих друзьях, говорил, что ручается за них, но «машина» уже сработала, и обратный ход был невозможен...

В чем они были замешаны?... В чем? В те годы, как, впрочем, и во все другие — и дореволюционные и послереволюционные — всегда существовали доносчики. Причиной же доноса в большинстве случаев была зависть.

Не отрицаю, что существовали предатели, — да и сейчас существуют, — противники социализма, Советской власти, как их называли в те годы — враги народа. Но не редко абсолютно честные люди попадали в разряд предателей. Немногим, оказавшимся в когтях Л. П. Берии, удавалось спастись. Знаю, что такие всемирно известные люди, как академик П. Л. Капица, как писатель М. А. Шолохов были защищены И. В. Сталиным от произвола Берии.

На моего отца все это действовало ужасно. Он понимал все. Мне он, конечно, ничего не говорил; разговаривал только с мамой.

Из нашей школы исчезли несколько учеников — сын Л. Б. Каменева — Юра, дочь Дробниса — Шура...

Я училась в старших классах, но все осознать и понять было сложно: 16 — 17 лет не так уж и много.

А между тем неотвратимо приближалась война. Она уже шла в Европе: Польша была захвачена немецко-фашистскими войсками, за ней — скандинавские страны. К границам СССР стягивались немецкие войска, бронетехника, самолеты. В нашей стране шла подготовка к войне. Но все же в моем сердце жила надежда, что войны не будет. Папа — человек с огромным жизненным опытом, прошедший две войны, — Первую мировую и Гражданскую — понимал, что избежать войны не удастся. Он не раз говорил об этом маме и мне.

Когда началась война, когда начались бомбежки, в Горках стало ужасно страшно, бомбоубежища там не было. Приходилось спускаться в подвал по крутой лестнице под северным флигелем...

Весной 1943 года папе в Куйбышев позвонил А. А. Андреев и сказал, что теперь он может вернуться в Москву. Мы все были очень рады этому известию, но более всех папа.

Жизнь в Кремле продолжилась после нашего возвращения из Ульяновска в Москву в апреле 1943 года, через год и семь месяцев.

Отец часто ездил по Москве на машине, с ним ездил обычно Алексей Иванович Яковлев. Папа так радовался, что он наконец-то дома; любовался Москвою, весенней свежестью, тем, что скоро закончится война. Мы ведь все надеялись, что скоро конец войне, но она продолжалась еще почти два года.

По-прежнему интересы папы были очень разнообразны: кроме положения на фронтах, его интересовали многие научные вопросы, в частности физика. Очень много читал о сверхпроводимости металлов; о явлении сверхтекучести жидкого гелия, открытой академиком П. Л. Капицей в конце 30-х годов.

Как-то в июне 1943 года папа предложил мне поехать в Институт физических проблем АН СССР к Петру Леонидовичу. Мы были с ним в институте, и отец очень долго беседовал с Капицей о новых, открытых им явлениях.

Отец встречался в эти последние месяцы своей жизни с писателями, учеными, медиками, старыми большевиками, в частности с Федором Николаевичем Петровым. Он был знаком с ним еще со студенческих лет — они учились в месте в университете; отец познакомил его тогда с Владимиром Ильичом. Эта встреча произошла в Президиуме АН на Ленинском проспекте 14 июля 1943 года, за два дня до внезапной кончины папы.

Вместе с мамой он поехал в Горки на несколько часов, и больше не вернулся, не вернулся и не вернется никогда, у него произошел сильный приступ стенокардии. Мама и медсестра, ездившая с ним, не смогли ему помочь...

Мама позвонила мне:

— Лялочка, срочно приезжай с Марией Борисовной (врачем), папе плохо!

Мы мчались как сумасшедшие. Меня всю трясло, была нервная дрожь... Но, увы, было уже поздно...

Теперь мы остались вдвоем с мамой. Было очень тяжело и пусто. Дом опустел. Большой дом, в нем всегда

много людей, особенно в выходные дни. В Кремле — я имею в виду в нашей квартире, — остались мы с мамой, женщина, помогавшая по хозяйству, да кот Дымка, которого он любил.

До конца августа мы с мамой жили в Горках, а к 1 сентября приехали в Москву. Начались занятия в университете, занятия по английскому языку. Мне было жалко оставлять маму одну. Она очень тосковала по папе, ведь они прожили вместе 27 лет... Врач Мария Борисовна не раз говорила маме:

— Вы плачете, Александра Федоровна, вам будет легче. — Но мама как бы окаменела.

Но однажды я случайно увидела, как она плачет, держа перед собой портрет папы.

«Хоть бы ей стало полегче», — думала я. Хотя мне тоже было очень тяжело.

— Вам будет трудно без меня, — сказал папа как-то маме, — очень трудно.

Он оказался прав: жизнь постепенно становилась сложнее. Маме приходилось самой всего добиваться. Люди не всегда были внимательны и чутки к ней и ко мне. Однако Сталин по-прежнему был внимателен к нам. Очень внимательны и отзывчивы были А. А. Андреев, Н. М. Шверник и его жена Мария Федоровна.

К маме часто приходила ее близкая родственница и подруга Нина, дочь ее старшего брата Януария. Они с мамой были близки по возрасту, дружили с детства, Нина ее просто обожала и старалась не оставлять одну. Часто приходила Шура Калинина — дочь старых большевиков Ф. И. и А. Д. Калининых. Очень часто навещала маму Мария Федоровна Шверник, Дора Моисеевна Хазан — жена А. А. Андреева, А. Л. Микоян. Мария Федоровна и Люся относились к нам как к родным.

Были старые друзья папы, которые к ней относились с большим вниманием и любовью. Некоторые же оказались квазидрузьями и после папиной кончины вообще забыли и ее, и меня.

Ce la vie...

Зимой 1944 года мама передала в фонд обороны Советского Союза все папины сбережения.

— Мы проживем на мою пенсию и на твою, — сказала мама (мне дали пенсию до окончания образования).

После папиной смерти я написала:

Ты предо мной всегда живой.
Таким тебя всегда я помню.
Твой образ светлый, дорогой,
Его я вижу пред собой.
Зачем же ты ушел от нас?
Зачем так рано нас оставил?
Зачем?
Любимый мой, родной...

Я прожила в Кремле до апреля 1949 года. В апреле вышла замуж, и с мужем поселились на улице Грановского. Мама оставалась в Кремле до конца 1945 года, но фактически мы все время жили вместе с нею сначала в Горках, а с 1949 года в Кунцеве, где получили небольшую деревянную дачку.

ны Со-
— ска-
зания).

апреле
ранов-
ода, но
ачала в
неболь-

Глава IV

В ГОРКАХ



Большой дом в Горках



В. И. Ленин, жена Д. И. Ульянова Александра
Федоровна с дочерью Ольгой и племянник
В. Ульянов. Горки. Сентябрь. 1922 г.

С рождения и до двадцати семи лет моя жизнь проходила в Горках и в Кремле. Два этих места были для меня самыми близкими. Здесь все связано с моими родителями, с дядей Володи, с родными тетями: каждый уголок большого дома и парка Горок, и в Кремле — нашей квартиры и квартиры Владимира Ильича.

Впервые Владимир Ильич приехал в Горки осенью 1918 года, когда он немного поправился после тяжелого, едва не стоившего ему жизни ранения. Здесь он продолжал лечение, отдыхал, и, когда поправился окончательно, врачи разрешили ему переехать в Москву. После этого он приезжал в Горки по воскресеньям и в праздничные дни.

Памятные места

Владимир Ильич хотел, чтобы на Новый 1924 год в Горках была устроена елка для детей. В начале января в зимнем саду (при жизни Ульяновых он назывался большой зал) Большого дома была поставлена елка. На праздник пригласили детей сотрудников Горок, совхоза и деревни Горки. Естественно, я не могла этого помнить, так как мне был всего один год девять месяцев.

Владимир Ильич сидел в кресле и с улыбкой наблюдал, как играли и веселились дети. Для них это был настоящий праздник.

Мария Ильинична сказала маме, чтобы она со мной села возле Владимира Ильича.

Дальше — рассказ мне моей мамы и тети Мани.

— Лялечка, подойди к дяде Володе.

Я подошла стала трогать его ботинки.

— Это ботинки дяди Володи, — сказала мама.

— Дядя битяти, — повторяла я.

Владимир Ильич сказал маме, что хочет взять меня на руки. Мама посадила меня к нему на колени.

Он обнял меня, стал гладить по голове, говорил:

— Лялочка, Лялочка, — радостно смеялся.

Я стала трогать его за лицо, потрогала бородку, усы, погладила по щекам.

Тетя Маня и мама переглядывались и улыбались.

Тетя Маня рассказывала папе, что Ляльке очень понравился Володя, что она не хотела уходить с его колен. Потом мама взяла меня на руки, а я расплакалась, видимо, хотела еще посидеть на коленях у дяди Володи.

Дядя Володя ласково говорил:

— Не плачь, Лялочка, не надо плакать!

Это была моя первая и последняя встреча, если можно так выразиться, с дядей Володи. Никто не думал, что ему оставалось жить всего две или три недели. Ведь ему становилось все лучше и лучше, но...

Сохранилась единственная фотография (август 1922 года): мама сидит на скамейке рядом с Владимиром Ильичом, держит на руках меня; около Владимира Ильича стоит Виктор. Нас сфотографировала тетя Маня. Какая же она молодчина! Какие прекрасные фотографии она делала в Горках!

Хочу сказать о малоизвестном факте: тетя Маня в 1912 году сфотографировала свою маму — Марию Александровну. Эту фотографию лет 20 назад я передала в Институт марксизма-ленинизма. На обороте ее папа написал: «фотографировала Мария Ильинична. 1912 год».

Ехать до Горок в те времена приходилось минут 45, а то и час (хотя расстояние всего 35 км): дорога была неважная, разбитая, старое шоссе — щебенка. Кроме того, она шла через деревни, была из-за этого извилистой. Да и скоростей таких, как теперь, не было.

Владимира Ильича обычно возил С. К. Гиль, шофер, опытный и осторожный. Если теперь, в начале XXI века, машины нередко идут медленно со скоростью 40 — 60 км в час, то для 20-х годов 60 км было совсем неплохо. Машина была марки «Роллс-Ройс». Владимир Ильич любил быструю езду и не раз говорил папе:

— Скажи Гилю, чего он едет так, перед каждой курицей реверанс делает; пусть едет быстрее!

Иногда, летом, Гиль прибавлял скорость до 80-ти километров, а потом снова сбавлял до 60-ти. Зимой приходилось ездить гораздо медленнее.

Сразу после Пронино — поворот налево в березовую аллею, ведущую в Горки. Эта аллея, идущая под уклон, просто прелестна! От нее не оторвешь глаз: стройные березки, а за ними поля ржи, пшеницы, а слева, у оврага, поляна, усыпанная полевыми цветами — ромашками, колокольчиками, цветами иван-дамарья, бледно-голубыми — цикория и много других, названия которых я не упомяну. Летом во ржи, васильки такие яркие, красивые. Иногда мы останавливались, и я собирала васильки. Привезу и несу их тете Мане, тете Наде, если она была в Горках. Когда тетя Аня болела и жила в Горках безвыездно, букетик полевых цветов ее особенно радовал...

Самое трудное во всей дороге был Красный мост. Собственно говоря, это был не мост в обычном понимании слова: дорога шла через глубокий овраг, поросший лесом, и в нем была сделана насыпь с небольшой оградой, чтобы телеги или машины не могли съехать в овраг. Называли его Красным, так как был он очень красив.

Летом в дождливую погоду и особенно зимой ездить по нему было очень трудно: машина нередко буксовала, начинала сползать с моста. Помню, как я, еще совсем маленькая, ехала с мамой в Горки. Была зима. Вдруг на мосту машина начинает ползти вниз до самой ограды. Мама испугалась, вскрикнула. Шофер В. И. Рябов сказал:

— Не бойтесь, Александра Федоровна, не сползем.

С большим усилием ему удалось удержать машину на мосту и затем въехать в гору.

В 30-х годах Красный мост переделали, значительно увеличив насыпь, сделав опоры и заменив ограду. Теперь он стал не таким крутым.

Проехав его, въезжали на вторую березовую аллею, которая упиралась в большие деревянные ворота. Они изнутри не запирались, а закрывались бревном.

Некоторые «деятели», рассказывающие о жизни Владимира Ильича в Горках, писали, что якобы в Большом доме и в парке было полно чекистов; якобы никто из окрестных деревень не смел ходить в парк. Это враньё! При жизни Владимира Ильича крестьяне ходили через парк. Позже, наверно, в конце 20-х — начале 30-х годов ограда вокруг парка была частично реставрирована, и посторонних стало меньше.

Часто бревно не вдевалось в обе петли, а держалось только на одной. Обычно шофер, приоткрыв ворота, толкал бревно рукой. Оно падало, и он, распахнув ворота, въезжал в парк. К Большому дому все подъезжали обычно с восточной стороны.

При жизни в Горках Владимира Ильича машина всегда подавалась к фасаду, то есть с западной стороны.

Зимой Владимир Ильич ездил в Горки на автосанях (тоже марки «Роллс-Ройс»). Эти сани сейчас стоят в гараже музея в Горках. Их там можно увидеть. Папа рассказывал, что Владимир Ильич иногда ездил на автосанях в лес. Он как-то сказал Гилю:

— Вы что, дорогу ищете? Вы без дороги поезжайте. Направо сугроб — поезжайте сюда.

А Гиль отвечает: — боюсь попасть в яму.

Владимир Ильич отвечал:

— Направляйте машину прямо в яму. Что вы по дорожкам едете? Эти автосани должны ходить по снегу, по степи, по полю.

И действительно, если попадалась яма, то автосани спускались в нее и выезжали из нее, как танк.

Папа рассказывал, что в особом гараже было двое автосаней: одни — В. И. Ленина, а на вторых ездил К. Е. Ворошилов. Как-то он сказал папе, что такие автосани — очень нужная машина в военном деле.

Лошадей в Горках не было, так как Владимир Ильич обычно на них не ездил. Однако в совхозе «Горки» лошади были.

Об охоте

Помню, как-то в Горках, в большом белом шкафу на втором этаже я увидела чучело большой иссиня черной птицы. У нее был красивый хвост в виде лиры.

— Папочка, что это за птица? — спросила я.

— Это тетерев, — ответил он.

— А откуда он взялся? Почему он сидит в шкафу? — не отставала я от отца.

Он рассказал мне, что они с дядей Володсей как-то охотились в Горках, и Владимир Ильич подстрелил его. Потом из него сделали чучело.

— Расскажи мне про этого тетерева?

— Расскажу вечером. Я сейчас занят.

Вечером мы сидели на скамейке около дома, и он стал рассказывать.

Увлекаться охотой Владимир Ильич начал, будучи в ссылке в Восточной Сибири, в Шушенском. Там нередко он охотился на тетеревов, куропаток и других птиц; на островах Енисея вместе с друзьями по ссылке стрелял зайцев.

В одном из писем Владимир Ильич просил Дмитрия Ильича купить ему охотничье ружье и прислать в Сибирь. Дмитрий купил ружье, какое просил Владимир Ильич. «Ружье центр. Двуствольное (№ 303841 льежской фабрики «Франготт») было куплено (в магазине Шенбрунера на Кузнецком мосту). Заплатил я за него 55 рублей; такая примерно цена (50) была указана им. Досадная «раковина» в левом стволе была замазана вазелином или другим жиром. После пристрелки в Подольске я ее обнаружил, к своему ужасу. Знакомый охотник сказал, что это особенного значения не имеет, что магазин не возьмет обратно и что цена небольшая.

Приобретая затем все необходимое к нему, я заказал деревянный ящик, упаковал покупку, выставив «ценная» на 70 р. — сколько действительно стоила покупка

с пересылкой ее в село Шушенское. С этим ружьем Ильич охотился в Сибири на зайцев, дупелей и пр.

По возвращении в начале 1900 года в Россию Владимир Ильич привез ружье с собой и передал мне» (это все я переписала позднее из его тетради).

После Великой Октябрьской социалистической революции в редкие минуты отдыха Владимир Ильич любил ходить на охоту, которая была для него одним из самых любимых видов отдыха. Владимир Ильич вообще любил активный отдых: рыбную ловлю не любил, — не нравилось ему неподвижное сидение с удочкой. А папа, напротив, с детства увлекался рыбной ловлей. Он удил рыбу в Свяге.

Папа впервые приехал в Горки в июле 1919 года. В этот день они много гуляли, Владимир Ильич показывал ему дом, парк, окрестности. А в следующее воскресенье отправились на охоту. С ними пошел товарищ из охраны Ленина.

«...Взяли ружья. Вышли через парк в лес, но ничего не нашли, так как не знали совершенно мест. Надо было искать тетеревов; позднее мы уже узнали, где здесь водятся тетерева. Помню, Владимир Ильич спросил у одного крестьянина из деревни Сияново, такого благообразного старика с седой бородой и в очках:

— Хотим тетеревов найти, поохотиться.

— Где же вы ищете тетеревов? Это не тут. Нужно пройти на Горелый пенъ — это в лесу.

— Надо через поле пройти в лес.

Но в этот сезон мы не знали еще, где тетерева, и удачно не охотились, не видели даже птицы».

Как говорил отец, Владимир Ильич обычно ходил на охоту в синей косоворотке, в пиджаке и в охотничьих сапогах. У Дмитрия Ильича тоже была синяя сатиновая косоворотка. Ее сшила ему мама. Вместо пиджака в холодные осенние и зимние дни отец надевал рыжую кожаную поношенную куртку на меху. Он называл ее «телячья куртка». Из своих детских лет помню, что отец клал ее на пол

мехом вверх, сажал на нее меня, садился сам и затевал какую-нибудь игру. Было много веселья и смеха!

В зимние холода Владимир Ильич иногда надевал старую шубу своего отца — Ильи Николаевича Ульянова. Эту шубу на енотовом меху долгие годы хранила моя мама. Теперь она находится в экспозиции Дома-музея Владимира Ильича Ленина в Ульяновске.

Нередко вместе с Владимиром Ильичем и Дмитрием Ильичом на охоту ездили доктор В. А. Обух, Н. В. Крыленко, А. Я. Беленький (начальник охраны Владимира Ильича с 1919 по 1924 г.) и другие.

Н. В. Крыленко рассказывал такой случай. Как-то охотился вместе с В. И. Лениным, с ними было несколько охотников. Из леса неожиданно вышла лиса и остановилась недалеко от Ленина.

И вот — сценка: лиса смотрит на Владимира Ильича, он — на нее. Это длилось одно мгновение! И лиса убежала.

— Почему же вы не стреляли? — воскликнул Крыленко.

— Уж очень красивая была, — ответил Ленин.

Действительно, ярко-рыжая пушистая лисица, спокойно стоящая на белом снегу, казалась чудом природы!

Но, вообще, Владимир Ильич любил ходить на охоту, а не ездить на машине или на лошади. Отец как-то сказал Владимиру Ильичу:

— Скажу, чтобы машина приехала к такому-то месту.

Но Владимир Ильич отказался:

— Да нет, не надо. Прогулка так прогулка.

— Ты устанешь, будет очень приятно сесть в машину, — настаивал Дмитрий.

— Нет, не стоит, дойдем пешком, — ответил ему Владимир Ильич.

Он очень любил ходить, ходить подолгу, до усталости. Когда он много ходил и уставал, то легче засыпал и ему хоть ненадолго удавалось избавиться от бессонницы, мучившей его долгие годы.

На поляне по дороге на Лукино Владимир Ильич с Дмитрием Ильичом охотился на тетеревов. Поляна очень нравилась Владимиру Ильичу, так как расположена была высоко и с нее открывался хороший обзор: вдали, справа, виднеются крыши Мещерины, а слева, на другом берегу Пахры, село Казанское. В то время поляна была покрыта кустами можжевельника, вокруг — перелески.

Доктор Обух обычно спрашивал Владимира Ильича: «Куда вы выйдете? Сюда?» — «Мы выйдем примерно так-то». — «Хорошо, я вас тут встречу». Он был толстый, ляжет где-нибудь в тени и выжидает.

Владимир Ильич смеялся: «Вы все лежите, а Вам надо жир спускать, надо ходить больше». А Обух любил, наоборот, больше полежать.

Раньше в Лукино была церковь с большим белым куполом, который служил ориентиром. Владимир Ильич и Дмитрий Ильич всегда ориентировались по нему. Рядом с поляной было несколько оврагов, вокруг лес. В начале одного из оврагов Владимир Ильич однажды подстрелил тетерева, того самого.

«Мы шли тогда в ряд, — рассказывал отец, — с правого фланга я, затем Обух, потом Владимир Ильич и кто-то из сотрудников охраны, из чекистов. Условились как кричать; Владимир Ильич сказал, что кричать: «Тиро».

Поднял я черныша с той стороны оврага, выстрелил — промазал; следом стреляет Обух; затем слышу опять два выстрела — это стрелял Владимир Ильич. Первым выстрелом он его сшиб влёт; черныш летел на них. Думаю, что это за второй выстрел? Это не дуплет. Подхожу, спрашиваю. А Владимир Ильич птицу держит в руках: «Верно, как ты говорил, — хвост лирой. Я его, знаешь, подбил, он упал и побежал к лесу, в овраг, в гущу леса. Я решил пожертвовать вторым зарядом, потому что искать его было бы трудно». Они так великолепно бегают, что его невозможно было бы найти... Говорю: «Конечно, правильно сделал» Только благодаря этому он и взял тетерева.

— Это был один из первых его трофеев на здешней горкинской охоте».

Долгое время в белом шкафу на втором этаже, около комнаты Владимира Ильича, хранилось чучело тетерева.

Иногда Владимир Ильич и Дмитрий Ильич возвращались с охоты без добычи, но Владимира Ильича это не огорчало: он любил погулять, иногда даже ходил без ружья, а просто с палочкой.

Весьма странные вещи

Как я уже говорила раньше, вся семья Ульяновых летом жила обычно в Горках. В конце февраля 1939 года умерла Надежда Константиновна. Из семьи Ульяновых остался один Дмитрий Ильич с семьей — с мамой и со мной. Я заканчивала девятый класс, почти все время была в Москве, приезжая в Горки на воскресенье. Папа с мамой старались больше находиться в Горках. Там папа мог быть больше на воздухе и, если даже не гулять по парку, то, во всяком случае, сидеть на балконе.

И вот, начиная с весны 1939 года, в Горках начали происходить весьма странные вещи. Как-то в мае, когда мы все были в сборе, папа позвал меня к себе. Он сказал с грустью:

— Знаешь, Ляля, нам придется переехать из Большого дома на третью дачу.

— Почему? — удивилась я.

— Здесь собираются создать музей Володи.

Потом он сказал, чтобы мы с мамой пошли на третью дачу и посмотрели там комнаты, кто где может поселиться. Мы внимательно осмотрели всю дачу, разные помещения, но меня интересовал один вопрос: где же папа будет гулять? Рядом река Пахра; проезжая дорога; летом шум и гам от публики на берегу реки. По выходным дням еще больше шум и гам, и невозможно будет выйти на воздух. Это, в общем, проходной двор...

С одной стороны у третьей дачи большой фруктовый сад, где тоже не погуляешь. С другой стороны — другая дорога.

Папа позвонил И. В. Сталину. После этого все разговоры о переселении смолкли — мы остались жить в Большом доме в Горках.

Начиная с конца 1938 года, по парку начали проводить экскурсии. Было шумно. Появился представитель музея Ленина Иван Яковлевич Шахов. Поэтому присутствие множества посторонних лиц для папы, конечно, создавало известные неудобства. Все люди хотели встретиться с братом Ленина и побеседовать с ним. Папе это было непросто, особенно после тех операций, которые он перенес, оставшись после них практически без обеих ног.

В 1939 или в 1940 году папа звонил, потом послал письмо Вячеславу Михайловичу Молотову об аккумуляторах для коляски, которая была сделана в Англии специально для Владимира Ильича. Папа объяснил ему все, что теперь для него ограничена возможность передвижения, и поэтому он хотел бы пользоваться коляской, но для нее нужны специальные аккумуляторы, которых в СССР не было. Вскоре аккумуляторы привезли из Англии, и в 1940 году он смог уже пользоваться коляской и ездить на ней по парку. С ним постоянно находился санитар.

Время шло. Наступило лето. О переезде на третью дачу больше не было разговора.

Мы были очень рады, что все остается, как было. Особенно радовались папа и мама, что папа сможет по-прежнему жить в своих любимых Горках, радовался, что остается все по-прежнему.

Прошло более семи лет. После смерти папы мы с мамой переехали в Маленький дом. Раньше, при Владимире Ильиче и при жизни всех Ульяновых, он назывался «Маленький дом», теперь — «Северный флигель».

Как я уже сказала, с 1939 года в Горках работал представитель музея И. Я. Шахов. Шла подготовка к открытию музея в Большом доме. Мы жили в Маленьком

доме на первом этаже. Часто по парку ходили экскурсии. В дом экскурсий не водили. Экскурсии, конечно, вызвали некоторое неудобство, потому что часто сидишь на террасе, проходят люди, смотрят, спрашивают: «А это кто? А это что? Кто тут живет?» и так далее...

Вообще говоря, в Маленьком доме было, конечно, более тесно, но зато очень уютно, и мы быстро к этому привыкли. В Большом доме жизнь всегда кипела, когда жили все Ульяновы, — было шумно, весело, хорошо! Теперь жизнь затихла, замерла, и дом стоял мертвый. Заходить в него не хотелось. Это было очень тяжело...

В Маленьком доме один год, по-моему, это был 1921 — 1922 годы Владимир Ильич зиму жил на втором этаже, потому что тогда были большие трудности с отоплением, и, чтобы не топить Большой дом, Владимир Ильич решил перебраться в Маленький. Все Ульяновы поселились на втором этаже: тетя Надя, тетя Маня и тетя Аня.

Неожиданно стало происходить что-то странное.

Примерно в 1947 — 1948 годах в Горках неожиданно стало происходить что-то странное.

Вдруг по чьему-то указанию из Большого дома поспешно стали вывозить скульптуры, картины, мебель. Это было очень странно, потому что шла речь об открытии музея Ленина в Большом доме, и вдруг стали вывозить вещи. Мы с мамой об этом не знали. Часть вещей, скульптуры, в частности, картины, были вывезены в санаторий «Марьино» ЦК ВКП (б). Этот санаторий находится в Курской области. Часть вещей была вывезена, в основном мебель, тоже в один из городов.

Нам с мамой предложили выехать из Горок, и в апреле 1949 года мы покинули милые нашему сердцу Горки. Нас поселили в Кунцеве в доме отдыха ЦК партии, в небольшом деревянном домике.

Между тем слухи о закрытии Дома-музея Ленина в Горках, еще не открытого фактически, распространялись с быстротой света. В Центральный комитет партии, лично

Сталину шли потоки писем от трудящихся Советского Союза. Люди просили не закрывать музей Владимира Ильича Ленина, сохранить его как память о Ленине. Он прожил в Горках около шести лет — с 1918 года до 21 января 1924 года. Его родные около 20 лет. Естественно, что и мы с мамой знали об этих слухах. Однако эти разговоры мы знали и от некоторых сотрудников музея, и от жителей Горок, от работников Горок. Но все они знали больше, чем мы.

В чем была причина, чтобы вдруг закрыть Большой дом и не делать там музей? Все это было **совершенно неясно...**

Студенты многих вузов писали Иосифу Виссарионовичу Сталину письма, и основной фразой была: если у нашего государства нет денег, возьмите наши стипендии, но только не закрывайте Дом-музей Владимира Ильича Ленина в Горках.

Узнав об этом из многочисленных писем трудящихся, от ряда известных лиц, от студентов, Сталин дал указание открыть музей В. И. Ленина.

Зимой 1949 года в Горках в Большом доме официально открылся Дом-музей Владимира Ильича Ленина. Это было большим событием.

Директор Михаил Борисович Татаринов просил маму, меня и некоторых сотрудников Горок, работавших там, чтобы мы рассказали о расположении вещей, мебели, картин, скульптур в Большом доме, как было при Ленине. Конечно, это в основном помнила мама, и она рассказывала. Это все было записано. Просил он также рассказать о парке в Горках все — от мельчайших клумб до скамеечек, о любимых местах Владимира Ильича, где он любил сидеть, где любил гулять. Все это было записано по указанию Татаринова, и мы с мамой подписали документы. (Текст этого документа хранится в фондах музея.)

Татаринов воспользовался также воспоминаниями Дмитрия Ильича, Марьи Ильиничны, Надежды Константиновны и старшей сестры Ленина — Анны Ильиничны, и, таким образом, получилась ясная картина жизни В. И. Ленина в Горках.

Глава V

**ЛЮБИМАЯ
ЖЕНЩИНА
ВЛАДИМИРА
ИЛЬИЧА**



Надежда Константиновна Крупская 1895 г.



В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках. 1922 г.

Высокая, тоненькая девушка с прекрасным лицом, стремительная, целеустремленная... Скульптор Е. Ф. Белашова, народный художник СССР, сумела изобразить Крупскую такой, какой она была в юности. И в этом — глубокий талант художника, сумевшего увидеть не только красивое лицо, но и понять ее внутренний мир по кратким штрихам рассказов-воспоминаний о ней.

Они всегда были рядом

Хороша она была удивительно. А не растрепанная и неряшливая, как походя мазнул ее черной краской писатель А. И. Солженицын. Памятник ей, стоящий на Сретенском бульваре, передает облик молодой Надежды Крупской.

Я знала ее милой и доброй тетей Надей, с тихим грудным голосом, внимательным взглядом темно-серых глаз, обаятельной улыбкой

Надежда Константиновна Крупская родилась 26 февраля 1869 года в Петербурге в небогатой семье военного. Отец ее был связан с революционерами. После его смерти юная Надя с четырнадцати лет стала давать уроки. Жить стало трудно.

Окончив гимназию с золотой медалью и получив специальную подготовку, Надя мечтала о том, чтобы стать учительницей в школе, но никак не могла найти место. Она начинает работать в гимназии в качестве домашней наставницы. Педагогический совет гимназии выдал ей любопытное удостоверение: «Домашняя наставница Надежда Крупская в течение двух лет занималась по вечерам с десятью ученицами... Успехи учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности познаний и крайне добросовестном отношении к делу».

В двадцать лет Крупская впервые узнала имена К. Маркса и Ф. Энгельса, начала изучать «Капитал»

в марксистском студенческом кружке. «У меня открылись глаза, — писала она. — Я поняла, что изменить жизнь может только рабочее революционное движение; что для того, чтобы быть полезной, нужной, надо отдавать все свои силы рабочему делу».

В феврале 1894 года в жизни Надежды Крупской произошло событие, которое озарило всю ее жизнь: она познакомилась с молодым марксистом Владимиром Ульяновым. Общие интересы и стремления, революционная деятельность, любовь и дружба сыграли в жизни Надежды огромную роль. С этих пор они всегда вместе, всегда рядом. Оба — члены Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В декабре 1895 года Владимир Ильич был арестован. Надежда Константиновна все время до своего ареста поддерживала с ним связь, познакомилась с его родными — матерью Марией Александровной, сестрами Аней и Маняшей, братом Митей.

Когда Надежда была арестована и находилась в тюрьме, она получила от Владимира письмо, в котором он признался в любви. Она была счастлива, но должна была скрывать свою радость, — ведь тюремщики могли отнять его письмо.

В другом письме он просил ее быть его женой. Она отвечала на все его письма — она тоже любит, она согласна... Но увы! — письма любимого нельзя было хранить: тюремщики просматривали все, искали, нет ли переписки с революционерами. Надя была вынуждена уничтожить дорогие ей письма.

В 1897 году Владимир Ильич был сослан в Сибирь, а Надежда Константиновна должна была отбывать ссылку в Уфе. Владимир Ильич посылает прошение в Департамент полиции, чтобы Крупской разрешили отбывать ссылку в Шушенском, так как они решили соединить свои судьбы. Надежда Константиновна тоже подает прошение. Разрешение было получено. В 1898 году Н. К. Крупская вместе с матерью

приезжает в Шушенское. Наконец-то они снова встретились!

Еще до приезда Владимир написал матери: «Надежде Константиновне, как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит немедленно в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошение о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста...»

Однако возникла проблема с обручальными кольцами: купить их можно было бы в Минусинске, но они стоили очень дорого. Выход подсказал один из ссыльных Оскар Энберг: он сделал из медной монеты два кольца. С ними Надя и Володя обвенчались 10 (22) июля 1898 года.

Позже Надежда Константиновна вспоминала: «Мы ведь молодожены были, и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти...»

«Так живо встает перед глазами то время первобытной целостности и радости существования. Все какое-то первобытное — природа, щавель, грибы, охота, коньки, — тесный, близкий круг товарищей совместные прогулки, пение, совместное какое-то наивное веселье...»

И невольно вспоминаются стихи Роберта Рождественского:

Все здесь простое,
все самое первое —
ровная медленная река,
тонкие-тонкие,
белые-белые,
длинные-длинные облака...
Здесь водопады литые, летящие,
мягкая, трепетная трава...

Только для любящих по-настоящему
эти великие острова...

В Шушенском Надежда Константиновна по совету Владимира Ильича написала первую свою брошюру «Женщина-работница».

Пролетели два года ссылки... Из Сибири Владимир Ильич возвращался вместе с Надеждой Константиновной и ее матерью. Они засхали в Уфу, так как срок ссылки Надежды Константиновны еще не окончился. Устроив ее, В. И. Ленин уехал в Москву, а вскоре за границу: у него давно уже созрел план создания русской революционной газеты «Искра».

В апреле 1901 года Н. К. Крупская приезжает в Мюнхен, где с нетерпением ждет ее Владимир Ильич. Да и партийная работа тоже ждет. Крупская становится секретарем редакции «Искры», ведет конспиративную переписку с революционными организациями России. «Искра» обеспокоила царскую полицию. На след типографии напали заграничные агенты, поэтому было решено перенести издание газеты в другую страну.

В 1902 году Владимир Ильич и Надежда Константиновна переезжают в Лондон. Оба они хорошо знали английский — переводили книги, но разговорной практики у них не было.

«Когда приехали в Лондон, — вспоминала Надежда Константиновна, — оказалось, ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает. Попадали мы вначале в прекомичные положения. Владимира Ильича это забавляло, но в тоже время задевало за живое».

«Стали мы, — рассказывала Надежда Константиновна, — ходить по всяким собраниям, забираясь в первые ряды и внимательно глядя в рот оратору. Ходили мы вначале довольно часто в Гайд-парк. Там выступают ораторы перед прохожими — кто о чем говорит».

Во время таких прогулок супругов Ульяновых нередко сопровождала англичанка Зельда Коутс, тогда принимавшая активное участие в социал-демократическом движении Англии. Позднее она рассказывала, что Владимира Ильича в Гайд-парке интересовали не только и не столько ораторы, сколько рядовые англичане, наблюдал, как слушатели реагировали на те или иные высказывания оратора, и эти живые наблюдения стоили многих прочитанных книг.

И хотя живое общение с публикой значительно обогатило Владимира Ильича и Надежду Константиновну практическим владением английского языка, все же пришлось заняться им более серьезно. Не имея средств, чтобы брать уроки у англичан, Владимир Ильич решил выйти из затруднительного положения путем взаимного обмена уроками. 10 мая 1902 года в лондонском еженедельнике «Атенеум» появилось объявление:

«Русский доктор права и его жена хотели бы брать уроки английского языка у англичанина (или англичанки) в обмен на уроки русского языка. Письма направляйте г. Я. Рихтеру, 30, Холфордсквер. Центовилл».

После объявления у Ульяновых появилось три учителя и в то же время три ученика. В их скромную, бедно меблированную квартиру по улице Холфордсквер в определенные дни и часы приходили некий мистер Реймент, почтенный старик, внешним обликом напоминавший Дарвина, служащий известной издательской фирмы «Джорж Белл и сыновья»; другим был конторский служащий Вильямс; третьим — рабочий Йонг.

Надежда Константиновна вспоминала, что обменные уроки очень понравились Владимиру Ильичу. «Англичанин приходил минута в минуту, ни разу не опоздав и не пропустив урока. Он был таким же образованным

языковедом, как и Ильич, и та пара часов, в течение которых шли занятия, были наглядным уроком того, как надо беречь свое и чужое время».

Метод обменных уроков Владимир Ильич использовал и ранее. До приезда в Лондон он жил в Германии, в Мюнхене, где обменивался уроками с одним немцем, совершенствуя познания в разговорном немецком языке.

После таких занятий английским языком Владимир Ильич, бывая на собраниях рабочих, смог выступать перед ними с докладами и рефератами на английском языке.

После Лондона — Женева, II съезд РСДРП, активной участницей которого была Надежда Константиновна.

Поздней осенью 1905 года Крупская возвращается в родной Петербург. В. И. Ленин вернулся раньше. И снова она загружена нелегальной партийной работой — стала секретарем ЦК РСДРП. И снова за ними слежка полиции: Ульяновым приходится жить отдельно, постоянно менять квартиры. Эта жизнь ужасно изматывала их. Все собрания, встречи, явки строго конспирированы.

Наступили тяжелые годы столыпинской реакции, годы жесточайших репрессий, направленных против революционного движения, против рабочих и крестьян. Россияне — большевики, меньшевики, эсеры — вновь перебрались за границу.

Н. К. Крупская и В. И. Ленин тоже вынуждены уехать. Сначала Швейцария, затем Франция, Польша, снова Швейцария...

Школа в Лонжюмо

Здесь мне хотелось бы немного рассказать о жизни Ульяновых в Париже. Улица Мари Роз, 4. Маленькая квартирка с тремя небольшими комнатами и кух-

ней. Надежда Константиновна рассказывала мне, что кухня была у них как бы «приемной»: к Ульяновым часто заходили знакомые, и все задушевные разговоры велись на кухне за чашкой чая.

К 120-летию со дня рождения Владимира Ильича я подарила музею самовар, принадлежавший семье Ульяновых. Им пользовались Ульяновы в Горках. Когда реставратор, который приводил самовар в порядок, узнал, что я повезу его в Париж, в музей Ленина, он с такой любовью почистил его, что самовар засверкал, как новый. Теперь он стоит на кухне в музее и придает особый домашний уют этой квартире.

Ветеран ФКП Жан Жером и хранитель музея Жан Клод Ла Мезек увлеченно рассказывали нам о жизни Ленина и его семьи в Париже. И то, что Коммунистическая партия Франции купила эту квартиру и создала в ней музей великого русского коммуниста — Ленина, ее огромная заслуга, которую трудно переоценить! В 90-х годах, к большому сожалению, ФКП эту квартиру пришлось продать.

Пока я находилась в музее, да и позже, уже дома, мысленно возвращалась к увиденной впервые квартире, и передо мной воскресали события 80-летней давности...

Ульяновы приехали в Париж в декабре 1908 года. Владимиру Ильичу в ту пору было 38 лет, его жене Надежде Константиновне — 39. Оба были в расцвете творческих сил, здоровья, полны энергии. Он — худощавый, крепкий, подтянутый, с каштанового цвета усами и волосами, уже сильно поредевшими и открывавшими его прекрасный лоб мыслителя, с живыми, пронцательными карими глазами. Словом, такой, как на фотографии, сделанной в Париже в 1910 году. Она — тоненькая, стройная шатенка с нежным лицом и удивительно бархатистой кожей, пушистыми волосами, которые в юности заплетала в

длинную косу, а теперь закалывала в пучок. И, как и Владимир Ильич, всегда подтянутая, аккуратная...

Я очень хорошо помню мою милую тетю Надю. Она и в преклонном возрасте была всегда аккуратно и скромно одета. У нее был тихий грудной голос, доброе лицо, седые, все такие же пушистые волосы. Часто непослушная прядка выбивалась из прически, ложилась на щеку. Было в ней какое-то особое обаяние. Ко мне, тогда девочке, она относилась с нежностью и любовью. Много рассказывала о Владимире Ильиче, об их нелегкой жизни до революции в России и в эмиграции.

И по-прежнему Владимир Ильич очень много работает. Ежедневно в 8 часов утра он уезжает на велосипеде в Национальную библиотеку и возвращается домой в 2 часа дня (в это время в библиотеке был перерыв на обед). Пообедав дома, он снова садится за книги. У него был жесткий режим и **подлинно научная организация труда**. В это время Ленин заканчивал работу над своим основным философским трудом «Материализм и эмпириокритицизм», который был издан в Москве в издательстве «Звено» в 1909 году.

Для того чтобы иметь представление о том, что означают слова «**Ленин много работал**», достаточно сказать, что за три с половиной года жизни в Париже им было написано свыше 500 книг, статей, рефератов, не считая его многочисленных выступлений с докладами во Франции и других странах, активного участия в работе ЦК РСДРП, различных международных конференциях, бюро, его огромной партийной переписки. А Надежда, помимо большой партийной работы, занималась изучением педагогики, написала много статей, которыми Владимир Ильич всегда интересовался и высоко оценивал их. Одна из ее интереснейших работ — «Народная школа и демократия» впервые была опубликована в 1917 году...

Пока мы ехали в пригород Парижа Лонжюмо, мне все время вспоминались слова Владимира Ильича, написанные им Дмитрию в 1910 году: «...Я здесь частенько думал об опасности аварии, когда на велосипеде ездил по центру Парижа, где движение дьявольское...» И в самом деле, движение в Париже дьявольское, посмотрел бы Владимир Ильич, каким оно стало теперь, через 80 лет!

Но однажды он все-таки попал в аварию, когда возвращался на велосипеде с аэродрома в Жювизи (городок под Парижем), куда ездил смотреть на полеты аэропланов.

«...Автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить), — писал он Маняше. — Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, черт его дери) и теперь сужусь с ним (через адвоката)...».

В Лонжюмо на доме № 91 по Гранд рю — мемориальная доска в память о том, что здесь бывал В. И. Ленин. Договорившись заранее с хозяйкой этого дома о приезде, мы вошли в подворотню и очутились в небольшом дворе.

Тотчас же откуда-то сверху, с лестницы, на нас с лаем бросился рыжий сеттер. Мы оторопело остановились. На громкий лай из дома вышла приветливая женщина — хозяйка дома. Поздоровавшись, она предложила нам осмотреть сарай с большими окнами. **Тот самый сарай!** «Здесь сейчас мастерская», — рассказывала она, ее свекор жил в этом доме и еще мальчиком видел Ленина.

Трудно было даже вообразить, что в этом сарае, вдали от всевидящих глаз царской полиции, более 80 лет тому назад, в 1911 году, Ленин организовал партийную школу для российских рабочих. Здесь для них читали лекции известные деятели российской социал-демократической партии — А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд и

Памятные Ленинские места за рубежом



Мастерская в Лонжюмо, где В. И. Ленин вел занятия
в партийной школе



Женевская библиотека, в которой работал Владимир Ильич



Народный дом в Цюрихе, где неоднократно выступал
В. И. Ленин

др. Более трети всех лекций прочел В. И. Ленин; лекции по политэкономии, теории и практике социализма в России, философии, аграрному вопросу и другим. После окончания школы все слушатели вернулись в Россию, чтобы продолжать нелегальную партийную работу...

И радостно было видеть современную, прекрасно организованную партийную школу ФКП в Дравейле, прообразом которой была ленинская школа в Лонжюмо.

Вернувшись домой, я отправила в партийную школу Французской компартии в Дравейле ксерокопии нескольких работ Владимира Ильича...

Владимир Ильич умел не только работать, но и отдыхать. Тетя Надя рассказывала мне, как они ездили на велосипедах по лесам вблизи Лонжюмо. «Иногда в день проезжали по 70—75 километров. Володя страшно любил такие прогулки, чтобы уехать часов в 6—7 утра и вернуться поздно вечером. Зато благодаря этим прогулкам дела оставались не сделаны. Ну, да это не беда».

Так они отдыхали и во Франции, и в других странах, и им никогда не было скучно вдвоем: они были так близки, так понимали друг друга.

Интересны слова великого французского писателя Анри Барбюса о Ленине: «Любовь к спутнице его жизни, чувство, которое Ленин испытывал неизменно, — бесспорно редкое явление в биографиях «великих людей»... Какой это был пример прекрасного, почти совершенного союза мужчины с женщиной. Два существа, не только любящие друг друга, но и борющиеся рядом пусть разным оружием, но одинаково страстно, отдавали весь свой разум и сердце во имя осуществления общего великого идеала».

Надежда была секретарем заграничного Большевистского центра, восстанавливала связи Ленина с большевистскими организациями на родине.

В наши дни многие женщины с интересом читают «Работницу». Но все ли знают, что создателем этого журнала в 1914 году была Надежда Константиновна? Журнал издавался в России легально: в его редакцию входили известные коммунистки Н. К. Крупская (редактор), И. Ф. Арманд и Л. Н. Сталь — за границей, А. И. Ульянова-Елизарова, К. Н. Самойлова и другие — в России.

Н. К. Крупская проводила большую работу по сплочению женщин-работниц. В январе 1915 года Надежда Константиновна писала от имени заграничной части редакции «Работницы»: «В среде этой редакции некоторое время тому назад возникла мысль... созвать Международную конференцию женщин-социалисток для обсуждения ряда неотложных вопросов женского интернационального рабочего движения». Вместе с И. Арманд Крупская активно вела подготовку конференции, которая состоялась в Берне в начале 1915 года. В ней участвовали представительницы социал-демократических партий Европы.

Кроме партийной работы, Надежда Константиновна очень много времени уделяла педагогике и внесла заметный вклад в эту науку. Владимир Ильич писал сестре из Берна, что Надежда занимается в педагогической библиотеке, пишет большую книгу. План ее она обсуждала с В. И. Лениным. В 1915 году книга «Народное образование и демократия» была закончена.

Во время Первой мировой войны материальное положение Ульяновых ухудшилось. «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, — писала Надежда в Москву Марии Ильиничне, — и вопрос о заработке встает довольно остро. Тут найти что-либо трудно. Обещали мне урок, но дело все как-то тянется, обещали переписку — тоже ни черта... Надо думать о литературном заработке. Не хочется мне, чтобы эта сторона дела падала целиком

на Володю. Он и так много работает. Вопрос же о зарработке его порядком беспокоит.

Так вот я хотела о чем попросить тебя. Я последнее время очень много занималась педагогикой вообще и историей педагогики в частности, так что подкована в этой области недурно. Написала даже целую брошюру «Народная школа и демократия». Первая ее часть уже готова, называется: «Роль производительного труда в деле народного образования». Листов 6 — 7. Кажется мне, вышло довольно интересно. Вот я и хотела попросить тебя поискать издателя. Рукопись могу прислать по первому требованию...»

А в феврале 1916 года Владимир Ильич обращается к А. М. Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович! Посылаю Вам заказной бандеролью брошюру моей жены «Народное образование и демократия».

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения...

Вы очень обяжете меня, если поспособствуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры...».

Однако при всем старании Горького книга Крупской «Народное образование и демократия» вышла из печати только в 1917 году.

Вообще, за годы эмиграции ею было написано более 30 статей; они были опубликованы в нелегальной и легальной партийной и педагогической прессе в России и за рубежом.

В Россию

В начале марта 1917 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская узнают из газет, что в России произошла бур-

жуазно-демократическая революция. Надежда Константиновна пишет большевику В. М. Каспарову: «С трудом соображаю сегодня из-за телеграммы, взбудоражившей всех заграничных россиян: о победе революции в России...»

Но как вырваться из нейтральной Швейцарии, когда вокруг нее полыхает война? Как вернуться в Россию? Владимир Ильич обдумывал все варианты отъезда, даже спать стал плохо. Оказалось, что это совсем не просто: легальных путей нет. Можно ехать только нелегально. Он советовался с товарищами, писал А. Коллонтай, Я. Ганецкому.

Выход нашел один человек, и это был швейцарский социал-демократ (а впоследствии коммунист) **Фриц Платтен**, давний товарищ **Ленина**. Собственно, он сделал все; Ленин и другие эмигранты с ним согласились. Платтен заключил письменное соглашение с германским послом в Швейцарии. Условия были таковы: 1) едут все эмигранты-большевики и социал-демократы без различия взглядов на войну; 2) вагон должен быть только экстерриториальным, то есть без разрешения Платтена никто не имеет права входить и выходить из вагона, и 3) обмен эмигрантов на германских военнопленных.

Сколько сил и нервов стоило это Владимиру Ильичу! Надежда Константиновна говорила, что он просто извелся, опасаясь какой-либо неудачи с переездом. Но Фриц убеждал его, что все будет хорошо. И вот наконец 27 марта 1917 года большевики — примерно 30 человек — выехали поездом в Россию.

Поезд шел через Германию и Швецию. В Стокгольме Ленина уже встречали шведские социал-демократы и большевики-эмигранты; он участвовал в совещании левых социал-демократов, но задержался в Стокгольме всего на один день несмотря на уговоры шведов. Все его мысли были уже в России...

И снова стук колес, и вот уже Торнео — пограничный город. А отсюда два шага — Выборг и Петроград. (До Октябрьской революции Финляндия, как известно, входила в состав России.)

Временное правительство не пустило в Россию Фрица Платтена, он смог приехать только после революции. Платтен — удивительный человек, он заслуживает того, чтобы о нем рассказать подробнее. Он был одним из организаторов Коммунистической партии Швейцарии. Позже принимал участие в создании Коммунистического Интернационала.

В январе 1918 года В. И. Ленин выступал в Петрограде на проводах первых отрядов Красной Армии. Когда Ленин возвращался с митинга домой, его автомобиль был обстрелян террористами-эсерами. В машине, кроме Владимира Ильича, ехали Мария Ильинична и Фриц Платтен. Услышав стрельбу, шофер погнал машину. Фриц, сидевший рядом с Лениным, руками прижал его голову вниз, и в этот момент пуля обожгла его руку. Пуля, предназначавшаяся Ленину... Платтен был легко ранен в руку. Это было первое покушение на Ленина. Второе, как известно, закончилось не так.

С 1923 года Платтен жил и работал в СССР, жена его была русская, и он жил здесь с семьей. Как могло получиться, что **человек, дважды спасший В. И. Ленина**, был в конце 30-х годов арестован и в 1942 году расстрелян? За что погиб швейцарский коммунист Фриц Платтен, один из преданнейших друзей В. И. Ленина?

Надежда Константиновна прошла вместе с Владимиром Ильичом весь путь — Октябрьская революция, Гражданская война, становление Советской власти.

Вскоре после смерти Владимира Ильича Н. К. Крупская начала написать о нем воспоминания. Они охватывают 25-летний период жизни Ленина — с 1893 по 1919 год. Отдельно она рассказала о жизни

В. И. Ленина в 1923 году, о последних днях его жизни. Нужно подчеркнуть, что книга Крупской — это наиболее полная биография Ленина, биография без прикрас, честная и правдивая. Слова Д. Волкогонова о том, что правдивых книг о Ленине якобы нет, — ложь, основанная на его чрезмерной самоуверенности.

Надежда Константиновна часто посещала Мавзолей. Она ходила одна, чтобы никто не мешал ее печали, ее думам. Находясь в Мавзолее, она вспоминала свою жизнь с Владимиром Ильичом, и именно здесь, около него, ей хотелось многое обдумать. «При Ильиче я жила, что называется, за чужим «загадом», — вспоминала она, — обо всем важном, волнующем можно было с ним в любую минуту потолковать, обсудить. Теперь пришлось очень много решать самостоятельно. Жизнь бешено мчится вперед, развиваясь в сложнейших противоречиях. **Нельзя оставаться настоящим партийцем, не учась все время, не вдумываясь во все, что кругом делается.** Мне пришлось здорово учиться» (выделено мною. — О. У.).

С 1929 года и до конца дней своих Надежда Константиновна работала заместителем наркома просвещения РСФСР. Будучи государственным деятелем, она написала статьи, имеющие значение и в наши дни. В частности, большой интерес представляет работа Крупской «Количественный и качественный учет», увидавшая свет только в 1988 году. Статья удивительно актуальна: кажется, будто она говорит не из далекого 1926 года, а сейчас, в наше сложное время. Странно одно — где находилась эта статья в течение шестидесяти двух лет? Кто ее прятал от народа?

Велико педагогическое наследие Надежды Константиновны. Академия наук СССР избрала ее почетным академиком.

Летом 1937 года Надежду Константиновну постигло неожиданное горе — умерла Мария Ильинична

Ульянова, Маняша, самый близкий ее друг. Познакомились они еще в Петербурге — тогда юные девушки. И пронесли свою дружбу через всю жизнь.

Они очень заботились друг о друге. Мария Ильинична старалась убедить Надежду Константиновну хоть понемногу отдыхать. Изредка они вдвоем ездили в Крым, в Мухалатку, но Надежда Константиновна не любила подолгу отдыхать. Она решалась на такие поездки ради Марии Ильиничны. Иногда они ездили в Дом отдыха старых большевиков Архангельское, но чаще — в Горки.

Тетя Надя любила Горки — там все было связано с Владимиром Ильичем. Сколько я помню Горки, комната Владимира Ильича всегда была заперта на ключ, в ней все осталось так, как было в горестный день 21 января. Заходили туда сестры и брат В. И. Ленина, и всегда — Надежда Константиновна. Иногда бывала там и я. Иногда бывали близкие друзья Надежды Константиновны.

Когда бы мне ни приходилось заглянуть в комнату к тете Наде, она всегда сидела за письменным столом, погруженная в свои дела. Мне она всегда радовалась, усаживала рядом с собой, угощала конфетами. Мы с ней иногда подолгу разговаривали: она советовала, что лучше прочесть из книг, интересовалась моими делами. Так же бывало и в Москве, тетя Надя расспрашивала меня о школе: «Ну, как там твоя школа поживает?»

Надежда Константиновна вставала обычно очень рано, часов в 5 утра. Ходила тихо, чтобы не разбудить Марию Ильиничну. Когда я спросила, почему она встает так рано, тетя Надя ответила, что утром ей легко работать, никто не мешает, и она успевает за 2—3 часа многое сделать. Надежда Константиновна старалась и вечером, после работы, присесть хоть ненадолго за письменный стол.

По-прежнему, когда у тети Нади выдавались редкие минуты отдыха, она ездила в Горки. Иногда беседует с моим отцом где-нибудь в парке, в тенистом месте. Иногда зовет меня к себе в свою комнату. Ее комната была самой любимой моей комнатой Большого дома.

Доверительный разговор

Хочу рассказать об одном доверительном разговоре с тетей Надей, доверительном, интимном... Здесь хотела бы сделать одно отступление. После появления в книге А. И. Солженицына «Ленин в Цюрихе» (1975 г.) домыслов об отношении Владимира Ильича к Инессе Арманд, клеветники Ленина приписали ему роман с нею. Это была выдумка, желание очернить Ленина! Отношения В. И. Ленина к И. Ф. Арманд были дружеские. Известно, что Владимир Ильич Ленин был однолюб. Для него существовала одна единственная женщина, его жена Надежда Крупская...

Это был единственный разговор в моей, тогда шестнадцатилетней жизни. Мы были с ней одни, и нам никто не мешал. Это удивительно, что всегда кто-нибудь был рядом: в особенности часто была рядом ее секретарь В. С. Дридзо (мой «цербер», как назвала ее тетя Надя в одном из своих писем). Она старалась не оставлять тетю Надю одну (как это некоторые люди не понимают, что их постоянное присутствие давит на человека). Ко мне она относилась с явной неприязнью, — я это чувствовала, как обычно все дети чувствуют отношение к ним взрослых; когда бы я ни вошла в комнату тети Нади, она говорила: — Ляля, ты мешаешь тете Наде работать.

Надежда Константиновна обычно протестовала, но тон Дридзо, ее холодный властный голос подавляли меня, и я старалась поскорее уйти. Зато с мужчинами она была особенно любезна и кокетлива.

Случай, о котором хочу рассказать, произошел в ясный теплый день. Была ранняя осень. Я была дома одна и делала уроки. Неожиданно раздался звонок в дверь. Я пошла открывать. В коридоре стоял шофер, возивший Надежду Константиновну, Ф. И. Бричкин.

— Ляля, выйди к Надежде Константиновне, она в машине.

Я выбежала к ней. Мы поцеловались, и она, улыбаясь, спросила:

— Лялечка, поедешь со мной в Горки на часок-другой?

— А ты одна? — спросила я, посмотрев по сторонам, хотя и так было видно, что одна. Она засмеялась и внимательно посмотрела на меня.

И вот мы с ней мчимся по Москве, по такой с детства знакомой дороге в Горки. Она обняла меня за плечи, прижала к себе. Мы о чем-то говорили — но радость неожиданной встречи... — и я не запомнила ее слов. Проехав через Красный мост машина поднялась в гору и подъехала к большим деревянным воротам Горок. Никакой охраны у ворот тогда не было. Шофер вышел из машины и отодвинул бревно, служившее затвором. Мы подъехали к Большому дому, поздоровались с Карлом Стаклизом — комендантом Горок — и пошли погулять по парку.

— Как хорошо, что мы с тобой приехали сюда. Погуляем, поговорим. Хочешь, я расскажу тебе о дяде Володе?

— Конечно, тетя Надя, — проговорила я. — Ведь ты редко говоришь о нем!

— Да потому, что мы с тобой почти и не бываем вдвоем, всегда кто-нибудь мешает.

— Тетя Надя, расскажи, как вы познакомились с дядей Володи, я ничего не знаю о твоей молодости.

— Ты теперь уже большая, Ляля. Ты многое пой-

мешь. Он меня называл Надюша, Надюшка. — сказала она. Ее лицо похорошело, порозовело, она улыбалась, и ее глаза сияли.

Мы с ней забрались в самый дальний уголок парка на косую аллею. Сели на скамеечку под дубом. Она говорила радостно, и я с трудом узнавала в ней ту тетю Надю, какой она была обычно, — сдержанную, спокойную. А сейчас она стала раскованной, счастливой, помолодевшей. Она рассказывала, а я представляла ее себе такой, как на фотографии 1894 года — хорошенькой большеглазой девушкой с пухлыми губками, а дядю Володю — совсем молодым, с маленькой бородкой, умными карими глазами («как у твоего папы», — сказала она) и с ямочками на щеках.

— Как мы любили друг друга, всю жизнь любили! А в его биографиях пишут — соратница, друг. Да кроме того, что соратники и друзья, счастье было, любовь. Любил он меня, и я любила... И сейчас люблю, — добавила она с грустью.

— Его уже нет, а я все люблю. Как увижу его в Мавзолее, расстраиваюсь очень. Ведь он там как живой. — На ее глаза навернулись слезы. Боже мой, тетя Надя плачет! Я стала целовать ее, успокаивать, сама заплакала. Но она уже успокоилась.

— Вот видишь, Лялечка, говорю о нем и плачу. Такой внимательный был, занимаюсь или отдыхаю — он на цыпочках ходит...

Мы еще долго сидели с тетей Надей в парке, говорили и не могли наговориться...

Наша поездка еще более сблизила нас. Я замечала это по ее ласковым, внимательным взглядам, по тому, как она меня обнимала, по отдельным, только нам с ней понятным фразам. Как-то улучив момент, когда близко никого не было, я шепнула ей на ухо:

— Тетя Надя, поедем еще как-нибудь в Горки?

— Конечно, Ляля. — ответила она.

Могла ли я тогда думать, что ни поездки вдвоем, ни такого откровенного разговора у нас с ней уже никогда не будет? Никогда... Могла ли знать, что жить ей оставалось всего полгода?

26 февраля 1939 года тете Наде исполнялось 70 лет. А вечером 23 февраля она поехала в дом отдыха «Архангельское» на воскресенье. На следующий день туда приехали Г. М. и З. П. Кржижановские — оба давние друзья Надежды Константиновны и Владимира Ильича еще по сибирской ссылке. Глеб Максимилианович был крупнейшим ученым в области энергетики, академик. Приехали также мой отец, Феликс Кон. Л. Р. Менжинская. Там же была и секретарь Крупской — Дридзо. Надежда Константиновна радовалась, что собрались старые друзья, все хорошо знавшие Ленина. Все были веселы, вспоминали о минувших днях, говорили о ее предстоящем юбилее...

Вдруг к вечеру Надежда Константиновна почувствовала себя очень плохо. Срочно вызвали врача, он осмотрел ее и увез в Кремлевскую больницу. 25-го она часто находилась в бессознательном состоянии, пришла в себя только к вечеру. Дмитрий Ильич был у нее в больнице, хотя сам в это время был болен. Он сказал маме и мне, чтобы мы пошли проститься с ней. Это было, помнится, 26-го февраля. Некоторое время мы ждали у ее палаты, здесь же в коридоре была Дридзо. Наконец из палаты вышел врач и сказал нам:

— Зайдите к ней. Надежда Константиновна хочет вас видеть. — Мама и я подошли к дверям, но Дридзо не допустила нас проститься с тетей Надей.

— Не пущу, — сказала она, неожиданно встав у дверей. Мама страшно разволновалась:

— Как же так? Ведь врач сказал зайти.

— Не пущу, — грубо повторила она, раскинув руки в стороны и загораживая собою дверь. Мама по-

звала врача. Тот стал говорить ей, что Надежда Константиновна ждет Александру Федоровну и Лялю. Но вновь резко и грубо она повторила: — Не пущу!

Не помню, как мы с мамой добрались до дома. Рассказывая об этом папе, мы обе плакали. Он был расстроен не меньше нас.

А как же там, в палате, тетя Надя? Она, конечно, слышала сквозь дверь крики: «Не пущу!» Господи! Как же горько и больно ей должно было быть! Она, бедняжка, наверно, металась перед смертью, звала свою Лялю, Александру Федоровну. Ведь душевная боль несравненно тяжелее боли физической. Какой жестокой была эта женщина, не выполнившая последнюю волю умирающей!

26 февраля во всех газетах были опубликованы поздравления тети Нади с днем рождения, а через день — ее фотографии в траурных рамках. В день ее похорон на Красной площади было зябко, холодно... Она покойся теперь в нескольких десятках метров от Владимира Ильича: опять они рядом, теперь — навсегда...

Отец ничего не говорил мне о смерти тети Нади, хотя я и пыталась спрашивать его; когда я стала очень добиваться, он ответил:

— Не нужно говорить о тете Наде, Лялюся.

Позже, обдумывая эти грустные события, анализируя их, я поняла, что он знал причину неожиданной смерти тети Нади, но мне не хотел говорить.

После смерти последнего из Ульяновых — моего отца — Дридзо уже некого стало бояться: подготовку к изданию книги о Надежде Константиновне она взяла в свои руки. Она выступала с докладами о Крупской, оттеснив меня совершенно.

Обычно в центральной печати публиковались статьи к юбилеям выдающихся революционных деятелей, деятелей Коммунистической партии и Советского государства. С конца 70-х годов газета

«Правда» стала заказывать мне статьи о моих родных: об отце (к его 110-летию), об Анне Ильиничне (к ее 120-летию), о Марии Ильиничне (к 110-летию) и в 1989 году — о Н. К. Крупской (к ее 120-летию). В ней я в первый раз за 50 лет написала о тайне, которая окутала день 26 февраля 1939 года. Получила много откликов на статью, в основном очень хороших, но несколько — весьма злобных, вроде: как Ольга Ульянова посмела написать ложь про Дридзо? Пусть Дридзо ответит О. Д. Ульяновой. Но Дридзо не ответила. Она молчала. Да и что она могла мне ответить? Но при встречах смотрела сквозь меня, не здороваясь, не замечая...

Обдумывая жизнь тети Нади, мне все больше раскрывается глубина и неординарность ее натуры, широкий диапазон ее знаний. Ее ум, такт, проницательность, юмор, сила воли и в то же время мягкость и чуткость, — все это привлекало к ней людей.

Глава VI

**ДОКТОР
ДМИТРИЙ
УЛЬЯНОВ**





Д. И. Ульянов с женой А. Ф. Ульяновой
с дочерью Ольгой в Горках. 1925 г.

В

Г. С. Ульянов
на родине
близкой
взаимоотно
шения

Верный

Дмитрий
Он при
сии, в се
лении С
кую вой
лении С

Исто
няли в
револю
чом-пра
были п
шел на
оказыв

Дми
торый
го сос
ного-м

Ст
тарно
лерно
«О же
больн
(1913
родн
(1921

В своей книге я часто рассказываю о своем отце — Дмитрие Ильиче Ульянове. Это и понятно, ведь он и мама были мне самыми близкими людьми. Отец старался передать мне многие факты из жизни Владимира Ильича, их сестер, их родителей. Рассказывал о том, насколько духовно близки они были между собой: общность их взглядов, взаимопонимание, стремление к искреннему служению выбранному ими пути

Верный солдат революции

Дмитрий Ильич был верным солдатом революции. Он принял участие в революционном движении России, в свершении Октябрьской революции, в установлении Советской власти в Крыму, прошел Гражданскую войну, приложил немало сил и энергии в становлении Советской власти.

История знает немало примеров, когда люди соединяли в себе два призвания: будучи профессиональным революционером, Дмитрий Ильич всегда оставался врачом-практиком, ученым-медиком. И оба эти призвания были подчинены одной цели — служению народу. Он шел навстречу трудностям в революционной борьбе и оказывал помощь страждущим от тяжелых болезней.

Дмитрий Ильич поднялся от студента-медика, который лечил еще в студенческие годы людей бедного сословия, до земского врача, и затем — до ученого-медика.

Статьи его по жизненно важным проблемам санитарного и врачебного дела в России, такие как: «О холерной эпидемии 1892 г. в Симбирском уезде» (1905 г.), «О желательности бесплатного лечения госпитальных больных в земских больницах Феодосийского уезда» (1913 г.), «Задачи Советской власти в деле охраны народного здоровья» (1918 г.), «Крымская здравница» (1921 г.) и другие, имели большое научное значение.

Дмитрий Ильич регулярно участвовал в съездах эпидемиологов и бактериологов в Крыму и в Москве. После окончания Гражданской войны отец занимался научной деятельностью в Коммунистическом университете имени Свердлова, в научном секторе поликлиники Комиссии содействия ученым при Совнаркоме СССР.

Дмитрия Ильича справедливо считают не только врачом-практиком, но и видным ученым-медиком. Он вел большую санитарно-просветительскую работу.

«Лечебная медицина — это далеко не все в деле охраны народного здоровья», — писал он. — «Там где мы не умеем лечить, мы можем предупреждать болезни, пресекать распространение их, предохранять других от заболеваний.

Мы можем не знать, как лечат какую-нибудь болезнь, но знать причину ее появления, знать, отчего люди ею болевают. Тогда в чем же задача врача, в чем наша задача?

В том, чтобы устранить те вредные причины, которые вызывают болезнь, предупреждать заболевания.

В противоположность лечебной медицине это будет медицина предупредительная, или общественная санитария (от латинского слова *Sanitas* — здоровье)...»

Мой отец — младший брат Владимира Ильича Ленина — родился 4(16) августа 1874 года в Симбирске (ныне Ульяновск).

...Весной 1893 года он окончил Самарскую гимназию и подал заявление на медицинский факультет Московского университета. Его приняли, а в мае следующего года сдал экзамены и перешел на второй курс.

Одновременно Дмитрий Ильич знакомится с революционно настроенными студентами, принимает участие в нелегальных студенческих и рабочих кружках.

В выступлениях Дмитрия Ильича перед рабочими, по свидетельству очевидца, «звучала такая удивительная сила убеждения, такая твердая и всем понятная логика, что слушатели затаивали дыхание, когда он говорил...»

7 ноября 1897 года Д. И. Ульянов был арестован по делу московского «Рабочего союза» и помещен в Таганскую тюрьму в одиночную камеру, на которой было написано: «Государственный секретный преступник».

На допросах Дмитрий Ильич проявил большую выдержку.

В. И. Ленин, находившийся тогда в ссылке в Сибири, тревожился за судьбу брата. Во всех письмах к матери он спрашивает о Дмитрие.

«Надеюсь, что Митя будет уже на свободе ко времени получения этого письма...» — писал он.

«Досадно ужасно, что Митино дело несколько затягивается; неприятно ему будет терять год. Вероятно, все-таки разрешат ему поступить в другой университет или держать экзамен экстерном».

Снова и снова спрашивает Владимир Ильич о брате: «Поджидаю я все, дорогая мамочка, известия о Митином освобождении, да что-то долго его нет». «Приехали ко мне, наконец, дорогая мамочка, и гости... Ужасно грустно только, что ничего хорошего о Мите не привезено!»

В июле 1898 года он вновь спрашивает у матери: «Когда же наконец выпустят Митю? Вот не ожидал, что из-за пустяков раздуют такую ахинею? И куда он поедет, когда выпустят?»

Родные Дмитрия Ильича опасались, что заключение в одиночной камере может подорвать его здоровье. Они всячески стараются поддержать его морально, передают ему в тюрьму книги, заботятся о нем.

Владимир Ильич советовал ему заниматься гимнастикой:

«...По своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался каждый день на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический

прием (хотя и смехотворный) — 50 земных поклонов... но только, чтобы не меньше 50-ти подряд и чтобы, не сгибая ног, доставать рукой каждый раз об пол — так ему и написать...»

В августе 1898 года Дмитрий Ильич был освобожден из тюрьмы, и Владимир Ильич прислал матери радостное письмо:

«Вчера получил я, дорогая мамочка, телеграмму от 21-го о Митином освобождении и письма твое и Анютино. Очень был рад всем известиям, особенно первому. Митя освобожден, следовательно, по окончании следствия: теперь интересно узнать, что именно приуготовляет для него обвинительная власть».

«Обвинительная власть» высылала Дмитрия Ильича в Тулу, а затем в Подольск. В предписании указывалось, что Д. И. Ульянов «подчинен гласному надзору полиции на один год в г. Подольске», после чего ему было воспрещено жительство в столицах и С.-Петербургской губернии вплоть до особого распоряжения.

Но и будучи поднадзорным, Дмитрий Ильич вместе с сестрой Анной Ильиничной принимает участие в нелегальном издании книг В. И. Ленина, который в то время находился в Шушенском; он держал корректуру книги «Развитие капитализма в России», сверял цитаты, таблицы и т. п., свои замечания он посылал Владимиру Ильичу.

26 января 1899 года Владимир Ильич пишет Дмитрию: «Ошибку в начале IV главы (с. 346) ты отметил совершенно верно, спасибо за это...» «Очень и очень благодарен В. А. (В. А. Ионову. — О. У.), Мите и особенно тебе, — писал Владимир Ильич старшей сестре Анне, — за все хлопоты с книгой, за судьбу которой... я теперь уже вполне спокоен».

В Московском университете Д. И. Ульянову запретили учиться. После долгих хлопот власти разрешили, наконец, завершить образование в Юрьеве (ныне Тарту). Там тогда учились многие революционно настроенные

студенты. Поэтому при поступлении в университет с Дмитрия Ильича взяли подписку о том, что он обязуется не вступать ни в какое тайное общество.

3 октября 1900 года Д. И. Ульянов был принят в число студентов медицинского факультета. Он получил матрикул (зачетную книжку), в которой написано: «Императорским Юрьевским Университетом сим удостоверяется, что Дмитрий Ильич Ульянов нижеозначенного числа принят в число студентов сего Университета по медицинскому факультету. Октября 3 дня 1900 года. № 18020».

В. И. Ленин не переставал интересоваться делами брата. В каждом письме к родным спрашивал, как идут у него занятия. Переписка тех лет между ними, к сожалению, не сохранилась, однако в письмах к матери и сестрам Дмитрий Ильич подробно рассказывал о своих занятиях, о жизни в Юрьеве.

«У меня теперь двое клинических больных и четверо в городе, один, кажется, брюшной тиф, я еще не вполне выяснил, беготни много, совсем некогда дома заниматься». Сохранилась история болезни эстонского кузнеца Иогана Пульса, которого лечил практикант Ульянов (так написано на истории болезни!) в Юрьевской больнице...

В декабре 1901 года Д. И. Ульянов успешно окончил Юрьевский университет и сразу же уехал из Юрьева. Но и после окончания университета он продолжает изучать медицину, разные области ее. Сохранилась тетрадь его, датированная 1902 годом, в которой он вел записи по медицине, фармакологии, неорганической химии; приведены рецепты различных лекарств, применяемых при опасных болезнях, таких, например, как холера, брюшной тиф, дифтерит, туберкулез и др.

Еще ранее, в начале 1900 года, по возвращении В. И. Ленина из Сибири, Дмитрий Ильич горячо поддерживал план организации «Искры».

Агенты «Искры» — «... убежденные марксисты, имевшие за своими плечами опыт нелегальной работы...» —

по словам В. И. Ленина — были посланы в крупнейшие города страны. Дмитрий Ильич был направлен в Одессу.

В мае 1902 года он поступает в лечебницу на Хаджибейском лимане под Одессой.

Искровская литература в Одессу доставлялась морским путем через Болгарию. Несколько раз «Искру» доставлял болгарин Иван Загубанский. Одесским революционерам в этом деле оказывал большую помощь Дмитрий Благоев, основатель Болгарской рабочей социал-демократической партии.

Дмитрий Ильич продолжал конспиративную революционную деятельность. Но полиция постоянно следила за ним, и в августе 1902 года его арестовали. В предъявленном ему обвинении говорилось, что Д. И. Ульянов арестован за принадлежность к кружку социал-демократов и за распространение прокламаций, призывавших крестьян присоединиться к революционному движению рабочих. Через три недели он был освобожден за недостаточностью улик.

Владимир Ильич, узнав о том, что Дмитрий Ильич уже на свободе, с радостью пишет матери: «Митино освобождение, о котором я в прошлый раз писал, что в нем уверен, — оказалось, произошло даже скорее, чем я ожидал. Особенно я рад за Анюту, что ей не пришлось долго мыкаться по разным «присутственным» местам... Имеет ли Митя заработок и не думает ли навестить нас?»

Некоторое время Дмитрий Ильич еще оставался в Одессе, но продолжать революционную работу становилось все сложнее из-за полицейской слежки. В декабре 1902 года он переезжает в Самару, а весной следующего года — в Тулу. Здесь он познакомился с Платоном Васильевичем Луначарским (братом А. В. Луначарского), Сергеем Ивановичем Степановым и другими большевиками. В тульском комитете Дмитрий Ильич вел интенсивную работу по подготовке II съезда партии и был вместе со Степановым избран делегатом на этот съезд, который состоялся за границей.

Дмитрий Ильич не мог, конечно, выехать за границу легальным путем. В автобиографии он писал: «В июне я перешел границу нелегально, так как ехать по паспорту было недопустимо по конспиративным соображениям. До съезда я прожил с неделю в Женеве у брата, а затем жил в Брюсселе и в Лондоне, где происходили заседания съезда. На съезде я примкнул к большевистской фракции, в которой и оставался в последующие годы».

Д. И. Ульянов был членом партии с 1896 года, а не с 1903 года, как написано в БСЭ. При вступлении в общество старых большевиков (1931 год) Дмитрий Ильич, отвечая на вопросы анкеты, написал, что в революционном движении он принимал участие с 1896 года. партсаж — также с 1896 года.

В. И. Ленин в своей книге «Шаг вперед, два шага назад» отметил активное участие Дмитрия Ульянова в работе II съезда РСДРП.

М. Горький впервые услышал Владимира Ильича на V съезде РСДРП.

«Первый раз слышал я, — вспоминает он, — что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали.

— густо говорит...

...так оно и было; каждый его довод развертывался сам собою — силою, заключенной в нем».

Сказывалось правило: чтобы словам было тесно, а мыслям — просторно.

Дмитрий Ильич занимался сбором денежных средств для партии (партийная касса была захвачена меньшевиками).

«Направьте все отчаяннейшие усилия на добычу денег — это главное», — писал Кржижановскому В. И. Ленин.

Большую материальную помощь большевикам оказывал А. М. Горький. Дмитрий Ильич не раз получал от него большие суммы. «Деньги достали от Горького, — писал он Н. К. Крупской 11 сентября 1903 года, — три тысячи. Обещал еще через месяц». Посылая деньги в заграничный большевистский центр, Дмитрий Ильич просил Надежду Константиновну сообщать ему, получены ли они: «Вам послано от Андрея 27/IX тыс. р. из Москвы на Гарсона, получены ли?..» (Андрей — одна из партийных кличек Дмитрия).

«По возвращению в Киев, — вспоминал Дмитрий Ильич, пришлось в течение нескольких месяцев работать с утра и до ночи при первом ЦК большевиков. В Киев отовсюду чуть не ежедневно приезжала публика за литературой, деньгами, паспортами, для информации и т. д. для приема и переговоров с приезжающими у меня было не менее десятка конспиративных и явочных квартир. Ясно, что провал, и скорый, был неизбежен. И в начале января 1904 года я был арестован вместе с большинством товарищей. На этот раз мне грозил суд и ссылка на поселение, но «весна» 1904 года события 1905-го определили иначе, чем думала прокуратура и жандармерия, — я просидел всего одиннадцать месяцев, а суд не состоялся».

После освобождения из заключения весной 1905 года Дмитрий Ильич уехал в Симбирск и поступил в Симбирское земство санитарным врачом, много выступал на митингах, а также занимался в кружках учащейся молодежи.

С конца 1906 года Дмитрий служил земским врачом в Московской губернии (село Липитино Серпуховского уезда). Здесь он усердно занимался врачебной практикой и одновременно был активным работником большевистских организаций — участников революции 1905—1907 годов. Серпуховской пристав докладывал московскому губернатору, что «врач Серпуховского уездного земства Дмитрий Ильич Ульянов поведения и нравственных ка-

честв хороших, но в политическом отношении неблагонадежен и крайне конспиративен...» Строгий надзор полиции не давал ему покоя. И приходится удивляться, как ему удалось осенью 1906 года встретиться с Владимиром Ильичем, который жил в то время в Финляндии, нелегально приезжая в Петербург. «Мое свидание в 1906 г. было обставлено с громадной предосторожностью», — писал он в своем ответе ИМЭЛу.

Зимой 1909/10 года Дмитрий Ильич попал в аварию (ехал к больному на санях, торопился, сани перевернулись), и в результате — перелом ноги и вывих ключицы. Получив от брата письмо, Владимир Ильич встревожился. Он сразу же пишет Марии Ильиничне: «От Мити я имел письмо. Крайне удивлен был известием о несчастии с ним. Он пишет, что поправляется, скоро начнет учиться ходить. Напиши мне, пожалуйста, как идет его выздоровление. Потерял ли он место или за ним оставили и оставят до выздоровления? Сможет ли он после выздоровления разъезжать по своему участку по-прежнему?» «...Как идет твое выздоровление?... — спрашивает Владимир Ильич брата. — Я здесь частенько думал об опасности аварий, когда на велосипеде ездил по центру Парижа, где движение дьявольское, но в деревне, зимой вывалиться так, как ты! Должно быть, лошадь совсем бешеная и езда была бешеная тоже?»

Работая в Московской губернии, Дмитрий Ильич все время пытался перебраться на Украину. Этого требовали интересы партии: по заданию Владимира Ильича Дмитрию Ульянову нужно было продолжать там революционную деятельность. Только в начале 1911 года, под видом укрепления своего здоровья, ему удалось устроиться на работу в Крыму, в Феодосии. Правда, место врача он получил не сразу: таврического губернатора пугала политическая неблагонадежность и крайняя конспиративность Ульянова.

С 12 апреля 1911 года Дмитрий Ильич работает санитарным врачом Феодосийского уезда, устанавливает

связи с местными большевиками, включается в активную подпольную революционную работу.

Примечательно, что московская жандармерия прислала в Симферополь секретное сообщение о том, что «11 мая 1909 года по делу крестьянина Селезнева у Ульянова был произведен обыск; при обыске были обнаружены 127 экземпляров издания социал-демократической партии нелегального содержания, политические книги, а также два листка корректуры, озаглавленной «Жизнь Александра Ильича Ульянова».

В Крыму Дмитрий Ильич много работал. Он выступал с докладами на заседаниях Таврического земства об улучшении быта, культуры рабочих, об улучшении жизни детей. Некоторые его доклады были опубликованы в сборниках «Врачебно-санитарной хроники Таврической губернии за 1911—1914 годы».

В 1914 году, когда началась Первая мировая война, Дмитрий Ильич сразу же был мобилизован.

В Крыму

Дмитрий Ильич был назначен старшим ординатором Второго крепостного госпиталя города Севастополя. Об этом он послал матери коротенькое письмецо: «Дорогая мамочка, я призван на войну и назначен врачом в Севастополь. На днях еду туда...»

В конце июля, покинув Феодосию, он поехал на встречу своей судьбе. Прожив несколько дней в гостинице, он наконец снял недорогую комнату у присяжного поверенного М. Н. Гавриша. Там он встретился с Александрой Федоровной, в девичестве Карпова, чтобы не расставаться всю жизнь. Любовь, которую каждый из них ждал всю жизнь: он 39 лет, она 31 год, — охватила их обоих.

У него в первом браке с Антониной Ивановной Нещеретовой не было детей. У нее в первом браке с М. Н. Гавришем тоже.

Не буду описывать все долгие драматические обстоятельства, связанные с обоими разводами. Теперь они были вместе, и это самое главное. Но ведь шла война, и это омрачало их счастье. Жизнь беспрерывно разлучала их.

Дмитрий пока ничего не писал родным. Ему трудно было поверить в свое счастье, и он боялся спугнуть его. Сказал им об этом значительно позже.

Какое-то время они жили у племянницы Александры Нины, дочери ее старшего брата Януария. Шурочка и Нина были почти ровесницами, и всю жизнь дружили. Нина называла Шуру Санечкой. Я помню это хорошо, так как Нина постоянно бывала у нас, помогала маме, обожала ее и папу необыкновенно.

Конечно, жить в чужой семье, хоть и у родственников, непросто. Нина, ее муж, Орест Иванович Фомин, двое маленьких ребятишек, но деваться было некуда.

У Дмитрия большая работа в госпитале, а главное — он один из руководителей революционного подполья Крыма, большевик, член РСДРП около 20 лет. Кроме того, он постоянно находился под негласным надзором полиции. Жизнь была очень и очень непростой. И чем дальше, тем становилась сложнее.

Родители Шурочки (моей милой мамы) жили здесь же, в Севастополе, на северной стороне. Они были совсем старенькие. Ведь Шура была их младшим ребенком, единственной дочкой, а старшие сыновья — Януарий, затем Иван, Андрей; их дети приходились мне двоюродными сестрами и братьями, но все они были гораздо старше меня.

Ближе других ко мне была Женя Карпова, дочь младшего брата мамы дяди Андрея, умная, начитанная женщина. Вместе с родителями и братом Ильей она жила в Ленинграде, часто бывала в Москве и всегда останавливалась у нас. Мама и папа очень любили ее. Женя нянчилась со мной, когда я была еще маленькая. А когда

стала школьницей, она помогала мне в литературе. Именно она открыла мне Сергея Есенина; открыла его чудные стихи, многие из которых она знала наизусть. Мне особенно понравилось: ...«Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне». В те годы под влиянием Н. И. Бухарина Есенина в школе не проходили. Женя читала мне его стихи наизусть. Жизнь у Женечки не сложилась, она осталась одинокой.

Илюшу я мало знала. Помню только несколько встреч с ним, когда он приезжал в Москву. По профессии он был инженером. Помню только, что это был красивый, очень молчаливый молодой человек.

Когда началась война, Илюша был мобилизован. Прощел почти всю войну и погиб в жестоких боях за освобождение Эстонии. Женя после войны долго и безуспешно искала его могилу, но так и не нашла.

В один из наших приездов в Таллин мы с Алешей обратились к секретарю горкома партии с просьбой помочь нам найти могилу Ильи Карпова. Женечки тогда уже не было на свете. Нужно сказать, что поиски длились долго. В начале 80-х годов нас пригласили приехать в Таллин. Мы вместе с нашими эстонскими друзьями получили разрешение поехать на остров Саарема. Это была пограничная зона, и попасть туда было непросто. Илюша погиб в 1944 году, когда шли жестокие бои за освобождение острова Саарема.

Мы были на его могиле. Сколько же там похоронено русских солдат и офицеров, освободителей Прибалтики от немцев! Огромное количество. Куда не кинешь взгляд, — всюду могильные плиты, плиты, плиты...

Много погибло эстонцев, но еще было больше русских, украинцев, белорусов, из всех республик Советского Союза. Солдаты и офицеры всех национальностей сражались бок о бок против фашистских захватчиков.

А теперь находятся люди, старающиеся посеять вражду между народами, люди, насаждающие нацио-

нализм, фашизм. Это в нашей стране, победившей страшное чудовище XX века, потерявшей за четыре года войны около 27 миллионов человек!

Вдумайтесь, пожалуйста, в эту цифру. Страшная цифра. Не забывайте ее! Это наша вечная боль, вечная память, и среди них — красивый белокурый молодой человек: мой двоюродный брат Илья Андреевич Карпов. Такова грустная правда жизни...

«Мне не помнить об этом нельзя, и не думать об этом не вправе я. Это — наша с тобою Земля, это наша с тобой биография».

Но вернусь снова к Крыму. Кажется, в конце 20-х годов мама с папой впервые привезли меня в Севастополь. Ее родителей уже не был на свете: мать умерла в 1923 году, а отец еще раньше. Я смутно помню небольшой деревянный домик, изгородь, увитую виноградом, скамейку под деревом. Крошечный, милый уголок Крыма... тогда в нем жили мамины братья с семьями.

Папа с мамой ходили утром купаться в море. Оно было рядом. Плавали они оба прекрасно. Он волжанин, она крымчанка. Плавали с детства. Папу научил плавать Владимир Ильич. Ему было 10 лет, а папе шесть.

Обычно они заплывали далеко, и я теряла их из вида. Первый раз я разревелась: папа с мамой пропали. Марья Афанасьевна, жена одного из братьев (я ее называла бабушкой), добрая, ласковая женщина, стала меня утешать, уговаривать, сказала:

— Сейчас папа и мама приплывут, вернутся обратно. Посмотри вдаль, вон они плывут.

— Где, бабушка, где? — спрашивала я. Она подвела меня ближе к морю.

— Вон вдали видишь? Они уже плывут к берегу.

И я тогда успокоилась. Это было мое первое знакомство с Крымом, первое знакомство с Черным морем. Крым показался мне удивительным, необыкновенным, не то что Москва. Мне ребенку было удивительно, что трамваи ходили по городу без окон, можно было в окна

высовываться. По улицам возили всякие вещи, ездили на осликах. Это вообще меня, девчонку, поразило, как это ослики по городу ездят, такие маленькие, симпатичные, кричащие: «Иа, на, на!». Как это возле дома растет виноград и его можно рвать и есть... и еще было удивительным — почему море Черное? Оно же — синее, ярко — синее. И я приставала к родителям с вопросом, — обычным детским вопросом «Почему?» Почему море Черное?

Это небольшое отступление, еще один штрих к портрету моих родителей. Но вернусь к продолжению рассказа о Дмитрие Ильиче.

Советская Республика Тавриды

Наступил 1917 год...

Дмитрий Ильич приказом по войскам Севастопольского гарнизона и крепости «Севастополь» № 93, 22 февраля 1917 года был награжден орденом Святой Анны 3-й степени «За отлично усердную службу и труды, понесенные по обстоятельствам военного времени».

Да, лекарю севастопольского крепостного временного госпиталя приходилось нелегко.

В мае по предложению профессора Н. Н. Бурденко, бывшего тогда главным военно-санитарным инспектором Румынского фронта, Д. И. Ульянов переезжает на работу в Одессу. Однако здесь он проработал недолго. Революционные события развивались бурно, и ему надлежало быть в Севастополе, где находился центр большевистской организации Крыма.

Сразу же после победы Великой Октябрьской революции Дмитрий Ильич приехал в Севастополь. Он ведет большую пропагандистскую работу среди рабочих Крыма и моряков Черноморского флота.

В ноябре 1917 года Д. И. Ульянов избирается членом Таврического областного комитета партии, в январе 1918 года он вошел в редколлегию большевистской газеты «Таврическая правда». «Все свои статьи, — рассказывал

Дмитрий Ильич, — подписывал или инициалами Д. И. или вовсе не подписывал». В одном из номеров «Таврической правды» была напечатана его статья «Задачи Советской власти в деле охраны народного здоровья».

В марте 1918 года в Крыму была создана Советская Республика Тавриды. Дмитрий назначается наркомом здравоохранения. Совнарком возглавил Антон Слуцкий. Однако Советская Социалистическая Республика Таврида просуществовала недолго. В конце апреля 1918 года, нарушив условия Брестского договора о мире, войска германских империалистов оккупировали Крым. Кончилась короткая мирная передышка. Началась долгая кровопролитная война за свободу.

Дмитрий с грустью думал о том, что коммунистам снова придется уходить в подполье, и опять разлука с любимой женой. Они почти не жили вместе.

В Крыму начались массовые аресты. Германские интервенты, татарские националисты, белогвардейцы обрушили на коммунистов Республики Таврида шквал репрессий. Члены Крымского правительства ожидали корабля из Севастополя, чтобы перебраться морем в Новороссийск. Однако, корабля не дождались, и 21 апреля решили на автомобилях проскочить из Ялты в Феодосию, затем в Новороссийск.

Когда Алексей Коляденко позвонил в Алушту, к телефону подошел начальник милиции — левый эсер Белов. Он заверил комиссара, что в городе Советская власть держится крепко, можно ехать спокойно, а сам тут же передал главарям татарского контрреволюционного мятежа встретить большевиков как следует. У деревни Бикламбат татарские националисты устроили засаду, и члены правительства Советской Республики Таврида были схвачены и доставлены в Алушту к Белову.

Татары избили связанных комиссаров, затем раздели и втолкнули их в каменный подвал дома. Двое суток Белов зверски издевался над комиссарами-

большевиками, а на третий день в бухту вошел миноносец с десантом красных моряков, спешивших выручить членов ВЦИКа. Татарские националисты увели мучеников в горы и зарубили их шашками. Теперь на могиле близ Алушты стоит гранитный памятник, на котором высечены их имена — это Антон Слуцкий, Ян Тарвацкий, Станислав Новосельский, Алексей Коляденко, Тимофей Багликов.

Владимир Ильич получил известие об их гибели вместе с фронтовой сводкой. Фамилии брата среди погибших не оказалось. Никто о нем ничего не мог сказать. Владимир Ильич забеспокоился, обратился в Реввоенсовет республики с просьбой сообщить что-либо о брате. Но член РВС республики С. И. Аралов ответил, что пока никаких сведений о наркоме здравоохранения нет. Запросили комиссара Черноморского флота Н. А. Авилова, и тот тоже ничего не знал. Владимир Ильич и обе сестры — Мария и Анна, очень беспокоились, где он может быть, что случилось.

Через некоторое время выяснилось, что Дмитрий Ильич был направлен в Евпаторию для создания там нелегального большевистского центра. Он был также связан с партизанским отрядом «Красные каски», находившимся в Мамайских каменоломнях, близ Евпатории. Командовал отрядом рабочий-большевик Иван Петриченко.

В начале 1919 года развернулось наступление Красной Армии на Южном фронте. В Евпатории был создан ревком, которым руководил Д. И. Ульянов. Весной войска, возглавляемые П. Е. Дыбенко, подошли к побережью Черного моря. В Крыму вспыхивали рабочие забастовки, организуемые большевиками. Это в значительной мере облегчало продвижение частей Красной Армии. 10 апреля были освобождены Симферополь и Евпатория.

В беседе с корреспондентом газеты «Прибой» Дмитрий Ильич назвал политику Антанты полити-

кой открытой вражды к Советской Республике. «Правительства этих стран, — сказал он, — уверяют свои народы, что якобы не вмешиваются в русские дела, тем не менее открывают огонь по приближающимся советским войскам».

В автобиографии Дмитрий Ильич пишет: «...В апреле 1919 года из Москвы с поручением от ЦК РКП (б) приехал в Севастополь товарищ Ю. П. Гавен, бывший в первую Советскую власть в Крыму (1917—1918 гг.) председателем Севастопольского ревкома и наркомвоенмором. С товарищем Гавеном я был знаком с 1917 года по совместной работе в севастопольской «Таврической правде».

В конце апреля, после окончательного занятия нами Крыма, из Москвы приехали товарищи К. Е. Воронин, М. К. Муранов и другие. Был поставлен вопрос об образовании Крымского правительства, возглавить которое было поручено мне. Помня руководящую роль товарища Гавена в Крымском Советском правительстве, я настойчиво возражал против моей кандидатуры, предлагая Юрия Петровича (Гавена). Однако Гавен и приехавшие москвичи, ввиду болезни Гавена, поручили мне стать зампредом Совнаркома Крыма...»

В опубликованной 7 мая Декларации об образовании Крымской Советской республики говорилось, что она — братская всем советским республикам и что, «отвергая всякий национальный гнет, являющийся только маской классового господства, Временное Рабоче-Крестьянское правительство объявляет полное и безоговорочное равенство всех национальностей Крыма». Этот пункт был особенно важен, поскольку население Крыма было многонациональным.

Как только Крым был освобожден от войск оккупантов, Советское правительство Крыма приступило к восстановлению народного хозяйства республики, налаживанию мирной жизни. Дмитрий Ильич, будучи членом обкома и фактически председателем Совнаркома,

принимал в этом самое непосредственное участие. «...Спать удавалось не больше 3—4 часов в сутки, но я совершенно ожил в этой обстановке и чувствовал себя превосходно», — писал Дмитрий Ильич.

Предстояла уборка урожая, и Дмитрий хлопотал о присылке в Крым сельскохозяйственных орудий.

Однако лето 1919 года разрушило все планы мирной жизни. Началось новое вражеское нашествие на родные земли. Антанта, белогвардейские, буржуазно-националистические войска начали разрушительный поход против молодой Советской республики. Войска генерала Деникина продвигались на юг. В конце июня Красная Армия была вынуждена оставить Крым. Дмитрий Ульянов вместе с Николаем Подвойским уехал из Крыма. Их путь лежал через Перекоп на Алешки, Херсон, Николаев, Одессу в Киев.

Вопрос о положении в Крыму был обсужден 28 июня 1919 года в Киеве на президиуме Совета рабоче-крестьянской обороны. О состоянии Крымской армии и военном имуществе Крыма докладывал Дмитрий Ульянов.

Владимир Ильич писал Надежде Константиновне, в это время находившейся в агитпоездке: «Митя поехал в Киев: Крым, кажись, снова у белых».

8 июля 1919 года Дмитрий приехал в Москву. Более десяти лет он не виделся с Владимиром Ильичем. Несколько лет не видел Анну и Марию. Позднее, вспоминая о том времени, Дмитрий писал: «Когда я приехал в Москву, то сразу поехал к Владимиру Ильичу в Кремль, прошел к нему в кабинет. Он работал. Владимир Ильич сказал, что я буду жить у него в Кремле в комнате Надежды Константиновны, которая в это время была в агитпоездке на Волге. Он сказал — это было дня за три до субботы — в субботу поедем на дачу, покажу очень хорошие места. И в субботу мы приехали в Горки». Так Дмитрий Ильич впервые приехал в Горки, в которых потом он прожил многие годы своей жизни.

Однако в Москве Дмитрий Ильич пробыл совсем недолго и опять уехал на фронт. Возвращаться в Крым было нельзя, он был занят белыми. Поэтому члены Крымского ревкома и обкома РКП (б) — Дмитрий Ульянов, Юрий Гавен и Михаил Ветошкин находились в Мелитополе и Александровске (теперь это город Запорожье) вместе со штабом 13-й армии, командармом которой был А. Геккер (позже — И. Уборевич).

Крымский обком партии организует борьбу с бандитизмом, создает продовольственный фонд в уезде. Когда началась эпидемия сыпного тифа, Дмитрий Ильич организует борьбу с эпидемией, налаживает санитарное дело. Крымский ревком устанавливает связь с большевиками, подпольщиками Крыма, посылает туда людей для помощи.

31 января 1920 года Владимир Ильич подписал постановление Совета обороны. В нем говорилось: «Членам Крымского ревкома товарищам Гавену, Ветошкину, Ульянову предоставляется право переговоров по прямому проводу. Председатель Совета обороны Владимир Ульянов (Ленин)».

В первую очередь нужно было эвакуировать госпиталь. В госпитале работала молодой врач Фаина Захарова — жена Степана Степановича Захарова, работавшего вместе с Дмитрием Ильичем в Крыму во время Гражданской войны. Фаина Захарова была одновременно и казначеем Крымского ревкома. В Мелитопольском банке была большая стальная комната, как она рассказывала, сейф, и в нем хранились фонды для снабжения подпольщиков в Крыму, фонды Крымского обкома.

Фаина связалась с военным комиссаром Андреем Митрофановичем Могильным, впоследствии большим другом Дмитрия Ильича, договорились о тачанках, вагонах, об охране и стала перевозить раненых. Когда госпиталь был погружен в поезд, Фаина побежала в банк и вместе с несколькими сотрудниками стала грузить мешки с деньгами на тачанки.

В это время начался ливень, сильная гроза. Пока деньги везли к поезду, Фаина вымокла до нитки, а из мешков с бумажными деньгами лилась серая краска. В ревкоме уже никого не было, все уехали. Эшелоны с войсками и с госпиталем ушли. Фаина одиноко стояла на вокзале, не зная, куда ей деться. Она промокла до нитки. Черные волосы свисали с головы совершенно мокрые, ремешки на сандалиях вымокли и разлезлись. Она осталась босиком.

Эшелон с ранеными ушел. Деньги были благополучно погружены в поезд, но Фаина решила вернуться в город, чтобы присоединиться к своим, но в ревкоме уже никого не было, и она побежала опять на вокзал, эшелоны ушли, стоял только бронепоезд из пяти вагонов. Фаина стояла, прижавшись спиной к дереву, и ждала, что, может быть, кто-нибудь придет из наших. Внезапно послышался топот копыт. Это верхом на коне приискал Дмитрий Ильич Ульянов. Она окликнула его. Он увидел совершенно мокрую женщину, обрадовался встрече и стал расспрашивать ее.

Оказывается, он узнал об отступлении красных в деревне, где был у больных крестьян и помчался на вокзал. Дмитрий повел Фаину к бронепоезду, стоявшему на путях и представил ее командиру: «Это наша врач». Командир с недоумением смотрел на промокшую, босую девушку. Ничего себе врач, наверное, подумал он, с растрепанными мокрыми волосами. Фаина была больше похожа не на врача, а на беспризорную.

Узнав от нее подробности спасения госпиталя и всех ценностей, Дмитрий Ильич крепко пожал ее руку. «Ты молодчина», — сказал он.

Дмитрий Ильич позаботился, чтобы Фаине выдали обмундирование.

Ночью наши войска отступили, а на другой день Дмитрий Ильич и все остальные члены ревкома, обкома, госпиталя, а также и ценности были в Александровске. Ценности эвакуировали в Харьков и там сдали в банк.

Раненых же пришлось сопровождать до Москвы.

...После освобождения Крыма деятельность Дмитрия Ильича стала необычайно разнообразной. Кроме его основной работы в качестве главноуполномоченного Наркомздрава, ему приходилось заниматься многими вопросами Крыма.

Работавший в те годы в Крыму чекист Ф. Т. Фомин рассказывал о том, как Дмитрий Ильич содействовал в организации помощи беспризорным детям.

«Изо дня в день он занимался делами, связанными с трудоустройством, воспитанием, образованием, отдыхом, лечением бывших беспризорников. Специально для них в Ялте был отведен один из лучших санаториев. В Севастополе, Симферополе и других городах для беспризорных детей были выделены особые курортно-лечебные помещения. Устраивались трудколонии, детские сады. За короткое время около 500 беспризорников были обеспечены всем необходимым для нормальной жизни и учебы».

Весной 1921 года Дмитрий Ильич, вместе с выделенными ему в помощь для курортной работы молодыми коммунистами, отправился в Крым. Среди них была в последствии известная советская писательница Г. Серебрякова. Хорошо знавшая семью Ульяновых, она в своих воспоминаниях дала яркий образ Д. И. Ульянова: «Дмитрий Ильич внушал большое уважение. Он как бы заставлял людей подтянуться. Это гипнотическое свойство присуще лишь натурам прямым, честным и значительным. Он стал не только нашим руководителем, но и учителем. Он был душой всего дела. Дмитрий Ильич часто приезжал на Южный берег, проводил там конференции, проверял, как готовятся санатории к приему первых больных. Уверенный наездник, не зная усталости, Дмитрий Ильич верхом объезжал районы, не тревожась тем, что белобандитская пуля могла настигнуть его за любым горным поворотом» «Все мы знали его суровый путь в революции, отвагу, стойкость и самоотверженность. Вскоре мы

смогли еще раз убедиться в этом. Ночью за станцией Лозовой на наш эшелон напали белобандиты. Началась перестрелка. Дмитрию Ильичу пришлось руководить внезапно разыгравшимся боем, вселять в нас уверенность в конечную удачу и необходимое спокойствие. Он оказался отличным командиром. Хладнокровие и бодрость не покидали его. Он оживился, шутил тем остроумнее, чем положение становилось труднее. К счастью, мы благополучно прорвались сквозь огонь, отогнали нападающих».

И еще: «Дмитрий Ильич обладал присущим всей семье Ульяновых обаянием. Высокий, худощавый, со строгим лицом и мелодичным голосом, он умел слушать собеседника, подбодряя его доброжелательным, умным взглядом и вниманием. Сам он был не говорлив, но тверд и в трудные минуты для дела суров. В эту пору в его жизни произошли счастливые перемены, он отыскал в Крыму любимую жену (А. Ф. Ульянову — О. У.), от которой долго не имел вестей. Опытный врач и хороший организатор, он старался, собирая нас, прежде чем отправить на места, объяснить, сколь важны и ответственны наши обязанности, и подучить нас хоть немного для предстоящей работы».

Дмитрий Ульянов фактически был создателем Крымской здравницы. Не раз задумывался отец над тем, как превратить цветущий уголок Крыма в здравницу для трудового народа. Еще в 1911 году он писал: «...Крым, чтобы он стал действительно тем, что о нем воображают северяне, должен быть залит водой. Воду эту необходимо достать из моря путем опреснителей, хоть из облаков, путем искусственной конденсации, во что бы то ни стало. И начать в широких размерах лесонасаждение, тогда это будет Крым, а не Сахара».

В сентябре 1920 года, когда войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе начали наступление на белогвардейские полчища Врангеля, Советское правительство назначило Дмитрия Ильича главным уполномоченным Наркомздрава по курор-

там Крыма. Уже тогда началась подготовка к тому, чтобы превратить Крым в «настоящую пролетарскую здравницу для всей Советской России...». В ноябре того же года полуостров был полностью освобожден. А уже 21 декабря В. И. Ленин подписал декрет об его использовании для лечения трудящихся. Нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко в своих воспоминаниях рассказывал о том, что В. И. Ленин просил его составить декрет так, «чтоб каждая фраза пела», чтобы он носил политический характер. В декрете, в частности, говорилось:

«...Санатории и курорты Крыма, бывшие раньше привилегией крупной буржуазии, прекрасные дачи и особняки, которыми пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян». В разделе, где указывалось, что курорты Крыма предназначены для лечения трудящихся нашей страны, Владимир Ильич своей рукой внес важное дополнение: «также для рабочих других стран, направляемых Международным советом профсоюзов». Этот декрет положил начало созданию всесоюзной здравницы в Крыму. Всего пять недель прошло со дня его освобождения, а Советское правительство уже приступило в широком масштабе к организации курортов!

Как член Крымского обкома партии и член ревкома, Дмитрий Ильич постоянно осматривал курортные места, иногда попадая под огонь недобитых белогвардейских банд, выступал на заседаниях революционного комитета Крыма и обкома партии по вопросам создания здравницы. Он организовывал снабжения курортов медикаментами, медицинским оборудованием, продуктами и многим другим. В Ливадии в бывшей царской летней резиденции в 1925 году открылся первый в Советской республике и в мире крестьянский санаторий.

Будучи в Москве, отец часто общался с Владимиром Ильичем, обсуждал проблемы Крыма, обращался и с вопросами деятельности Ленина во время его жизни за рубежом.

Несколько лет назад в архиве отца я обнаружила адресованное ему письмо. Автор сообщал, что слышал об аресте Ленина в 1914 году, и спрашивал как в действительности было дело. Позднее мне удалось отыскать небольшой ответ Дмитрия Ильича, записанный со слов Владимира Ильича.

Когда началась Империалистическая война, Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в Порогине — польском городе, находящемся в Галиции, которая в то время входила в Австро-Венгрию (до Первой мировой войны в Европе существовало государство Австро-Венгрия, в которое входили Австрия, Венгрия, Чехословакия, северная часть Югославии и Румынии и южная часть Польши). В начале августа 1914 года Владимир Ильич был арестован по ложному доносу и заключен в тюрьму в городе Новы Тарг.

За Владимира Ильича взялся хлопотать Виктор Адлер — известный австрийский социал-демократ, депутат парламента. Он поехал к министру иностранных дел с просьбой освободить Ленина из тюрьмы и выдать ему визу на выезд в нейтральную Швейцарию.

Министр вначале отказал в просьбе, сказав при этом, что Владимир Ильич Ульянов как русский поданный будет помогать России в войне против Австрии.

— Ленин не может действовать против Австрии, так как он самый серьезный враг царизма, — возразил Виктор Адлер.

— Вы уверены в этом? — спросил министр.

— Да, могу Вас заверить, что Ленин гораздо более серьезный враг русского царизма, чем Вы, господин министр!

После этого Владимир Ильич был освобожден из тюрьмы и получил визу на выезд в Швейцарию.

После смерти В. И. Ленина Дмитрий Ильич начал работать над воспоминаниями. В разное время им были написаны: «Как работал Ленин в молодые годы», «Возвращение из ссылки», «Последние дни Ильича», «Любовь к музыке», «Шахматы» и др.

В последующие годы Дмитрий Ильич был тесно связан с Институтом марксизма-ленинизма, принимал активное участие в организации музеев в Ленинграде, Ульяновске, Казани, Куйбышеве в других городах, где жил, учился и работал Владимир Ильич.

Д. И. Ульянов избирался делегатом XVI и XVII съездов партии, VII съезда Советов, ряда партийных конференций.

Сохранилось много записей Дмитрия Ильича, связанных с его медицинской и партийной деятельностью. Представляет интерес его оценка руководителя учреждения, предприятия. Дмитрий Ильич считал, что для того, чтобы быть руководителем, нужно:

1) Четкое, ясное понимание характера производства, правильная оценка основных задач, основных целей.

2) Внимательный, вдумчивый подход к людям (если видишь, что работник плохо разбирается в своих задачах, растолкуй ему по-товарищески, объясни спокойно).

3) Посоветуйся с товарищами, если сам неясно понимаешь что-нибудь, обсуди вопрос... и тогда уже решай».

С годами здоровье Дмитрия Ильича ухудшалось. По решению правительства он был направлен на лечение за границу. Но хотя здоровье Дмитрия Ильича ухудшалось, он по-прежнему оставался жизнерадостным и бодрым. Обаятельный человек, с большим чувством юмора, интересный и эрудированный собеседник, отец всегда был в кругу друзей. Он встречался с руководителями партии и правительства, с видными деятелями международного коммунистического движения — Георгием Димитровым и Василем Коларовым, с которыми у него были теплые дружес-

кие отношения. Хорошо запомнился мне Г. М. Димитров, который в конце 30 — начале 40-х годов особенно часто бывал у отца. Они подолгу беседовали, прогуливаясь по парку в Горках. Георгий Михайлович (как мне рассказывал сотрудник его — Г. Кухиев) подарил однажды отцу шахматный столик. Помню, что нередко они играли в шахматы.

Мне хотелось бы закончить свой рассказ об отце короткой оценкой его деятельности одним из соратников по работе в Крыму — старого большевика С. С. Мануйлова: «Дмитрий Ильич всегда был в гуще рабочих красноармейцев, крестьян... он умел самые сложные вопросы политики преподносить ясно, просто и доходчиво. Его любили как человека, у которого никогда не расходилось слово с делами».

Глава VII

СЕСТРЫ



Мария Ильинична Ульянова



Анна Ильинична Ульянова



Ольга Ульянова

В
оставил

Милая ми

В то памя
рано: меня р
говаривала, с
разило, что
слова, как б

«Когда ж

Голос за
ла спросоно

Я тихо п
диван, обня

Я тоже з

плакали. М

говаривала

около пяти

Это был

Отец со

ми Марии

храню эти

о нем, мое

Скольк

смерти тет

графий —

на Красну

Отец б

по возраст

интересам

Удивител

у них в с

лочной о

ная друж

В этой главе я расскажу о трех сестрах Владимира Ильича — Марии, Анне и Ольге, которые близки по духу Владимиру Ильичу, и каждая из них оставила свой след в его жизни.

Милая мимоза

В то памятное утро я неожиданно проснулась очень рано: меня разбудили тихие голоса: мама с кем-то разговаривала, стоя в халатике у открытого окна. Меня поразило, что она плакала, всхлипывала. Запомнились ее слова, как будто слышу их сейчас:

«Когда же это случилось?»

Голос за окном что-то ответил, но я не расслышала спросонок и не знаю, кто с ней говорил.

Я тихо позвала ее. Она подошла ко мне, села на мой диван, обняла меня: «Лялочка, тетя Маня умерла».

Я тоже заплакала. Мы долго с ней говорили, снова плакали. Мама гладила меня по голове, целовала, приговаривала тихо: «Спи Лялочка, спи. Еще рано» (было около пяти часов утра). И я уснула в слезах.

Это было 12 июня 1937 года.

Отец собрал газеты с некрологами и фотографиями Марии Ильиничны Ульяновой. После его смерти я храню эти газеты, с сообщениями о смерти тети Нади, о нем, моем дорогом отце, и другие.

Сколько лет всем этим историческим газетам? О смерти тети Мани — больше 60-ти. На одной из фотографий — она и тетя Надя, веселые, улыбающиеся, идут на Красную площадь на парад 1 мая 1936 года.

Отец был всегда особенно дружен с Маняшей, — и по возрасту они были ближе друг к другу, и по своим интересам. Хотя все Ульяновы были близки между собой. Удивительная была семья. Редкая. Отец рассказывал, что у них в семье никогда не было раздоров, не было мелочной опеки старших над младшими. Была удивительная дружба, крепкая. Не было проблемы отцов и детей.

Были добрые ласковые отношения и между детьми, и между родителями и детьми. Никогда они не называли друг друга уменьшительными именами, например, Манька, Митька, и т. п.

Общность интересов, взглядов, стремлений сделала их отношения прочными. Семья Ульяновых представляется мне монолитом; такую семью ни разрушить, ни расколоть невозможно. Среди своих друзей и знакомых я, пожалуй, не смогу найти подобные монолиты.

Еще в годы Советской власти могла бы назвать одну — две семьи, а сейчас — нет. Не вижу такой предупредительности, мягкости; в людях стало много жесткости, зла, зависти. Зависть существовала и существует всегда, об этом писал еще великий Сервантес. Но в такой гипертрофированной степени, как сейчас, у нас ее не было никогда. А ведь зависть порождает все самые страшные пороки, какие только существуют в человеческом обществе. Зачастую в семьях не видишь общности взглядов и интересов. Конечно, в огромной степени на отношения людей влияют трудности жизни в общем, глобальном масштабе. В Советском Союзе мы этого не видели. Уверенность в завтрашнем дне делала людей спокойными.

Еще в детстве Маняша узнала, что такое «всевидящий глаз» и «всеслышащие уши» царской полиции: ей было всего 9 лет, а брату Мите — 13, когда жандармерия стала интересоваться ими — детьми! Ведь они были братом и сестрой казненного по царскому указу Александра Ильича Ульянова!

Сначала Маняша училась в Симбирской, затем в Казанской и, наконец, в Московской гимназии. В 1895 году, после окончания гимназии, Маняша подала прошение на физико-химическое отделение математического факультета Высших (Бестужевских) женских курсов в Петербурге.

«Ты пишешь о Бестужевских курсах, что тебе очень хочется туда поступить, — ответил ей Дмитрий, — я

думаю, что тебе виднее самой, что же касается московских курсов, то, конечно, это совсем не то».

Но на Бестужевские курсы Марию Ильиничну не приняли. И осенью 1896 года она поступает на двухгодичные курсы в Москве, на физико-химическое отделение. Учится на курсах и уже с восемнадцати лет примыкает к революционному движению.

«Во время ареста Владимира Ильича в 1895 — 1897 г. г. мне еще ближе пришлось столкнуться с революционными социал-демократами, познакомиться и с революционной нелегальной литературой», — писала позже Мария Ильинична в автобиографии. Вместе со старшей сестрой Анной она ходила в тюрьму на свидание к брату, помогала доставать для него литературу.

С 1898 года она — член РСДРП и с этих пор неустанно ведет самоотверженную борьбу за дело рабочего класса.

Владимир Ильич всегда с большой заботой относился к младшей сестре Маняше. Еще в годы ее учебы Владимир Ильич, заметив, что сестра перегружает себя занятиями, сказал ей об этом. Маняша ответила: «Уж если делать, то делать хорошо». Эти слова стали лейтмотивом ее жизни, яркой жизни человека, не жалеющего своих сил, здоровья во имя революции.

После окончания курсов Мария Ильинична получила диплом домашней учительницы. Однако, она чувствует, что знаний ей недостаточно, что нужно еще учиться. Посоветовавшись с родными и друзьями, она решает продолжить учебу в Брюсселе, в университете. В. И. Ленин поддержал ее: «План Маняши ехать в Брюссель, мне кажется очень хорошим. Вероятно, учиться там можно лучше, чем в Швейцарии. С французским языком она, вероятно, скоро справится. В климатическом отношении, говорят, там хорошо».

Марию Ильиничну приняли на химико-физический факультет Нового брюссельского университета. Учится она с большим интересом. Правда, первое время ей трудно понимать лекции.

«Очень рада, что тебе нравится там! Я вполне надеюсь, что чем дальше, тем более ты будешь привыкать и понимать лекции — упражняйся и говори больше, ведь только начало трудно», — советует Мария Александровна. Все родные стремятся помочь Маняше в ее учебе, поддержать ее.

Дмитрий Ильич спрашивает: «Теперь ты, наверное, перешла уже к качественному анализу или нет? Начала ли заниматься с микроскопом? Пиши мне, как и чем теперь занимаешься практически, что читаешь и какие лекции слушаешь; много ли понимаешь?»

Если тебе нужно будет какую-нибудь русскую книгу по естественным наукам — пиши, я куплю и вышлю».

Вскоре Маняша получила от Дмитрия книгу «Новая химия» американского химика Д. П. Кука (М., Сытин, 1897).

От Владимира Ильича из Шушенского пришло письмо:

«Получили мы, Маняша, твое письмо и были ему очень рады. Взялись сейчас за карты и начали разглядывать, где это — черт побери — находится Брюссель. Определили и стали размышлять: рукой подать и до Лондона, и до Парижа, и до Германии, в самом, почитай, центре Европы... Насчет газет и книжек, пожалуйста, добывай, что можно. Каталоги присылай всяческие и букинистов и книжных магазинов на всех языках. Хотел было даже сегодня дать тебе одно поручение, да решил уже отложить пока до следующего раза. Напомню, что писал тебе или Анне прошлый год, именно, что из газет бывают часто особенно интересные официальные органы, содержащие стенографические отчеты о прениях парламентов. Если ты разузнаешь, где продают эти газеты (есть ли в Брюсселе только бельгийские или и французские и английские?), и будешь присылать интересные номера (ты ведь следишь за газетами, надеюсь?), то это будет очень хорошо. Советую тебе не ограничиваться бельгийскими газетами, а выписать еще какую-нибудь немецкую: и языка не забу-

дешь, и материал для чтения получишь прекрасный; а цены на газеты не высокие. Поедешь ли на Рождество домой? Твой В. У.»

Конечно, материально Марии жить за границей трудно, но родные стараются ей помочь. «Я жалею, что не знала о расходе на книги Володе, а также о дополнительной плате за практические занятия по химии и прочим предметам, а то послала бы заодно уже больше, — пишет ей мать из Подольска. — Придется сделать это в январе, после того как ты напишешь, сколько именно следует за практические занятия».

Маняша успешно окончила 1-й курс и сдала экзамены. В апреле 1899 года она стала собираться на каникулы домой в Россию. Перед отъездом пришло письмо от Дмитрия; он уже считал дни, когда она вернется: «Сегодня (4 апреля 1899 г. — О. У.) ровно полгода, как ты уехала, так что срок твоего паспорта истекает.

Ты теперь, наверное, стала ученой — химичка, физичка! Прямо беда, всех за пояс заткнешь».

После возвращения Мария Ильинична сразу же включилась в революционную работу в Московской организации РСДРП, — она ведет пропаганду в рабочих кружках, встречается с товарищами, старается соблюдать конспирацию.

Охранка засылает в Московскую партийную организацию женщину-провокатора; в результате ее доносов в сентябре 1899 года начались обыски и аресты членов Московского комитета РСДРП. Была арестована и Мария. Это был ее первый арест. Через две недели ее выпускают под надзор полиции в Нижний Новгород. В Москву она вернулась в конце 1899 года.

Маняша снова устанавливает связи с товарищами из Московской организации РСДРП. Дмитрий и она переписывают для В. И. Ленина программу партии; пишут ее специальными чернилами между строк одного из номеров журнала «Научное обозрение»: Владимир Ильич уезжал за границу, а программу партии нельзя было

вести легально. Кроме этого, Мария выполняет задание брата — достает ему нелегальную литературу, связывает его с марксистами, отправляет его письма.

Дмитрий всегда заботился о младшей сестре, беспокоился о ее здоровье. В одном из писем он дает Мане медицинские советы: «Ты говоришь, что у тебя плохо идут занятия дома по вечерам: ты устаешь, по всей вероятности, за статистикой, да и не мудрено устать, я знаю по себе. Вообще, механическая работа, требующая постоянно напряженного внимания, утомляет очень сильно. Нужно давать нервной системе вполне достаточный отдых: она не может вечно работать — это не машина. Я на днях тут все гнал одного товарища гулять — сидит человек с утра до вечера безвыходно дома и зубрит к экзамену, бледный стал страшно, прямо беда. Я здесь завел привычку по вечерам ходить гулять ежедневно на часок или, по меньшей мере, минут 40, ходишь бесцельно, не особенно спешишь, и прекрасно отдыхаю. Конечно, и прогулки могут утомлять, нужно в меру; сколько — нельзя сказать, это субъективно, кому как. Тебе, собственно, непременно нужна физическая работа, чтобы заставлять работать сердце, но не в коем случае не переутомлять его; в этом смысле, может быть, полезно, ходить по комнате из угла в угол при подходящей, конечно, работе — походишь минут 10—15, опять посидишь, потом снова ходить».

В феврале 1901 года к брату в город Юрьев приезжала Мария Ильинична. Приезд ее был тайным. И хотя оба они находились под негласным надзором полиции, ее пребывание в маленьком университетском городе осталось незамеченным. Сколько дней пробыла она в Юрьеве? Где останавливалась? Как удалось ей укрыться от «всевидящего глаза» охранки — неизвестно. Это говорит об удивительных конспиративных способностях Дмитрия. Помню, когда я рассказала об этом известному историку из ИМЛа, он был поражен: в ИМЛе никто об этом не знал...

В ночь на 1 марта 1901 года Маняша была арестована по делу Московского комитета РСДРП и заключена в одиночную камеру Таганской тюрьмы. Вместе с нею был арестован муж Анны Ильиничны — М. Т. Елизаров. Мария Александровна осталась одна. В. И. Ленин беспокоится о ней, посылает часто письма. Он старается ободрить и Маняшу: ведь ей всего 23 года и она впервые попала в такие тяжелые условия.

«Как ты поживаешь? — пишет он ей из Мюнхена. — Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего «режим» установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом обратные, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

Из одного твоего письма, пересланного сюда мамой, я увидел, что тебе удалось уже наладить некоторые занятия. Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, если нет особо неблагоприятных условий) будет проходить еще незаметнее. Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения — довольно-таки изменчивого в тюрьме — зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами. После

обеда, вечером, для отдыха я, помню, regelmässig брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме. А главное — не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по несколько десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно. Ну, прощай пока. Крепко целую тебя и желаю бодрости и здоровья.

Твой Влад. Ульянов».

После семимесячного заключения Мария была выслана на два года в Самару. Вместе с ней поехала мать; а через некоторое время, окончив Юрьевский университет, к ним присоединился Дмитрий.

В январе 1902 года в Самаре состоялось совещание искровцев, на котором был избран Центральный комитет Русской организации «Искры». Его возглавил Г. М. Кржижановский, секретарями стали М. И. Ульянова и З. П. Кржижановская. Д. И. Ульянов стал членом Центрального комитета, всего в комитет вошло 16 человек. Задачей комитета было налаживание связей с социал-демократическими комитетами разных городов России, объединение их и подготовка к съезду партии. Центральный комитет и составил Бюро Русской организации «Искры».

В. И. Ленин, узнав о совещании, шлет им радостное письмо: «Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! Шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит, и продолжение будет успешно!»

Агенты «Искры», имевшие за своими плечами опыт нелегальной работы, были посланы в крупнейшие города страны. Мария Ильинична остается в Самаре, здесь у нее большая работа, партийная переписка с В. И. Лениным.

Русское бюро ЦК после II съезда РСДРП (1903 г.), по предложению В. И. Ленина, расположилось в Киеве.

Этот город был важным центром революционной борьбы пролетариата. Сюда переехали все Ульяновы:

сначала Дмитрий Ильич, затем Мария Ильинична и Анна Ильинична вместе с матерью. Пребывание Ульяновых в Киеве, вблизи западной границы России, помогало Владимиру Ильичу, находившемуся в эмиграции в Швейцарии, налаживать связи с русскими социал-демократами. С приездом Ульяновых в Киев деятельность местного большевистского подполья активизировалась. Сестры и брат В. И. Ленина — опытные революционеры-профессионалы — стали активными сотрудниками Русского бюро ЦК РСДРП. Мария исполняла обязанности технического секретаря, вела обширную переписку с Заграничным центром большевиков: она расшифровывала полученную корреспонденцию и шифровала письма, идущие к В. И. Ленину. Местные комитеты поддерживали связь с Заграничным центром, непосредственно с В. И. Лениным через Марию Ильиничну.

Царская охранка вела постоянную слежку за киевскими большевиками. Приезд в Киев семьи известных революционеров насторожил полицию. Все передвижения Ульяновых по Киеву отмечались в специальных журналах. У дома, где жила Мария, постоянно дежурил агент охранки. Ни один шаг, ни одну встречу полиция не оставляла без внимания.

В конце декабря 1903 года Ульяновы готовились к встрече Нового года. Мария Ильинична послала В. И. Ленину в Женеву поздравление:

«Киев. 25/XII 1903 г.

Дорогой Володя! Все наши и я шлем тебе поздравления с праздниками и Новым годом и пожелания всего хорошего. Маняша».

Но когда Владимир Ильич получил поздравление, обе его сестры и брат уже были арестованы. Киевская полиция в ночь с 1 на 2 января 1904 года начала массовые аресты и обыски. Всего было схвачено 167 человек. Мария Ильинична и Анна Ильинична были заключены в Лукьяновскую тюрьму, Дмитрий Ильич — в киевскую крепость «Косой капонир».

В крепости в годы Советской власти был создан музей. Я была в этом музее; крепость произвела на меня жуткое впечатление: мы вошли в нее, и шаги наши гулко зазвучали по металлическому полу. Казалось, что идут не пять человек, а по крайней мере пятьдесят. Думаю, что и кошка не смогла бы пройти бесшумно по этому полу. Директор музея показал нам одиночную камеру, в которой был заключен мой отец. Я расплакалась, — как он мог находиться здесь, в железной коробке! Холод, тьма, крошечное окошко с решеткой. К счастью, отец находился в «Косом капонире» всего месяц, потом его перевели в Лукьяновскую тюрьму. Думаю, если бы он пробыл там дольше, то не смог бы выжить...

В конце 1904 года Мария уехала в Женеву, к брату. Она помогает ему в подготовке III съезда партии и все время работает, работает, не оставляя себе ни минуты для отдыха.

Летом 1905 года Мария Ильинична снова в России, здесь ее ждала радость встречи с родными. Она так соскучилась по матери, брату, сестре. С Дмитрием ее связывала дружба, начавшаяся еще в ранние детские годы. Эта дружба продолжалась всю ее жизнь. Забота друг о друге, общность взглядов и интересов сквозит в письмах Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича. Часто Дмитрий и Мария обсуждают новые книги по политэкономии, философии. Такие письма очень интересны, они раскрывают внутренний мир брата и сестры, показывают, сколь глубоко разбираются оба в философских вопросах.

Мария Ильинична ведет активную нелегальную партийную работу: она секретарь петербургского комитета, секретарь комитета на Васильевском острове. Несколько раз она тайно приезжает к Владимиру Ильичу в Финляндию в Куоккала, где он вынужден был скрываться от царских властей после подавления Декабрьского вооруженного восстания.

«Маняша погостила у нас и теперь еще здесь, — писал В. И. Ленин матери в октябре 1907 года, — но соби-

рается сегодня уезжать по случаю наступления зимы: сегодня первый снег выпал, погода повернула на холод Маняша, кажется, здесь себя недурно чувствовала, работала много, переводила».

В 1908 года Мария тяжело заболела. Владимир Ильич беспокоится о ней. Приглашает после выздоровления приехать к нему в Швейцарию, чтобы немного подлечиться. Поправившись, она в том же году едет вновь в Женеву, а затем — вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой — в Париж.

Зиму 1908—1909 годов Маняша живет в Париже, где учится в Сорбонне; сдала несколько экзаменов, в частности по истории социализма во Франции, по французскому языку, получила диплом учительницы французского языка. «...Заниматься приходилось много, — писала она Анне, — но когда получила диплом, чувство было очень приятное, что чего-нибудь добилась. С ним, вероятно, удастся получить место учительницы, только вот практика у меня для этого хромает, но я надеюсь подогнать ее за лето». Кроме французского, Мария Ильинична знала немецкий и английский языки.

Неожиданно в июне 1909 года у Марии произошел приступ аппендицита. Владимир Ильич взволнованно спрашивает у Дмитрия Ильича совета: «Дорогой Митя! Маняша уже писала тебе о своей болезни. Хочу посоветоваться и я. Доктора нашли у нее воспаление отростка слепой кишки (аппендицит, — кажись, так?). Спросил очень хорошего здешнего хирурга. Подтвердил: аппендицит. Советует операцию. Говорят все, что безопасно и излечивает радикально.

Этот хирург (Dr. Dubouchez) всеми восхваляется. Недавно сделал операцию (ту же) жене приятеля — превосходно; чайная ложка крови; через восемь дней вставать начала. Лечебница хорошая.

Припадок сейчас не сильный. Повышения температуры нет. Боли не очень сильные. Прошу тебя немедленно мне

ответить: я склоняюсь к операции, но без твоего совета боюсь решить. Отвечай немедленно.

Что операцию сделают здесь хорошо, это несомненно. Ехать куда-либо до операции доктор не советует.

Маме не пишу, ибо боюсь испугать зря. Опасности никакой, — Маняша даже не лежит все время. — Анюте тоже не пишу, ибо мама может прочесть.

Напиши, пожалуйста, Марку и — через него (если можно так, чтобы не пугать маму) — Анюте. Но лучше, пожалуй, в Крым не писать вовсе, ибо они перепугаются.

Итак, жду ответа: советую ускорить операцию здесь. Советуешь ли и ты?

Жму руку. Твой В. Ульянов.»

Адрес: Mr. Wl. Oulianoff. 24. Rue Beaunier. 24. Франция. Paris (XIV).

Дмитрий Ильич сразу же пишет ему, рекомендует сделать операцию. Мария тоже не хочет волновать мать и сестру — она просит Марка Тимофеевича Елизарова: «Ни маме, ни Ане, вообще никому, пока на то не будет моего разрешения, чтобы не разошлось, ты пока ни слова не говори о моей болезни». Операция прошла благополучно, и Мария Ильинична вскоре выздоровела.

На чужбине Мария очень тоскует по родине: «...Теперь можно и за работу, только бы добраться до России, очень уж мне заграница очертенела. Больше всего с Володей жаль расставаться. Всегда я его любила, но теперь как-то особенно сжились. Возился он со мной невероятно за время болезни — я даже себе представить никогда не могла, что он способен на это, да и теперь еще возится. **Больно славный братик**».

Вернувшись в Россию, Мария Ильинична сразу включается в революционную работу; как и прежде, помогает Владимиру Ильичу в его литературных трудах.

На родине снова — гласный надзор полиции, и снова за каждым ее шагом следят шпики. Мария пытается найти работу, ведь материальная жизнь очень трудна —

только пенсия матери. Наконец ей удалось найти место домашней учительницы по французскому языку, и в конце апреля 1910 года она уехала в Финляндию, в небольшое местечко около города Терноки (там же она работала и летом следующего года).

Начиная с 1911 года, с помощью Анны Ильиничны, ее мужа М. Т. Елизарова и других большевиков, оставшихся после разгрома Саратовской партийной организации, Мария Ильинична создает заново большевистскую группу в Саратове.

Однако в мае 1912 года полиция произвела в Саратове массовые аресты. Были арестованы сестры Ульяновы — Марию Ильиничну опять заключили в одиночную камеру, грязную и душную. Но она старалась не падать духом, хотя физически чувствовала себя слабой и больной, а ведь было ей всего 34 года...

Позже выяснилось, что в организацию РСДРП был заслан провокатор, который выдал всех большевиков полиции.

После Октябрьской революции этот предатель долго скрывался, сменил фамилию; в 20-х годах устроился на работу в бухгалтерию какого-то учреждения. Однако в начале 30-х он был разоблачен и понес заслуженную кару.

Местная жандармерия доносила начальству: «Центральной фигурой саратовской группы являлась Мария Ильинична Ульянова, сестра известного Владимира Ульянова ее сестра Анна Ильинична Елизарова, муж последней Марк Тимофеевич Елизаров являвшийся ближайшим помощником Марии Ульяновой в стремлении последней воссоздать в Саратове прочную нелегальную организацию РСДРП».

После освобождения из тюрьмы Мария Ильинична была сослана в Вологодскую губернию на три года. Здесь, в ссылке, она встретила Станислава Крыжановского, который занял в ее жизни особое место. Они стали большими друзьями. Ей было строго запрещено общаться с политическими ссыльными, даже угрожали высылкой в

отдаленный район. Но ничто не могло сломить бесстрашную Маняшу: через некоторое время она устанавливает связь вологодских революционеров с В. И. Лениным, с петербургскими и московскими большевиками.

Вернувшись осенью 1914 года в Москву, Мария вновь в гуще революционной работы, распространяет отпечатанные ею на машинке статьи Владимира Ильича, ведет постоянную переписку с ним. В одном из донесений московской охраны отмечалось, что «сестра известного Ленина» при встречах с социал-демократами знакомила их с ленинскими тезисами «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне».

Во время Первой мировой войны, в январе 1915 года, Маняша поступила на курсы сестер милосердия при Морозовском институте в Москве, чтобы после их окончания поехать на фронт для революционной работы. В свидетельстве, полученном ею, говорилось, что она «успешно выдержала теоретические испытания и исполнила все практические занятия по программе Красного Креста».

Во Львове Мария Ильинична подала заявление уполномоченному Всероссийского земского союза: «Имею честь просить зачислить меня сестрой милосердия на Юго-западный фронт. При сем прилагаю свидетельство об окончании курсов для сестер милосердия при Морозовском институте в Москве». Она была включена в состав врачебно-питательного отряда Общества русских врачей имени Н. И. Пирогова. Находилась на фронте в районе городов Львов, Тисменицы, Сокаль, Тернополь и др.

Мария встретила на фронте со Станиславом. Позже видела его несколько раз. После Октябрьской революции, — не знаю, что случилось, не слышала ни от кого из родных, — они расстались... Мария так и не вышла замуж. Мне очень грустно об этом писать. Очень больно за нее, что так и не сложилась ее жизнь с любимым человеком.

После Февральской революции В. И. Ленин сразу же поставил вопрос о восстановлении в России органа большевиков газеты «Правда».

«Два года существовала старая «Правда», поддерживаемая рабочими грошами. Ее гнали, запрещали, отбирали в типографии, арестовывали и ссылали ее редакторов и сотрудников, но она снова и снова возрождалась под другими заголовками и все с той же волей и решимостью к победе, — писала Мария Ильинична. — И только черный вихрь реакции, налетевший вместе с началом империалистической войны, смел, убил, заставил умолкнуть громкий бесстрашный голос любимицы рабочих масс — «Правды».

Она молчала два с лишним года. Но не молчали те воспитанные, организованные ею в большевистские колонны рабочие-передовики, которые продолжали, теперь уже подпольно, подрывать основание старой, подгнившей машины царского самодержавия.

И через два с половиной года после закрытия «Правды» она воскресла вновь. «Правда» зародилась заново 5(18) марта 1917 года, и с этого дня Мария Ильинична становится секретарем газеты, а затем и членом редколлегии на долгие годы.

У Марии Ильиничны был огромный опыт партийной работы, талант публициста; она писала статьи, правила рукописи, встречалась с корреспондентами. Но со здоровьем у нее было по-прежнему нехорошо, — ведь она так измучена постоянными арестами, ссылками, тяжелыми тюремными условиями, постоянной слежкой полиции...

Владимира Ильича очень тревожит ее состояние:

«Хочу дать тебе совет — пишет он ей из Финляндии, где ему приходилось скрываться от Временного правительства, надо тебе непременно поехать полечиться. Как раз теперешнее время, сравнительно пустое, и в то же время беспокойное, надо использовать, чтобы полечить ногу и нервы. Очень и очень тебя

прошу: поезжай непременно и немедленно. Можно взять с собой перевод или беллетристики, чтобы выдержать лучше скуку, до известной степени необходимую при лечении. Но поехать обязательно надо. **Пожалуйста, исполни эту мою просьбу** и напиши мне в ответ что-нибудь. Крепко обнимаю. Твой Ульянов».

А немного позже вновь повторяет:

«Дорогая, милая Мимоза! Очень прошу поехать лечиться, не откладывая, нельзя пропускать времени». Но Мария Ильинична не могла выполнить его просьбу — работы в редакции «Правда» страшно много. Оставить газету она не могла. И, кроме того, ждет весточки от Станислава...

В дни Великой Октябрьской социалистической революции редакция «Правды» размещалась в Смольном, Мария Ильинична все время находилась там: готовила газету к печати, напряженно работала с утра до глубокой ночи, не зная отдыха.

После переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, в марте 1918 года, Мария живет вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой в Кремле. Как и прежде, все дни проводит в редакции «Правды». Только болезнь В. И. Ленина отрывает ее от любимой работы в газете. Около полутора лет (с конца 1922 по январь 1924 г.) Мария Ильинична почти все время находится в Горках рядом с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Здесь часто бывают Анна Ильинична и Дмитрий Ильич.

В день кончины В. И. Ленина — 21 января 1924 года — рядом с Владимиром Ильичем находились Н. К. Крупская, Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы.

Теперь Надежда и Маняша остались вдвоем в небольшой квартирке Владимира Ильича. Их, как и всю жизнь, связывали духовная близость и сердечная дружба.

После смерти Владимира Ильича Ленина в газетах и журналах стали появляться воспоминания о нем. Отно-

сившаяся с большой ответственностью к показу правдивого образа Ленина, Мария Ильинична и от других требовала того же. 8 июня 1924 года в «Правде» была опубликована ее статья «О некоторых воспоминаниях об Ильиче». В ней, в частности, говорилось:

«Воспоминания о Ленине нужно писать. Каждый факт, каждый штрих из его жизни, описанный его современниками, будет иметь значение для будущего биографа Ленина. Но только **факты строго проверенные**».

Обладая большой наблюдательностью и незаурядным литературным талантом, Мария Ильинична написала воспоминания о Владимире Ильиче, о своих родителях, о старшем брате Александре и о сестре Ольге. Вместе со старшей сестрой Анной Мария подготовила к печати письма В. И. Ленина к родным, дав к ним обстоятельные комментарии; работала и над составлением Ленинского сборника. Всем этим она занималась помимо своей основной работы, которая была поистине огромной.

Раньше и Владимир Ильич, а теперь только Дмитрий, постоянно говорил ей, чтобы она пощадила свое здоровье, больше бы отдыхала. Как-то осенью 1930 года он предложил поехать с ним в Кисловодск, чтобы немного подлечиться.

«Дорогой Митюша! — отвечает она ему в Кисловодск. — Спасибо тебе за твое ласковое письмо, которое получила сегодня. Твои проекты, конечно, очень заманчивы, но, увы, не для меня. Мне надо устраиваться с работой и прочими делами — все еще темна вода во облаках — а без этого и отдых на ум не идет. А Наде, конечно, и заикаться нечего о поездке — бесполезно! Она влезла в работу вовсю, удивляюсь, как ее хватает на работу целыми днями, с утра до вечера. Кроме того, у меня все еще не кончены мои работы по институту: не закончены письма и работы для Ленинского сборника. Надо писать предисловие, держать корректуру. Куда же тут поедешь?..

Крепко тебя целую. Твоя М. У.»

31 октября 1930 года.

Мне хорошо запомнилось, как мой отец вместе с Марией Ильиничной работали над воспоминаниями о Ленине. Обычно, после работы, по вечерам, они встречались на квартире Марии Ильиничны или, чаще, у Дмитрия Ильича.

Подолгу они сидели в кабинете отца, обсуждая отдельные факты и эпизоды из жизни Владимира Ильича. На некоторых рукописях Марии Ильиничны сохранилась правка, сделанная рукой Дмитрия Ильича.

После окончания их работы все мы обычно пили чай с вареньем и печеньем; мама хорошо готовила и к приходу тети Мани всегда старалась испечь что-нибудь вкусное. «Какая вы мастерица, Шурочка», — не раз говорила тетя Маня. Присутствие ее всегда вносило оживленность — шутки, смех. Мария Ильинична смялась очень заразительно, как и Владимир Ильич, до слез. Помню, она, бывало, расскажет что-либо смешное для взрослых, все смеются, а я больше всех.

В январе 1931 года Мария Ильинична с группой товарищей поехала в командировку в город Махачкалу. Там во время работы она почувствовала легкий озноб, но не обратила на это внимания. К вечеру комсомольцы Дагестана пригласили ее в свой клуб. Она беседовала с ними, отвечала на их вопросы, рассказывала о Владимире Ильиче, но все время чувствовала, что ее знобит. Все время чувствовала усиливающийся холод. Вернувшись в гостиницу, выпила горячего чая, но никак не могла согреться. На следующий день у Маняши поднялась температура, начался сильный кашель. Она уже не могла подняться с постели. Вызвали врача, он нашел у нее воспаление легких, дал ей лекарства. Но милой Маняше становилось все хуже и хуже. Лечение не помогало.

Из Москвы срочно приехали Дмитрий Ильич и лечащий врач Ф. А. Гетье. Они нашли у Маняши крупозное воспаление легких. Папа все время был рядом с сестрой. Ее состояние было крайне тяжелым. Помню, что

папа звонил маме; тете Наде и тете Ане. Все были обеспокоены болезнью тети Мани. Когда пришло подробное письмо от папы, мама сказала мне, чтобы я написала ему несколько слов:

«Дорогой папочка! Скорее приезжай домой. Как здоровье тети Мани? Пиши мне чаще. 18-го получила твою открытку. Целую тебя и тетю Маню. Твоя Ляля».

Только в конце января папа с доктором Гетье смогли перевезти тетю Маню в Москву и сразу же поместили ее в Кремлевскую больницу на улице Грановского, где ей продолжили начатое в Махачкале лечение. Здесь она пробыла довольно долго.

К слову сказать, удивительно четко тогда работала почта, не то что теперь: письма из Махачкалы в Москву приходили на третий день. Но и Москва тогда не была мегаполисом...

После лечения в больнице тетя Маня сразу же начала работать, хотя папа и другие врачи советовали ей долечиться в санатории. Только тете Наде удалось убедить ее поехать на юг; летом они вдвоем уехали в Мухалатку. Конечно, тюрьмы и ссылки очень сильно подорвали ее здоровье, а после революции — огромная работа, постоянное недосыпание, постоянная перегрузка...

Когда из печати вышла небольшая книга Д. И. и М. И. Ульяновых «О Ленине», Мария Ильинична, получив ее, вся светилась от счастья.

В «Правде» Мария Ильинична работала до весны 1929 года. Бесценен ее вклад в становление и развитие партийной печати. С именем М. И. Ульяновой навсегда связаны понятия «рабкор», «селькор»: она была активнейшим организатором рабселькоровского движения, которое называли «железным фундаментом» «Правды». Ее работа была большой помощью социалистическому строительству. «Сил своих она не жалела, — писала о ней Н. К. Крупская, — работала с утра до 3 — 4 часов ночи, без отдыха, без перерыва».

Поистине велика заслуга Марии Ильиничной перед советским народом и в том, что она вместе с сестрой Анной подготовила и издала в 1930 году письма Владимира Ильича к родным, снабдив их ценными научными комментариями.

М. И. Ульянова участвовала в работе многих партийных съездов. На XIV, XV, XVI съездах партии Марию Ильиничну избирали членом ЦКК ВКП(б); в 1934 году на XVII съезде партии — член Комиссии советского контроля. Огромный партийный опыт, живая связь с трудящимися помогли ей успешно вести эту ответственную работу: вскоре она становится членом Бюро Комиссии советского контроля, заведующей бюро жалоб.

В 1933 году за работу в области коммунистического воспитания и просвещения работников и крестьянок Мария была награждена орденом Ленина. В 1935 году М. И. Ульянова и Н. К. Крупская были делегатами VII конгресса Коминтерна. Мария Ильинична встречалась с коммунистами других стран; она была связана со многими советскими писателями — Максимом Горьким, А. Н. Толстым, Н. Ф. Погодиным, Николаем Островским и многими другими. Хорошо знала Анри Барбюса, Ромена Роллана.

Сохранилось одно из последних писем Маняши к Дмитрию от октября 1936 года:

«Дорогой Митюша! Сейчас получила твое и Шурино письма от 15-го и спешу ответить. Ляля здорова, чувствует себя, по-моему, хорошо, весела. Вчера была с Леной на «Синей птице». Ей понравилось. Дневник ее подписываю. Менее всего в дружбе она живет с физикой: «Вот уж физика — наука непонятная для нас, а учитель — злая шука иль ободранный карась. Не знаю, какой вид имеет учительница физики, но что она не в авантаже у Ляли обретается — это факт...

Спасибо Шуре за письмо. Ляля мне не мешает, она девочка милая и послушная.

Шлем приветы и целую. М. Ульянова».

Мария была человеком удивительных душевных качеств. Чуткая, отзывчивая, добрая, всегда и во всем справедливая. И внешне она была красива — густые седые волосы обрамляли ее овальное лицо, умные, живые карие глаза искрились. Я вспоминаю рассказы, Марии Ильиничны об их семье, теплые, живые рассказы. Мне они запомнились на всю жизнь.

Родители часто оставляли меня, девочку, на попечении тети Мани. Мария Ильинична с нежной заботливостью относилась ко мне. Несмотря на большую загруженность по работе, она находила время проверить, как я сделала уроки, выучила ли задание по математике, немецкому, музыке. Ведь у нее было столько дел, гораздо более важных...

7 июня 1937 года до 8 часов вечера Мария Ильинична была на Московской областной партконференции. Оттуда она сразу поехала на работу. Здесь ей внезапно стало плохо. Врачи решили, что перевозить Марию Ильиничну в больницу нельзя, — слишком тяжелым было ее состояние. В консилиуме врачей участвовал Дмитрий Ильич. Отец, как врач, понял, что состояние сестры критическое. 12 июня Марии Ильиничны не стало.

«Мария Ильинична была обязательным человеком, в котором изумительно сочетались большевистская принципиальность, нестигаемость, умение ставить интересы партии выше всего с мягкостью и особой ильичевской заботой и людьми, — писали в некрологе в «Правде» Д. И. Ульянов, Н. К. Крупская, Г. М. и З. П. Кржижановские, Е. Д. Стасова и др. старые большевики. — Она умерла на боевом посту, прослужив партии, рабочему классу больше 40 лет своей сознательной жизни».

В Колонном зале Дома Союзов отец находился почти все время; его грустное лицо навсегда сохранилось в моей памяти. На его венке — надпись: «Сестре — другу. Дм. Ульянов». Да, он потерял самого

большого друга, друга с самого раннего детства и до последнего ее дыхания.

Близкий друг моего отца, хорошо знавший также Марию Ильиничну и всех Ульяновых, Алексей Иванович Яковлев, узнав о ее смерти, писал Дмитрию Ильичу:

«Кончина Марии Ильиничны подкралась с такой молниеносной быстротой, что сразу не соберешься с мыслями. Передо мной развергывается вся перспектива прожитых пятидесяти с лишним лет: Ваш дом и сад на Московской ул., и лаборатория Александра Ильича, и страшный удар 1887 г.; потом Собачья площадка, Смоленский рынок, Бахметьевская, Сагоуе в Женеве, Кремль... Удар жесток, но силы Вашей Ульяновской породы велики. Крепко тебя обнимаю и желаю тебе бодрости и твердости духа перенести ужасное несчастье... Да послужит Вам утешением то, что образ Марии Ильиничны неизгладимо врезан в летопись мировой революции возле имени ее великого брата.

Крепко тебя обнимаю твой Ал. Яковлев».

Старшая сестра

Анна Ильинична, так же, как ее братья и сестры, встала на путь профессиональной деятельности революционерки. Их объединяли не только родственные связи, но и духовная близость, общие интересы.

Даже сторонники царского режима признавали единодушие взглядов семьи Ульяновых. В конце XIX века, начальник Московской охраны С. Зубатов писал: «Мария Ульянова, несомненно, поддерживает революционные традиции своей семьи, все члены коей отличаются крайне вредным направлением. Так, брат ее, Александр, казнен в 1887 году за участие в террористическом заговоре, Владимир сослан в Сибирь за государственное преступление, и Дмитрий недавно подчинен гласному надзору полиции за пропаганду соци-

ал-демократических идей, а сестра Анна, состоящая, как и ее муж Марк Тимофеевич Елизаров под гласным надзором полиции, ведет постоянные сношения в заграничными деятелями».

Будучи студенткой Бестужевских курсов в Петербурге, Анна принимает участие в студенческом революционном движении.

Начиная с 1895 года, Анна вместе с Дмитрием и сестрой Маняшей оказывали Владимиру Ильичу большую помощь в переводах нужных ему книг и статей. Прекрасно владея несколькими европейскими языками, Анна Ильинична, будучи за границей, ведет переписку с заграничным бюро ЦК РСДРП, подбирает нужную иностранную литературу, анализирует ее, дает переводы. Словом, выступает в роли ближайшей помощницы.

Последний раз она была арестована в начале 1917 года. «На улицах Питера было уже тревожно, уже начинала бушевать революция... Я имела счастье быть освобожденной революционным народом.» Анна Ильинична стала первым биографом В. И. Ленина — она была старше его почти на шесть лет и могла наблюдать, как он рос, каким он был в раннем детстве и в юности. Очерк о жизни и деятельности В. И. Ленина, хотя и краткий, представляет большую ценность, так как это личные воспоминания сестры и одного из ближайших его помощников по революционной работе.

Анной Ильиничной были написаны рецензии на произведения о В. И. Ленине, критические статьи. В них она резко критикует писателей, искажающих образ В. И. Ленина: «Ведь недостаточно иметь бойкое перо досужего беллетриста, чтобы рисовать всякие образы, ибо следует быть до большей степени в уровень с образами, которые рисуешь, понимать стремление, быть в курсе тех общественных идей, на основе которых разворачивались происшествия, развивались характеры, **которые берешься изображать**» (подчеркнуто

мною. — О. У.) Сказано метко! Хотелось бы посоветовать современным авторам, пишущим о Владимире Ильиче, артистам, изображающим его в кинофильмах, спектаклях, следовать этим словам Анны Ильиничны. Самое главное — придерживаться исторической правды, так как всякое искажение истории губительно для общества.

В начале 1933 года Анна Ильинична тяжело заболела, и Мария Ильинична перевезла ее с Манежной, где она жила, к себе на квартиру в Кремль, там ей было удобнее ухаживать за старшей сестрой.

Когда наступало теплое время года, Анну Ильиничну перевозили в Горки под Москвой.

Не могу не рассказать о литературных занятиях Анны Ильиничны. Она в совершенстве владела не только иностранными языками, но и обладала писательским даром.

В 1930 году Анна Ильинична подарила мне книгу «Юные герои». Я была тогда маленькой девочкой, но до сих пор помню, как она интересовалась, прочла ли я ее и что мне более всего понравилось в ней. В книге пять рассказов. «Карузо» написан Анной Ильиничной, остальные переведены ею с итальянского языка. Их авторы популярные итальянские писатели Эдмондо Де Амичис (1846—1908) и Корделия — псевдоним Виргинии Травс (1855—1916).

Анна Ильинична, как и все в семье Ульяновых, уделяла большое внимание воспитанию детей. Она считала очень важным моментом правильный подбор книг для чтения, которые более всего подходили бы для того или иного возраста. Читать не все, что под рукой попадает, не ради того, чтобы прочесть больше, чем другие, а читать то, что для данного возраста наиболее подходящее, что будет лучше всего понято школьником и что ближе его сердцу.

В 1967 году мне удалось переиздать эту книгу. Занималась редактурой с огромным интересом, помни-

ла, что тетя Анна очень любила эти рассказы и хотела, чтобы ребята и их родители, прочитавши их, могли бы учиться на замечательных примерах мужества и героизма.

И еще один весьма примечательный факт. В августе 1924 года папе — Дмитрию Ильичу исполнилось пятьдесят лет. В семейном архиве я обнаружила стихи тети Анны, посвященные юбиляру. Они трогательны и раскрывают насколько теплыми и сердечными были отношения в нашей семье. Привожу стихи по первоисточнику.

4(16) августа 1924 года;

Нашей тесной дружбе
Уж полсотни лет:
Ведь она родилась
с появлением в свет
мальчугана Мити
с ласковым лицом,
с милою улыбкой,
с бойким язычком.

Так похож на маму
был ты, так был мил,
что мое ты сердце
вмиг заполонил.
И твое сердечко
билося в такт с моим,
ты любил не меньше,
чем был мной любим.
Помнишь, как меня ты
всем предпочитал?
Помнишь, как за мною
всюду ты бежал?

Рассердясь на шалость,
раз сказала я,

что отныне больше
не люблю тебя;
но, как услышала
реплику твою:
«Анечка, тебя я
все-таки люблю»,
тотчас устыдилась.
И сказала мать:
«Вот пример хороший
может крошка дать!»

Помнишь, как играли,
вместе в пароход?
Иль на настоящем
мы по лону вод
Волги тихоструйной
двигались с тобой?
И ты плакал: «Жалко
мне наш дом родной
и собачку Ботку,
да и няню тож...»

Помнишь, на Свягу
с удочкой уйдешь,
а меня охватит
целый рой тревог:
не могу придумать,
где ты деться мог.
И бегу навстречу,
и так рада я,
как увижу только
издали тебя,
с виноватым видом
ты ко мне спешишь,
про лещей, сентявок
что-то говоришь.

Помнишь, как под вечер
перед тем, как спать,
звал меня с собою
в садик погулять?
До «осинки нашей»
ты пройтись любил
и все время с жаром
что-то говорил.

Помню, как студентом
песни распевал,
всякую кручину
смехом разгонял.
Шли другие годы.
Много, много лет,
И несли невзгоды,
тюрем тяжкий след
После бури, грозы,
и восстанья шли,
многое с собою
в вечность унесли.

Только нашей дружбы
не задеть им, нет!
Лишь она нам светит
через десятки лет.
И теперь под горку жизни
мы с тобой
держимся все так же
за руки, родной.
И хочу лишь с тем я
жизни, света, сил,
чтоб здоров и счастлив
милый Митя был.

Альбом Ольги

Ольга была моложе Владимира Ильича всего на полтора года (она родилась в ноябре 1871 года). Кроме занятий в гимназии, Оля училась в музыкальной школе (в Казани) по классу рояля и теории музыки. Она хорошо знала несколько языков — немецкий, английский, французский. После окончания гимназии Оля хотела продолжить учебу и готовилась к поступлению в высшее медицинское учебное заведение в Финляндии. Для этого изучила шведский язык, так как преподавание там велось на шведском. Но, к великому сожалению, ее мечте не удалось сбыться. Осенью 1890 года она уехала в Петербург и поступила на Высшие женские курсы. Там же, в Петербурге, она заболела брюшным тифом и в мае 1891 года умерла.

Ольга была очень одаренной натурой. Она прекрасно играла на рояле, хорошо знала и глубоко чувствовала музыку. Да и вообще, почти все дети в семье Ульяновых были очень музыкальны и обладали прекрасным слухом. Владимир Ильич в детские годы тоже учился играть на рояле.

В архиве моего отца я обнаружила нотный альбом, принадлежавший его сестре Ольге. Альбом относился к концу восьмидесятых годов прошлого столетия. Ноты и тексты песен, романсов и арий из опер записаны в альбом Ольгой. Здесь много музыкальных произведений, которые любил Владимир Ильич. Но самое интересное — ноты «Интернационала» и его текст на французском языке, написанные также рукой Ольги. В этих нотах мелодия и фортепианное сопровождение во многом повторяют авторскую запись Пьера Дегейтера, факсимиле которой было опубликовано в 1952 году чехословацким журналистом Франтишеком Гелем.

В своих воспоминаниях Дмитрий Ильич писал: «Летом 1889 или 1890 года я в первый раз услышал «Интернационал», тот «Интернационал», который теперь

знают все, который тогда в России, можно сказать, не знал никто. Было это на хуторе около деревни Алакаевки Самарской губернии. Ольга Ильинична играла на рояле и закончила свою музыку «Марсельезой». Я подбежал к роялю и просил ее повторить. Вдруг, неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам и сказал, что надо петь «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски... На мою просьбу перевести Владимир Ильич спел: «Вставайте, каторжники мира» Владимир Ильич перевел брату и припев «Это — борьба последняя». И они с Ольгой продолжали петь.

И сама песня, и то, с каким чувством пел Владимир Ильич «Интернационал», запомнилось Дмитрию Ильичу — 15 — 16-летнему юноше на всю жизнь.

Очерк «Любовь к музыке» (или, как первоначально назвал его Дмитрий Ильич, «Владимир Ильич в музыке») Д. И. Ульянов написал после смерти В. И. Ленина. Он собирался опубликовать эти воспоминания и послал их в Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Однако, тогдашний директор института Л. Б. Каменев запретил публиковать этот очерк.

Прошло много лет и вот лишь в 1940 году руководство института предложило Дмитрию Ильичу опубликовать его материал. Дмитрий Ильич ответил, что «очерк «Владимир Ильич в музыке» никогда напечатан не был, так как в свое время я узнал, что Л. Б. Каменеву он не понравился почему-то. Почему «не понравился» я не знаю и не понимаю. Мне будет очень приятно видеть его в печати».

И только 21 января 1941 года очерк был впервые опубликован в газете «Правда».

Владимир Ильич высоко ценил революционное творчество Эжена Потье. «Потье умер в нищете, — писал Владимир Ильич. — Но он оставил по себе истине нерукотворный памятник. Он был одним из самых

великих пропатанцистов посредеством песни. Когда он сочинял свою первую песнь, число социалистов рабочих измерялось, самое большое десятками. Историческую песнь Евгения Потье знают теперь десятки миллионов пролетариев».

Рассказывая о своей семье, я все чаще и чаще задумываюсь над тем, поймут ли нынешние читатели, почему Ульяновы столь настойчиво и последовательно боролись с царизмом, с гнетом и несправедливостью? Каковы побудительные причины?

Некоторые могут подумать, что это своеобразная «семейная месть». Казнь брата Саши произвела на нее тяжелое впечатление. Семья глубоко переживала его казнь. Гибель Александра от рук царских палачей была потрясающей несправедливостью.

Но не следует забывать, что Ульяновы всегда были людьми прогрессивных взглядов, высокой культуры и нравственности, столь свойственных традициям передовой российской интеллигенции. Дети в их семье воспитывались на лучших образцах передовой мысли.

Отец рассказывал мне, что когда они были детьми, старший брат научил их играть в бумажных солдатиков. Их вырезали из бумаги и держали на подставках в вертикальном положении. Дети обычно играли в столовой (в доме на Московской улице), солдатик выставлялся по 10—15 фигурок в ряд на полу и поочередно сбивались маленьким резиновым мячиком.

У Владимира была американская армия Авраама Линкольна. Владимир, будучи мальчиком, очень интересовался гражданской войной в США, с 1861 по 1865 год, так как она была освободительная: велась за освобождение негров от рабства. Он много читал об этой войне в журнале «Детское чтение», который пользовался в семье Ульяновых большой любовью. Журнал оказывал большое влияние на развитие детей. В нем печатались исторические повести и романы, детские рассказы, биографии великих людей, на-

пример: ...
люди. Ученые
Владимир ...
зидента США
Гражданская
велась между
ческим Югом.
обходимостью
гализм в сельск
мышленности.
Положение
невыносимо тя
тских выборах
президентом С
раам Линколь
этом, рабовлад
ступили армии
Гранта. Сначал
апреле 1865 го
цу Юга, армия
бедили. Рабств
На Владими
изводила сильн
ным положени
ных героев, так
У Александ
итальянского р
добровольчески
Италии от ино
У Дмитрия
швейцарские и
поселяне, борю
В связи с эт
торией, много
ства, об испанс
леона, о партиза
свою свободу и

пример: знаменитого швейцарского педагога Песталоцци, ученого Франклина и др. В «Детском чтении» Владимир прочел прекрасную повесть о жизни президента США — Авраама Линкольна.

Гражданская война в Соединенных Штатах Америки велась между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом. Уничтожение рабства было жизненной необходимостью для Севера, так как там развивался капитализм в сельском хозяйстве и шло бурное развитие промышленности. Подъем же Юга сковывало рабство.

Положение негров-рабов и «белых бедняков» было невыносимо тяжелым. В конце 1860 года на президентских выборах победила республиканская партия, и президентом США был избран ее представитель Авраам Линкольн — сын простого фермера. Узнав об этом, рабовладельцы подняли мятеж. Против южан выступили армии революционных генералов Шермана и Гранта. Сначала война шла с переменным успехом. В апреле 1865 года войска генерала Гранта взяли столицу Юга, армия южан сдалась в плен, и северяне победили. Рабство было уничтожено.

На Владимира освободительная война в США произвела сильное впечатление. Он возмущался несправедливым положением негров и идеализировал революционных героев, таких, как А. Линкольн.

У Александра была армия Джузеппе Гарибальди — итальянского революционера-демократа, организатора добровольческих отрядов, борющихся за независимость Италии от иноземного ига (Австрия).

У Дмитрия была русская армия, у Анны и Ольги — швейцарские и испанские стрелки, — свободолюбивые поселяне, борющиеся за свою независимость.

В связи с этой игрой дети очень интересовались историей, много читали об освобождении негров от рабства, об испанских стрелках, боровшихся против Наполеона, о партизанских отрядах Гарибальди, защищавших свою свободу и независимость.

И еще об одном. Сегодня стало «модным» выстраивать различные домыслы о доходах Ульяновых. На какие средства они жили, где брали деньги. Напомню: сестра Мария была учительницей французского языка, Дмитрий работал врачом, Надежда давала уроки, делала переводы и писала книги по педагогике. Анна, прекрасно зная несколько языков, переводила книги детских писателей, великих Г. Гейне и И. Гете. А о Владимире Ильиче советую клеветникам взять полное собрание сочинений (5-е) и подсчитать на компьютере, сколько работ написал Ленин и сколько получил за каждую работу. Это будет лучше, чем сочинять небылицы.

Что же касается карманов, то, думаю, порядочнее будет смотреть в **свой карман** и подсчитывать **свой заработок**, если он честный.

В

Горь

Глава VIII

**В ГОДЫ ВОЙНЫ
И МИРА**



Горки. 1941 г. Большой дом. Ольга Ульянова
и ее родственница Татьяна.
Снимок сделан Д. И. Ульяновым

П Р И К А З
Верховного Главнокомандующего
ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил.

Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу,— тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

9 мая 1945 года. № 369.

«Правда» 10-го мая 1945 г.

Шел июнь 1941 года...

Вместе с подругами я готовилась к экзаменам. Папа и мама жили в Горках. Лето радовало нас теплом, солнцем, Пахра манила прохладной водой и густыми деревьями, склонившимися над ней; ничего не предвещало беды.

Мы не думали тогда, 22 июня 1941 года, что война, обрушившаяся на мирную Советскую страну, продлится почти четыре года — 1417 долгих дней и ночей.

Тяжелое испытание

Разве мы могли поверить в то, что нация Людвиг ван Бетховена и Альберта Эйнштейна, Вольфганга Моцарта и Стефана Цвейга, Карла Маркса и Фридриха Энгельса будет хладнокровно расстреливать наших детей, женщин, стариков? Убивать наших прекрасных молодых ребят?

За что? Только за то, чтобы поработить нашу социалистическую страну, нашу Великую Родину.

В наше время приходится читать и слышать, что СССР к войне не готовился. Я с этим совершенно не согласна. Еще когда училась в 9-м классе, в 1938—1939 годах, некоторые наши мальчики перешли в военные школы.

В нашем классе учились Тимур Фрунзе, сын М. В. Фрунзе и Степан Микоян, сын А. И. Микояна. Тимур был очень веселый, остроумный мальчик, белокурый и голубоглазый. Таким он и остался в моей памяти. Уже в 8-м классе оба они перешли в артиллерийскую спецшколу, а после — в летное училище. Оба стали летчиками и во время войны храбро сражались с фашистами.

Тимур погиб в 1942 году, ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Второй сын Анастаса Ивановича Володя погиб под Сталинградом. Степан недавно рассказал мне,

что видел, как подбитый немцами самолет Володи врезался в Землю. Мне трудно представить ужас происшедшего: на глазах старшего брата гибнет его родной человек, а он не в состоянии помочь ему, — ни спасти его, ни подойти к самолету. Ведь он погиб на вражеской территории. Это боль на всю жизнь...

Воевал и Алеша Микоян. Был летчиком Артем Сергеев, сын Ф. А. Сергеева (Артема), и Василий Сталин, но он учился не в нашей школе.

Осенью 1940 года я поступила в Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова. На первом курсе у нас учились практически одни девочки, мальчики же — в специальных военных школах. Нам тоже предложили проходить военную подготовку: некоторые девочки решили стать медсестрами, другие — связистками. Я решила изучать азбуку Морзе. Довольно быстро мы с подругами стали бойко отстукивать различные военные тексты, да и всякие другие.

Люди моего поколения запомнили первый день войны по-разному. Мне он врезался в память на всю жизнь.

В этот день к нам в Горки должны были приехать Яковлевы — Алексей Иванович и Иван Алексеевич. Папа, в ожидании их, читал на балконе. Я сидела в комнате и готовилась к экзамену по математическому анализу.

Вдруг входит мама и говорит:

— Знаешь, Лялочка, ужасная новость — Германия начала войну с нами. Утром выступал по радио Вячеслав Михайлович Молотов.

Эту страшную весть привез нам А. И. Яковлев.

Мы утром не включали радио и ничего не знали. Пришел Стаклис. Он сказал, что рано утром слушал радио.

— Что же ты не сказал мне? — упрекнул его папа.

— Я не хотел тебя будить, — ответил тот.

Карл Стаклис, комендант Большого дома, из красных Латышских стрелков, всех называл на ты. Он был всем сердцем предан Ленину и всей семье Ульяновых. Все привыкли к этому и тоже обращались к нему на ты.

На отца сообщение произвело крайне тяжелое впечатление, на маму — тоже. Ведь они оба пережили Первую мировую и Гражданскую войны, а также и русско-японскую войну.

Четыре войны за короткую человеческую жизнь! А сколько лет мирной жизни было у них? Только в конце прошлого да в самом начале XX века, и 20 лет в Советском Союзе, с 1921 до 1941. Как тяжела была жизнь моих родителей... И не только их, а всех людей России и Советского Союза.

Папа очень переживал, что нашим войскам пришлось сразу отступить, оставляя города и деревни.

Гораздо позднее стало известно, что Гитлер заключил с нами договор о ненападении для отвода глаз, а на самом деле фашистская Германия давно готовилась к войне с Советским Союзом.

После окончания экзаменов в конце июня всех наших девушек послали в колхозы и совхозы на трудовой фронт. Я с подругами работала в подмосковном совхозе сезонной работницей; мы убирали урожай овощей в течение июля и августа. Все овощи направлялись на фронт.

Помнится, в начале июля в Москве было введено затемнение: прежде чем зажигать вечером свет, москвичи должны были плотно закрывать окна темными шторами, одеялами, словом, кто чем мог. Свет не должен был проникать в щели. И в Горках — тоже самое. В июне — июле было светло еще в 11 часов вечера, а позже, когда день становится короче, было темно уже в 10 часов вечера. Выглянешь из окна — тьма кромешная, даже жутко становилось.

Когда начались налеты фашистской авиации (первый налет был в ночь с 22 на 23 июня), можно было видеть, как лучи прожекторов, скользя по черному небу «ловили» вражеские самолеты, и зенитки сбивали их; фашистов сбивали много, но много гибло и наших мальчиков.

В самом начале войны в защите Москвы участвовал летчик Виктор Талалихин. Отец рассказывал мне, что он одним из первых применил таран вражеских самолетов ночью. Папа восхищался его героизмом. Но в одном из воздушных боев Талалихин погиб; в 23 года он стал Героем Советского Союза. Сколько же погибло таких смелых и хороших ребят, защищая свою отчизну!

Помню, что на Красной площади был сооружен двухэтажный «маскировочный домик», который, как колпак, закрыл Мавзолей В. И. Ленина.

Однажды, когда папа читал, сидя на восточном балконе, он услышал негромкие голоса и увидел рабочих с лестницами и ведрами с краской: они красили Большой дом в немыслимые коричнево-зеленые и черные цвета.

Папа заинтересовался:

— Что это вы делаете здесь, товарищи? — Рабочие рассказали ему, что они должны срочно замаскировать дом Ленина, чтобы, как они выразились, «проклятые фашисты не разбомбили его».

— Молодцы! Правильно делаете, — похвалил их папа.

А мама, приехав из Москвы, в первый момент не узнала наш красивый нарядный дом. У меня сохранилась фотография замаскированного Большого дома, сделанная моим отцом в июле — августе 1941 года. На ней — моя двоюродная сестра Таня и я.

Во время бомбежек Москвы в Горках было опасно: бомбоубежища не было. Вспоминаю, как отец с помощью санитара и Стаклиса опускался по крутой лестнице в подвал флигеля. Нам с мамой было страш-

но за папу, — ступени крутые, темно. Мы стояли внизу, держа свечу, чтобы хоть немножко было видно.

Пришлось вернуться в Кремль. Здесь под Кавалерским корпусом было сделано вполне приличное бомбоубежище: там стояли стулья и можно было сидеть.

Навсегда запомнился баритон Юрия Левитана:

«Граждане! Воздушная тревога!»

А также:

«От Советского информбюро».

Люди научились угадывать по оттенку его голоса хорошие новости и плохие... У него был красивый голос, говорил он медленно, отчеканивая каждое слово.

В родном городе

В начале августа папе позвонил секретарь ЦК ВКП (б) Андрей Андреевич Андреев. Он сказал, И. В. Сталин предлагает ему с семьей уехать на восток в один из приволжских городов.

— В Москве сейчас очень тяжело для вашего здоровья. Выберете сами, в каком городе вам будет лучше.

Отец посоветовался с мамой и со мной и ответил Андрееву, что он выбрал Ульяновск.

Сборы были долгими. Папе и маме нужно было пройти медицинское обследование, взять лекарства. С нами ехали две сотрудницы, работавшие у отца в Горках, — Лиза Сафонова и Шура Бесфамильная, и еще — Василий Петрович Клочков. Стаклис очень хотел ехать с нами, но ему нельзя было оставлять Большой дом. Он очень переживал и все спрашивал папу:

— Когда ты вернешься? Я буду тосковать. — Стаклис был очень привязан к папе.

Папа отвечал:

— Думаю, что война скоро закончится.

Провожал нас до Ульяновска представитель музея В. И. Ленина в Горках И. Я. Шахов.

22 августа 1941 года в 15.30 наш поезд отошел от Москвы. Мы уезжали в эвакуацию в Ульяновск. Больше трех суток добирались до места. Поезд долго стоял, так как навстречу на запад шли воинские эшелоны.

Иногда остановки бывали долгими. Мы с мамой или Лизой выходили из вагона и гуляли вдоль поезда. В соседнем с нашим вагоне ехала в Куйбышев (теперь Самара) Светлана Сталина со своей няней и со свитой. На остановках мы виделись с ней, но разговаривали мало, так как она держалась замкнуто. Возможно потому, что у нас с ней довольно большая разница в возрасте — мне было 19, а ей 15 лет.

24 августа на станции Инза или Рузаевка (не помню!) наш вагон отцепили от Куйбышевского поезда и прицепили к товарному, который шел в Ульяновск. Этот поезд полз еще медленнее. Он прибыл в Ульяновск только 25 вечером. Мы остались жить в вагоне.

Встречавший нас на вокзале председатель горсовета товарищ Солнцев сказал папе, что квартира для нас еще не готова, так как он и горком партии не знали, что едет Дмитрий Ильич Ульянов.

Он рассказал нам любопытную историю, которая произошла незадолго до нашего приезда. Сюда уже эвакуировался двоюродный брат отца — Н. И. Веретенников с женой. Перед отъездом из Москвы он дал телеграмму в горсовет следующего содержания: «Едет брат Ленина. Встречайте».

Горсовет, не зная, кто именно едет в Ульяновск, устроил ему встречу и дал хорошую квартиру. И тут-то они выяснили, что приехал двоюродный брат Ленина, а не родной. Ловок, однако, был Николай Иванович Веретенников!

Поэтому, когда приехал папа, то они (хоть им и звонили из ЦК партии) якобы толком не знали, какой брат едет, родной или опять двоюродный.

Иван Яковлевич Шахов помогал нам устроиться, но все же пока не было квартиры, нам пришлось прожить в вагоне на вокзале четверо суток.

Только 29 августа мы наконец устроились на Стрелецкой улице (тогда улице Ульянова) в доме, где родился папа. Для него это была радость, и тем более значительная, что во дворе его дома, во флигеле (который, к сожалению, не сохранился) родился Владимир Ильич. Поистине это был подарок для отца. И трудный, и долгий путь из Москвы отошел на задний план; осталась только радость свидания с родным домом, где он жил с родителями, братьями и сестрами...

Мы разместились на первом этаже, на втором — М. Ф. и Л. С. Владимирские, которые ехали с нами в вагоне, и Лиза с Шурой. С И. Я. Шаховым мы тепло распрощались, передали с ним в Москву много писем и приветов, и он уехал. Вернувшись в Горки, он часто писал папе и маме, говорил, что Стаклис скучает, рассказывал много нового о Горках.

В Ульяновске мы прожили почти целый год, до 31 июля 1942 года. Зима 1941 — 42 года была очень суровой, в Поволжье в особенности. Нередко температура падала до — 40С. Даже в нашем домике, который неплохо отапливался, было весьма неуютно. Дом отапливался дровами, было единственное теплое место — на кухне, около плиты. В ванной комнате и туалете с потолка свисали огромные сосульки, прямо как сталактиты.

К папе часто приходили посетители — его знакомые из Ульяновска или эвакуированные сюда москвичи, ленинградцы, киевляне, крымчане... Бывали у него люди самых разных профессий, совсем незнакомые, но желающие увидеть родного брата Ленина, единственного оставшегося из большой семьи Ульяновых, пожать руку, услышать его слова о Владимире Ильиче, узнать его мнение о жестокой войне с фашистской Германией.

2 сентября папа вместе с мамой и со мной поехал в Дом-музей В. И. Ленина. Для всех людей — это дом, в котором жил Ленин, его родители, братья и сестры. Это священная реликвия Советского Союза, которую народ бережно сохранял для потомков. Это Музей великого Ленина, куда идут все приезжающие в Ульяновск. А для папы — это родной дом, в котором прошло его детство, в котором он жил вместе со своими папой и мамой (именно так он всегда называл своих родителей), вместе с Сашей, Володей, Олей, Маняшей и Анечкой. Для него это — частица его родных; дом, в котором с самого раннего детства был знаком каждый уголок, каждая царапина или щербинка; дом, в котором абсолютно все связано с Володией.

И вот теперь спустя 35 лет Дмитрий Ильич вновь в своем родном доме (когда он работал в Симбирске в 1905 — 1906 годах, то в доме не бывал, а только проходил мимо, так как в нем жили чужие люди). Если быть абсолютно точной, то внутри дома он не был более 45 лет. Он был полон воспоминаний о том далеком времени...

Папа был растроган тем, с какой любовью работники музея сохраняли дом Ульяновых.

— Все осталось так, как было при нашей жизни здесь, — сказал он тихо, переходя из комнаты в комнаты.

Директор музея Александра Георгиевна Каверзина приготовила для папы книгу для почетных посетителей музея. Некоторое время отец сидел, задумавшись, а потом написал:

«Как будто вскрыто старое, давнишнее. Пахнуло давно забытым. Но в то же время бесконечно близким, родным.

Во всем видится, слышится, чувствуется мать, отец и он, Володя, сначала маленький резвый мальчик, неизменно жизнерадостный, веселый, абсолют-

но справедливый и безупречный во всем, затем более взрослый, юноша, непреклонно настойчивый.

Бесконечно милые и дорогие образы, и слезы подступают к старым глазам, но на душе так хорошо и уютно, что не хочется уходить из обстановки этого домика.

Дмитрий Ульянов».

Впоследствии папа нередко ездил в Дом-музей, когда не было больших морозов. У меня сохранились фотографии в музее осенью при приезде в Ульяновск, и в 1942 году.

К папе заходили ученые, художники, писатели и бойцы Красной Армии, едущие на фронт, бойцы и офицеры, которые находились в Ульяновском госпитале и после излечения направляющиеся снова воевать.

Из бывавших у нас помню скульптора, профессора Б. И. Яковлева, известных художников А. В. Лентулова и А. В. Моравова, писателя Леонида Соболева, артиста П. С. Молчанова из Минска (он исполнял роль В. И. Ленина в кино и спектаклях) и чтеца из Ленинграда В. В. Сладкопевцева, немало врачей-коллег Дмитрия Ильича.

Работники музея Ленина постоянно бывали у папы, задавая ему вопросы и записывая его ответы. Часто бывала А. Г. Каверзина и директор библиотеки «Дворец книги» Е. В. Перухина.

Аристарх Васильевич Лентулов и Александр Викторович Моравов бывали у нас довольно часто.

Однажды Моравов спросил у отца, не согласится ли он позировать ему и Лентулову, они мол хотят написать его портреты. Но папа отказался, так как очень уж не любил позировать. Однако П. С. Молчанову удалось убедить отца, сказав ему:

— Вы можете заниматься своими делами, Дмитрий Ильич, читайте, пишите, разговаривайте с кем

угодно. Художники никак не будут вас связывать, а только сделают несколько набросков.

Как хорошо, что Павел Степанович уговорил папу! А. В. Моравов написал очень неплохой портрет; жаль, что ему не удалось закончить его в Ульяновске. В 1943 году отец умер, и Моравов заканчивал его по памяти.

Он изобразил отца работающим в своем кабинете. На письменном столе стопка книг, сводки Совинформбюро, карандаши, папиросы. Отец — в темном костюме, который он обычно носил. На втором плане виден бронзовый подсвечник со свечой: во время войны нередко выключали электричество и приходилось работать при свечах.

Портрет долго хранился в запаснике Центрального музея Ленина. В 1959 году он был передан мне директором музея В. Ф. Морозовым.

Аристарх Васильевич Лентулов также сделал наброски для папиного портрета и тоже не смог его закончить, так как летом 1942 года мы переехали в Куйбышев. Мама и я после папиной смерти потеряли Лентулова из вида. Много лет спустя мне неожиданно позвонила дочь Лентулова и пригласила на вернисаж. Там были чудные картины художника. Неожиданно она подвела меня к одному портрету:

— Вот ваш отец! — сказала она мне с улыбкой.

После вернисажа она подарила его мне. С тех пор он хранится в нашей семье.

В Ульяновске отец много работал, — писал воспоминания, много читал. Но более всего в то тяжелое время его занимало положение на фронтах Великой Отечественной войны.

Сводки Совинформбюро он изучал с картой в руках. В большом атласе командира РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии) сохранились его пометки. Почти каждый день отец раскладывал атлас на столе и, прочитав сводки Совинформбюро, отмечал

черным
ветская
сердце
Осо
маемы
он все
удастся
— Н
клятым
В ок
ныетуч
15 о
ление Г
эвакуац
«Сег
Совета,
лем пре
куирует
ке)»... О
лин не э
День
чей: в эт
Фашист
це, непр
ми с при
В эти
дей. Нек
паганды
мию, в С
дут врагу
что ни М
вачены ф
— Ста
говорил
раз Ста
Огром
вел воен

черным карандашом города, которые оставляла Советская Армия. Помню, что папа всегда с тяжелым сердцем отмечал занятые врагом места.

Особенно больно было ему отмечать города, занимаемые фашистами вблизи Москвы и Ленинграда; но он всегда твердо верил в то, что врагам никогда не удастся захватить их.

— Наш народ не отдаст Москву и Ленинград проклятым фашистам, — не раз повторял он.

В октябре 1941 году над Москвой сгустились черные тучи: враг рвался к столице.

15 октября 1941 года Сталин подписал постановление ГКО (Государственного комитета обороны) «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»:

«Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке)»... Остановка была крайне тяжелая, однако Сталин не эвакуировался: он остался на своем посту.

День 16 октября надолго остался в памяти москвичей: в этот день в Москве была сильнейшая паника. Фашисты находились на ближних подступах к столице, непрерывно бомбили ее, забрасывали листовками с призывами к войскам и москвичам сдаваться.

В эти дни к Дмитрию Ильичу приходило много людей. Некоторые из них, наслушавшись лживой пропаганды фашистов, потеряв веру в народ, в нашу армию, в Сталина, говорили, что Москву вот-вот сдадут врагу. Отец страстно убеждал таких людей в том, что ни Москва, ни Ленинград никогда не будут захвачены фашистами.

— Сталин и правительство остались в Москве, — говорил он. Народ верил товарищу Сталину и знал — раз Сталин в Москве, значит, ее не сдадут фашистам.

Огромное впечатление на Советский народ произвел военный парад 7 ноября 1941 года на Красной

площади, перед Мавзолеем шли войска Красной Армии, уходившие на фронт. На трибуне Мавзолея Ленина стоял товарищ Сталин. «Значит, Москву не отдадут фашистам», — говорили люди.

С какой радостью, подъемом отмечал отец города и поселки, которые Красная Армия освобождала от врага. Эти города он подчеркивал уже красным карандашом. Он посоветовал мне сделать из красной бумаги и булавок маленькие флажки и показал, как их нужно накалывать на карту. Таким образом, линия фронта сразу становилась ясно видна.

По вечерам, когда темнело, мы с папой и мамой сидели дома. Город был затемнен, на улицах не светились ни одно окошко. Часто мы с мамой и вся наша женская компания шили теплые рукавицы, кисеты, мама вязала теплые носки, Лиза и Шура тоже неплохо вязали; все это потом мы отправляли бойцам на фронт.

Но самым интересным было то, что рассказывал в такие вечера папа. Это бывало нечасто, но когда он говорил, я слушала, затаив дыхание, стараясь не упустить ни слова. Отдельные рассказы я потом записывала. К сожалению, в связи с переездом в Куйбышев, а потом в Москву не все записи сохранились. Отец много говорил о своих родителях — Илье Николаевиче и Марии Александровне.

Сразу после приезда в Ульяновск он повез нас на могилу своего отца. Могила была хорошо ухожена. Мы возложили белые цветы к памятнику моему дедушке.

Предстоящая встреча с родным городом волновала Дмитрия Ильича, — каким стал Ульяновск за три с половиной десятилетия? В 1906 году он приехал сюда уже врачом, революционером с опытом подпольной работы; за спиной было три ареста. И вот осенью, пока было еще тепло, отец ездил на машине по городу, осматривая его, рассказывая маме и мне о его достопримечательностях. Вместе с нами он посетил Дворец книги.

— Это
сказал он.
Подолж
буясь волж
ни их сем
грустью.

— Почт
ске с горес
шиеся заб
и осталась
нельзя был
лазная гря

Вскоре
центром, с
уже не смо

Как-то
красивый

— Это

Мы вы

Вдруг н

— Како

Папа ул

— Жене

на пьедест

Николая М

— А-а-а

женщина с

Это вы

отец...

В Ульян

книги: пап

ла туда и б

как в продо

сказал, что

ма К. Флам

Я пришл

— Папа

— Это — одна из лучших библиотек в Союзе, — сказал он.

Подолгу папа мог сидеть на Старом Венце, любясь волжскими просторами. Воспоминания о жизни их семьи в Симбирске окутывали его радостью и грустью.

— Почти не изменился, — сказал он об Ульяновске с горечью. Те же деревянные тротуары, покосившиеся заборы; даже улица, на которой мы жили, так и осталась немощеной. В дождливую погоду по ней нельзя было пройти. И теперь тоже — такая же непролазная грязь...

Вскоре после войны Ульяновск стал областным центром, стал меняться в лучшую сторону. Но папа уже не смог этого увидеть...

Как-то, проезжая по городу, папа показал нам красивый памятник:

— Это памятник Карамзину, — сказал он.

Мы вышли из машины посмотреть его поближе.

Вдруг наш шофер сказал:

— Какой же это Карамзин, это же женщина!

Папа улыбнулся:

— Женская фигура — это муза истории Клио, а на пьедестале — барельеф с изображением самого Николая Михайловича Карамзина.

— А-а-а, — протянул он, — а я-то думал, чего тут женщина стоит?!

Это вызвало общий смех. Больше всех смеялся отец...

В Ульяновске я часто бывала в библиотеке Дворца книги: папу сразу же записали в библиотеку; я ходила туда и брала книги для него и для мамы. Помню, как в продолжение наших бесед по астрономии папа сказал, чтобы я взяла книгу французского астронома К. Фламариона.

Я пришла в библиотеку и сказала:

— Папа просил какого-то Фламариона.

Ух как рассердилась на меня библиотекарь:

— Как это какого-то? Ты что, не знаешь, кто такой Фламарион? — (она произносила по-французски «Фляммарьон»).

Я страшно смутилась, покраснела и тихо сказала:

— Не знаю.

— Ну вот возьми для Дмитрия Ильича и сама почитай.

Она уже перестала сердиться, улыбнулась и добавила:

Приходи к нам почаще. Можешь и здесь читать.

Мне сразу стало легко. Придя домой, я сразу же пролистала книгу, а потом прочла ее.

С тех пор я часто сидела у них в библиотеке и что-нибудь читала. «Сидела» — это неверно сказано: в книгохранилище я забиралась по лесенкам на самый верх шкафов, усаживалась под потолком и рылась в книгах. Потолки там очень высокие, здание старинное, дореволюционной постройки. В полном смысле «Дворец». Так что я сидела, наверное, на высоте 4-х метров. Картинка была весьма занятная! Сколько же книг я там просмотрела, некоторые прочтала! Впрочем, к лазанью по лестницам в поисках книг я привыкла еще в детские годы, когда бегала в квартиру тети Нади и Мани за книгами для папы. У тети Нади одно время работала библиотекарь — Вера Васильевна. Иногда она помогала мне советами, как найти ту или иную книгу. Нужно сказать, что это — интереснейшее занятие. И очень расширяет кругозор. Нравилось мне это необычайно! И впоследствии мне очень помогло в моей работе.

В Ульяновской библиотеке я брала для папы разные словари, научные книги по медицине, по военному делу, беллетристику, всего не упомнишь. Передо мной лежит книга, изданная в Москве в 1920 году, — К. Тимирязев, действительный член Социалистической Академии общественных наук — «Наука и демократия». Сборник статей 1904 — 1919 годов.

Эту книгу я в те годы принесла ему из Дворца книги. Папа долго ее читал. Потом, когда мы переезжали в Куйбышев, оказалось, что забыли ее вернуть в библиотеку. Так она и приехала с нами в Москву.

После папиной смерти (1943 год) я написала директору библиотеке о том, что хочу выслать ей книгу Тимирязева.

Она мне ответила так: «Когда приедете в Ульяновск, тогда и привезете».

Но годы шли. Книга хранилась у нас в книжном шкафу. И только в 2001 году я передала книгу Тимирязева в Ульяновск, теперь она снова во «Дворце книги». Забывчивость мне простили.

Родители очень хотели, чтобы я продолжила свои занятия в университете, но здесь этого сделать было нельзя: в Ульяновске был естественный факультет в Педагогическом институте. В начале октября я стала заниматься в лаборатории института и ходила на семинары по органической химии. В лаборатории проводила опыты у лаборанта Зои Григорьевны Зотовой, очень милой и приветливой молодой женщины. Здесь же в лаборатории мы с ней пили чай и ели бутерброды.

— Ты какая-то сухопутная, — смеялась она. — Нельзя есть хлеб всухомятку, непременно запивай чаем. Придется сказать твоей маме.

Отец был очень рад, что я начала заниматься химией в институте:

— Главное, что ты продолжаешь заниматься химией. И лекции, и практические занятия в лаборатории дадут тебе очень много. Ты постепенно привыкаешь к химии. В дальнейшем тебе будет легче постигать эту науку.

Но, кроме химии, я постигала и другую науку — науку выступлений, лекций, которая мне в будущем очень помогла. А. Г. Каверзина как-то раз рассказала моим родителям:

— Хорошо бы, чтобы Оля выступила перед школьниками старших классов с рассказами о положении на фронтах. Горком комсомола считает, что это будет очень важно для ребят.

Папа отнесся одобрительно. Я стала беспокоиться, смогу ли я выступать перед школьниками, вдруг я что-либо забуду и т. п.

— Подготовься, составь план, запиши кратко о чем будешь говорить, — сказал отец.

— Главное — говорить смело, убежденно, не бойся вопросов.

Итак, я начала постигать и другую науку. Папа мне очень помог своими советами. Они с мамой поддерживали меня. Первый раз я, конечно, трусила, боялась, что они будут разговаривать, смеяться, как обычно делают школьники на уроках.

И вот вхожу в полутемный зал. Он полон — мальчики, девочки старших классов, ученики профучилищ — глядят на меня с любопытством. В первый момент страшно, ой как страшно! Но вспоминаю наставления родителей и... как в омут с головой! Начинаю говорить.

Говорю о положении на фронтах Отечественной войны, о наступлении немцев на Москву, о том, что гибнут наши мальчики, наши уже взрослые воины, о налетах фашистской авиации, о жестоких боях с сильным и коварным врагом... и вдруг замечаю, что в зале — тишина. Они внимательно слушают. Это подбадривает меня. Страх уже прошел. С подъемом говорю дальше. На первом выступлении вопросов не было. Но на следующих — они задавали вопросы, в основном о Москве, о Сталине, — правда ли, что Сталин в Москве, скоро ли кончится война.

Уже через много лет вспоминая об этих лекциях, поражаюсь, как они слушали и кого — девчонку 19-ти лет; а им было лет по 15—16. Слушали потому, что шла священная война, которая не оставляла равнодушными ни-

кого, ни старого, ни малого. Все мы жили одной мыслью — победить ненавистного врага.

Лекции проходили обычно вечером.

Город был затемнен. Выходишь на улицу — тьма кромешная. Родители не пускали меня одну, просили дядю Васю (так я называла В. П. Ключкова), чтобы он провожал меня туда и обратно. Он ходил с маленьким фонариком, включая его на мгновение, чтобы не оступиться и не заблудиться. Но, вообще-то, идти в полной темноте было жутковато: темные дома, деревья, иногда, попадались прохожие или ребятишки пробегали с шумом и смехом, но никакого хулиганства не было... Еще когда я училась в школе, тетя Надя рассказала мне о том, как они с Владимиром Ильичом изучали английский язык в ссылке, а позже — будучи в эмиграции — в Англии. Она советовала и мне начать изучать английский:

— Одного немецкого языка мало. Займись английским или французским. Тетя Маня прекрасно знает французский, она давала уроки французского языка. А я не знала тогда, что Мария Ильинична, живя с ними в Париже, изучала французский. И где?! В Сорбонне!

— А ты знаешь французский? — спросила я ее.

— Знала, Лялечка, но теперь уже забыла.

Помню, что в Ульяновске я как-то сказала папе и маме об изучении второго языка. Они одобрили.

Через некоторое время папа сказал мне:

— В Ульяновск эвакуировано Министерство внешней торговли. При нем есть курсы для молодых сотрудников, в частности, английского языка. Думаю, что они возьмут тебя в подготовительную группу.

Так я познакомилась с Ксенией Николаевной Качаловой — удивительной женщиной, которая впоследствии стала моим большим другом на много лет...

У Ксении Николаевны был необычный метод преподавания языка: примерно месяца два или три она

давала только произношение, только буквы и отдельные слова в транскрипции. Я как-то спросила ее, когда же мы будем писать и читать по-английски? Она улыбнулась:

— Не спеши, Олечка, сначала нужно научиться правильному произношению. Для этого и даются слова в транскрипции.

Я занималась с большим интересом, с радостью. Она несколько раз была у нас в Ульяновске, познакомилась с папой и мамой. Мы подружились с ней, несмотря на большую разницу в возрасте. Она стала моей старшей подругой, и только неожиданная смерть оборвала нашу дружбу. Это была удивительно умная женщина, обладавшая большим обаянием. У нее было точеное лицо, золотисто-карие глаза. Я была просто влюблена в нее, очарована блеском ее ума. Радостно было видеть ее «... глаз златокарий омут...». В 1942 году ее министерство вернулось в Москву, она тоже уехала.

Вернувшись в Москву весной 1943 года, я снова встретила ее, и она продолжала заниматься со мной примерно до 1946 года. Я ездила к ней в академию (она преподавала в Академии внешней торговли), группы у нее были небольшие обычно три-четыре человека. Последнее время я занималась одна. Справку об окончании курсов получила, помнится, в 1946 году, но продолжала ездить к Ксении Николаевне, чтобы закрепить знания английского языка. Обычно, сидя у нее дома, мы болтали только по-английски. Но, к сожалению, разговорной практики у меня не было, и я постепенно потеряла беглость разговорной речи...

Возвращаюсь к милому Ульяновску.

Я продолжала записывать в своем дневнике о войне, о нашей жизни. Видела, как тяжело было папе и маме: в октябре — ноябре 1941 года бои шли на подступах к Москве. Все время сверлила мысль — а вдруг немцы возьмут

Москву? Я отгоняла ее, но она, как муха назойливо возвращалась. Папа убеждал меня, что Москву никогда не сдадут фашистам. Какая же у него глубокая вера в Сталина, в нашу страну, в наш народ. Он убеждал не только меня, но всю нашу женскую компанию. И не только женскую, но и санитаря, и В. П. Клочкова.

Сколько же людей приходили к нему в эти тяжелые два месяца — октябрь и ноябрь! Какой огромной силой убеждения обладал мой отец!

Я думала: ведь Владимир Ильич обладал необыкновенной силой убеждения, а вот теперь, во время жестокой битвы с захватчиками, людей убеждает мой отец, которому уже минуло 67 лет... Тогда, в юности, мне казалось, что это очень много, а теперь вижу, что это совсем мало...

В «Правде» — все время статьи о том, что немцы бросили на Москву огромные силы. Они идут на нас, идут их страшные неуклюжие танки «Фердинанд» (я их видела в музее под Москвой). Это — страшно! Но я верю, что советский народ не будет под игом немецких захватчиков. Помню плакат, написанный улыновскими пионерами:

**Никому нас рабами не сделать!
Никому, ни за что, никогда!**

Он долго висел на одной из улиц города...

И все же мысли невольно возвращались к войне, к битве под Москвой. Тогда в 41-м я записала в своем дневнике: «Неужели же борьба за свободу, многолетняя борьба против царского самодержавия, борьба, которую воспевали и из-за которой погибли многие передовые поэты, писатели, борьба за счастье человечества, за равенство всех людей, борьба, во имя которой наше прекрасное свободное государство должно погибнуть?! Нет, этого не должно быть. Эта война должна кончиться нашей победой. Должны победить мы, иначе все лишается смысла — и Великая

революция 1917 года, и наша кипучая, прекрасная свободная жизнь...» — так писала я в те трудные темные вечера 1941 года. Но родителям я старалась этого не говорить, — им было гораздо тяжелое меня...

В конце октября поздно ночью приехали из Москвы директор Центрального музея В. И. Ленина С. Т. Беляков и сотрудник музея Пушкина. Они остановились у нас на несколько дней. Беляков много рассказывал папе о положении в Москве. Иногда по вечерам папа играл с ним в шахматы. Папа был очень сильный игрок, и ему приходилось давать Степану Тарасовичу Белякову фору.

В начале ноября наступили сильные морозы. Числа 10-го температура упала до — 20°, да еще к этому ветер. Я ходила в музей Ленина в валенках. Лицо замерзало. Да и в доме было холодно.

В конце ноября в ходе войны наметился перелом: раньше фашисты продвигались на восток очень быстро, беря город за городом; теперь же их продвижение замедлилось. Наши бойцы отбивали атаки озверевших немцев.

Огромная радость

Огромная радость ожидала народ в декабре 1941 года: 5 — 6 декабря наши войска на Московском направлении перешли в контрнаступление. Утром прозвучал торжественный голос Ю. Левитана. У него была такая радость в голосе, что мы все это почувствовали и включили радио на полную мощность. В этом контрнаступлении фашистов отбили от Москвы на 150 — 300 километров!

«Москва, благословен твой каждый камень,
Как вся святая русская земля.
Нас осеняет ленинское знамя,
Нас в бой зовут столетия Кремля!»

(Степан Щипачев, 1941 г.)

Всего же битва под Москвой продолжалась с октября 1941 по апрель 1942 года. В это же время строились оборонительные рубежи, укрепления на подступах к Москве.

Гитлер с бешеной яростью требовал захватить Москву до начала зимы, но Советским войскам помогала даже небывало лютая зима (в Московской области температура опускалась ниже 40°).

— Так вы в Москве хотели побывать?

— Как бы не так, — сказали мы тогда. —

Хотели грабить всех и убивать?!

Не вышло, и не выйдет никогда!!!

За свою жизнь я не помню таких лютых морозов; даже сама природа (а сейчас бы сказали — сам Господь Бог!) восстала против фашизма!

Прошло еще несколько месяцев... Когда стало теплее, папа несколько раз ездил в ульяновский госпиталь. Обычно он брал меня с собой. Солдаты и офицеры, находившиеся на излечении, собирались вокруг папы послушать его рассказы о Владимире Ильиче; узнать у него подробнее о положении на фронтах.

Весной 1942 года отец пригласил к себе домой группу солдат и офицеров, отправлявшихся на фронт, и долго разговаривал с ними. Такие встречи были нередки и в госпитале, и в Доме-музее В. И. Ленина.

Многие годы я переписывалась с воинами Красной Армии, встречавшимися с папой в 1941 — 1943 годах. Среди них — бывший комиссар артиллерийского дивизиона, участник битвы под Москвой Виталий Мельников из Кишинева, боец Владимир Андреев из Воронежа и другие. Все они с большим теплом и любовью вспоминают о Дмитрие Ильиче.

Владимир Андреев получил очень тяжелое ранение в боях под Калининым. Ему грозила ампутация ноги. Вмешательство Дмитрия Ильича как врача, его консультации помогли избежать ампутации и сохранить ногу.

В 1974 году, к 100-летию со дня рождения отца, я получила письмо от Андреева: «В день столетия со дня рождения вашего папы — Дмитрия Ильича — глубоко преклоняюсь перед его славным именем, — писал он. Все, что для меня сделал Дмитрий Ильич, забыть нельзя. Ровно 32 года назад произошла моя встреча с самым обаятельным, чудесным человеком — Дмитрием Ильичем. Его личное внимание и вмешательство воскресили меня к жизни, труду...»

Приближалось лето. Оно принесло с собой сильную жару. Папа и мама очень плохо переносили ее (у папы была стенокардия, — грудная жаба, как ее называли в старину). Врачи советовали отцу уехать за город. Но куда? После долгих обсуждений выбор остановился на Куйбышев, так как там в эвакуации находилась большая часть Лечсанупра Кремля.

31 июля мы переехали в Куйбышев. Ехали по Волге на парходике «Челюскинец» (прежнее название «Стрежень»; он принадлежал царице Марии Федоровне). Нас сопровождала Александра Георгиевна Каверзина. Многие ульяновцы провожали нас на пристани. Среди них был и Георгий Иосифович Михальков (из министерства Морфлота). Морфлот был эвакуирован в Ульяновск, и Михалькову было поручено курировать Д. И. Ульянова и его семью.

Я впервые плыла на пароходе; впервые в жизни видела красавицу-Волгу, о которой столько приходилось читать. Погода была великолепная: на воде жара не чувствовалась. Папа, веселый и оживленный, показывал нам свои родные места, рассказывал о том, как они в юности плавали на лодках по Волге с Владимиром Ильичом и старшим братом Александром.

«Челюскинец» был очень удобный и красивый парходик: папа располагался на верхней палубе в большой удобной каюте, мы все внизу в небольших каютах. С папой в большой каюте находились мама и медсестра.

В Куйбышев приплыли поздно вечером (ночевали на пароходе), а утром уехали на дачу. К сожалению, я не запомнила названия дачного поселка.

За городом папа сразу ожил — прохлада, лес, удивительная тишина: все это подействовало на него и маму благотворно. Папа с мамой разместились на первом этаже в большой комнате, я — в маленькой на втором. Там же — Лиза и Шура. Александра Георгиевна простилась с нами через два дня и уехала в Ульяновск.

А события были очень тяжелыми: фашистские войска рвались на юг к «черному золоту», к хлебу, ко всем богатствам нашей страны. Эти изверги пишут: «Русские нас ненавидят». А как еще могут относиться к захватчикам народы Советского Союза: они убивают, не жалея никого — ни женщин, ни стариков, ни даже детей.

Вот какой случай произошел с моим родственником — Геней Карповым, сыном моего двоюродного брата Семена. Не помню точно, какой это был год 42-й или 43-й. Геничка, — ему было 7 лет, — сидел на крылечке дома с кошкой (взрослых никого не было поблизости. Деревня была занята немцами). В это время мимо дома проходил вооруженный немецкий солдат. Не прицеливаясь, он выстрелил в Геню. К счастью, пуля попала не в него, а в кошку. Кошка разлетелась в клочья. Геничка даже не заплакал, — он просто остолбенел. А немец, смеясь, прошел мимо. Этот случай очень сильно подействовал на ребенка. Помню, как после войны, Геня рассказывал мне об этом, весь дрожал и плакал.

Это еще не самая плохая «шуточка» проклятых фашистов.

Они выполняют план Гитлера, план уничтожения нашей Родины, нашего Советского Союза.

Но они ничего не получают; ни наших богатств, ни «черного золота» — ничего! Они получают по заслугам сполна.

Отец не хотел, чтобы у меня пропал и второй год учебы, поэтому он настоял на переезде в город. Сдав некоторые предметы, я стала учиться в Куйбышевском индустриальном институте. Некоторые предметы совпадали с нашими университетскими — физика, химия — другие же были мне совсем незнакомы. Во всяком случае, изучить новые предметы тоже неплохо.

В Куйбышеве мы жили на Чапаевской улице напротив здания театра, в котором находился ГАБТ. Несколько раз, когда папа чувствовал себя неплохо, мы ездили на оперы и балеты.

Как-то раз в ложу к отцу зашел Иван Семенович Козловский — он очень хотел познакомиться с папой, и они долго беседовали. Иван Семенович расспрашивал папу о Владимире Ильиче, о том, какую музыку он любил...

Моя подруга детства Тамара Скуратович работала здесь на военном заводе, и мы с ней нередко встречались.

Разгром немецких армий под Сталинградом вызвал у отца подъем сил. В эти дни он послал Верховному Главнокомандующему телеграмму следующего содержания:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Вам, главному организатору и руководителю разгрома фашистов под Сталинградом, — немеркнущая слава.

Желаю от всего сердца дальнейших успехов до полной ликвидации гитлеризма.

Ваш Дмитрий Ульянов».

Весной 1943 года папу пригласили приехать в Ульяновск и выступить перед молодежью, комсомольцами Ульяновска. Так как отец был болен, он приехать не смог и обратился с приветствием к первомайскому митингу молодежи Ульяновска, в котором говорилось:

«Дорогие товарищи! Молодая гвардия Ленина!

Вам предстоят в это тяжелое, трудное время великие подвиги, великие дела. Дерзайте смелее, беззаветнее в боях, на фронтах, на самоотверженной работе в тылу. Берите пример с нашего учителя великого Ильича. Он так верил в силы молодежи, в ее незапятнанную чистую душу... Пока гитлеровцы, эти враги всего человеческого, эти ненавистные проклятые звери в России, первой задачей нашей является истребление их всех до последнего человека или изгнание за пределы своей страны.

Вперед на врага! Уничтожить это страшное зло, и тогда наш родной Советский Союз опять расцветет, как прежде, и станет еще величественнее, еще прекраснее!»

В колхозах, на фабриках и заводах вступайте энергичнее в предмайское соревнование за оказание помощи фронту!

Да здравствует Ленинский комсомол!
Да здравствует великий советский народ!
Да здравствует наша победа над врагом!
С коммунистическим приветом

Дм. Ульянов».

Возвращение в Москву. Победа

В мае 1943 года мы — отец, мама и я — вернулись в Москву.

Здесь, дома, изучая ход военных событий, отец по-прежнему делал пометки на карте.

За несколько дней до кончины Дмитрия Ильича, в июле 1943 года, произошел перелом в ходе битвы на Курской дуге; наши войска перешли в контрнаступление.

Шло величайшее ганковое сражение века... Отец очень интересовался исходом боев на Курской дуге. Но ему не удалось дожить до блистательной победы в этой

битве — 16 июля он скоропостижно скончался в Горках под Москвой от приступа стенокардии. Мне думается, к нему можно отнести слова Юлии Друниной:

... Нет, мой отец погиб не на войне,
Но все-таки война его убила...

Атлас командира РККА до сих пор хранится в нашей семье; и, листая его страницы с пометками Дмитрия Ильича, вспоминаются грозные военные годы, небольшой городок на Волге и худощавая фигура отца, склонившегося над картой военных действий.

Ожесточенные бои шли на всех фронтах. В январе 1943 года, когда войска Ленинградского и Волховского фронтов после тяжелых сражений прорвали блокаду Ленинграда, отец, радостный и оживленный, на карте окрестностей города подчеркнул жирной красной чертой место прорыва блокады.

Под влиянием этого события я написала небольшое стихотворение, посвященное прорыву блокады Ленинграда и нашим героическим войскам, и показала его родителям. Папа посоветовал мне сделать кое-какие исправления и сказал при этом:

— Молодец! Ты написала хорошее стихотворение о Ленинграде. — Его похвала окрылила меня.

Вчера сообщили —
В последний час...
Что-то скажут?!
Ждем с замиранием сердца.
А диктор, словно нарочно,
Выговаривает медленно так:
— Внимание,
Говорит Москва! —
Перечислил волны радиостанций...
Что же наши сегодня взяли?
И вот передали:
Наши войска
Прорвали

К
да —
лось де
нингра
и непо
лебима
чиками
бодрос
ям. Он
жет сам
...В
народ
верну
сте с
пустить
14 Зак. 6760

Блокаду Ленинграда!
В сердце, словно костер огромный,
Вспыхнула радость!
Как замечательно!
Город-герой,
Город-орел
Наконец-то сможет вздохнуть свободно!
С какой болью читали мы об артобстрелах,
О страшных бомбежках,
Но город Ленина не побежден.
Он стоит, как скала, нерушим и тверд.
С бешеной яростью рвались фашисты.
— Ленинград будет наш, —
Орали они.
Они уже видели себя в Ленинграде;
Сидят в «Астории»,
Тянут пиво...
Но все это были только мечты.
Мечты разлетелись —
Перед ними стена.
Стальной стеной ленинградцы стояли,
— Ни шагу назад! — говорили они.
И город, прекрасный, свободный и гордый,
Кровью своей отстояли они.

К сожалению, до полного освобождения Ленинграда — до января 1944 года — Дмитрию Ильичу не удалось дожить; но он ждал этого дня и верил в то, что Ленинград скоро будет дышать полной грудью, свободный и непокоренный. Меня всегда поражала в отце непоколебимая, твердая вера в победу над немецкими захватчиками. Эта вера жила в нем неистребимо, придавала ему бодрость и силы, сквозила во всех его письмах к друзьям. Он, пожилой человек, очень переживал, что не может сам участвовать в освободительной войне.

...В конце апреля — начале мая 1945 года Советский народ жил одним — ожиданием победы. Каждый вечер, вернувшись домой после занятий в университете, я вместе с мамой слушала сообщения по радио, боясь пропустить хоть одно слово.

И вот 8 мая вечером было передано сообщение из Карлсхорста о подписании акта о капитуляции Германии. Мы с мамой плакали от радости, жалели, что отец не дожид до этого великого и радостного события.

А на следующий день — 9 мая — весть о победе Советской Армии над фашизмом облетела весь Советский Союз.

Трудно передать словами то, что делалось в Москве; это нужно было видеть: все улицы и центральные площади были заполнены людьми, молодыми и старыми, военными и штатскими, мужчинами, женщинами и детьми. Все сияли от счастья. Никогда до этого, ни после я не видела в Москве столько людей, столько счастья, песен, веселья. Мы с подругами весь день ходили по городу, поздравляли знакомых, но казавшихся родными и близкими людей, нас тоже поздравляли. Люди смеялись, пели, плясали, плакали от счастья, что тяжелые, долгие четыре года войны уже позади.

Это было безбрежное море человеческого счастья! Мы радовались, что не услышим страшных слов Ю. Левитана: «Граждане! Воздушная тревога!» и что не нужно больше по гулу самолетов узнавать — летят ли наши истребители или фашистские бомбардировщики (мы, девчонки, научились даже этому!). Все это было позади.

А сейчас была радость со слезами на глазах, и никто не стеснялся их.

Американцы, выбежавшие из здания своего посольства (оно находилось тогда рядом с гостиницей «Националь»), обнимали и целовали советских солдат и офицеров, качали их, подбрасывая высоко...

Я никогда не забуду трех прекрасных девушек на высоких каблучках, в нарядных шелковых платьях. Они шли по Арбатской площади, их волосы развевались на ветру, а на их платьях сверкали звезды Героев Советского Союза. Это были наши знаменитые летчицы, наши героини!

Они были так красивы, радостью и гордостью светились их лица.

Каждый стремился подойти к ним, пожать их руки, обнять.

А вечером был праздничный салют, и люди любовались разноцветными огнями, рассыпавшимися в сумерках на мирном небе. Мы радовались, что больше не услышим стрельбы. А если услышим — пусть это будут только праздничные салюты.

И вот сейчас я с радостью и гордостью вспоминаю замечательный Праздник Победы и думаю — удастся ли еще когда-нибудь увидеть прекрасное единство всех народов Советского Союза, такую удивительную духовную близость людей, счастье возвращения воинов-победителей к родным пенатам. В каждом городе и деревне, кишлаке, ауле и на маленьких полустанках жены, матери, дочери встречали своих единственных, своих любимых...

Но было и много горя, отчаяния, сердечной боли — ведь с войны не вернулось более 20 миллионов человек.

Горит днем и ночью вечный огонь на могилах неизвестных солдат, и каждый год 9 мая в 18.50 по радио и ТВ звучит неповторимая грустная музыка Шумана.

А сколько погибших солдат еще лежат в лесах и на полях нашей страны захороненными? Помним ли мы об этом? Наверно, нет семьи, в которой кто-либо не погиб.

Через полтора месяца — 24 июня 1945 года — День Победы был отмечен торжественным парадом на Красной площади. Мне посчастливилось быть на этом параде. Это было необыкновенное, незабываемое зрелище. Я часто бывала на военных парадах на Красной площади, еще в детстве, вместе с папой и мамой, несколько раз с тетей Надей и тетей Маней.

Война закончилась, и нужно было срочно начинать восстановление всего народного хозяйства. Все области

и республики, которые были захвачены фашистами, где шли бои, были сильно разрушены, разорены. Были деревни, от которых остались одни пепелища. Приходилось заново строить города, села, станции, восстанавливать разоренное сельское хозяйство, — ведь фашисты угоняли в Германию не только людей. Они угнали десятки миллионов голов крупного рогатого скота, лошадей, овец, свиней из захваченных ими регионов. В стране царил голод. Об этом я знаю по рассказам людей, по печати, по документальным кинофильмам. Но я хочу рассказать о том, что видела сама.

Три года спустя после окончания войны, я — тогда аспирантка Московского университета, — приехала в Киев на научную конференцию.

Древнейший город Киев — **«мать городов русских»** (ему полторы тысячи лет) — встретил меня страшными пустыми глазницами — окнами домов. Центральная улица Крещатик потрясла меня на всю жизнь: чистая прямая улица была покрыта асфальтом, на тротуарах уже высажены молоденькие деревца, а домов... нет. Понимаете, **НЕТ!!** Ни одного дома, ни единого! Только груды развалин, да кое-где уже вычищенные площадки, подготовленные для строительства. Это невозможно представить. Никому не пожелаю увидеть такое. Пусть молодежь прочтет мои слова и задумается: что сделал фашизм с нашей страной?

В 1948 году я впервые познакомилась с Ленинградом, и на всю жизнь влюбилась в город необыкновенной красоты, так дивно воспетый великим Пушкиным. Моя двоюродная сестра Женя Карпова, тоже ленинградка, показывала его мне. Я видела стены домов, изрешеченные пулями, видела надписи на улицах: «Эта сторона простреливается во время артиллерийских обстрелов — ходить опасно». Памятник Петру Первому, как и всегда, красовался на набережной Невы.

Когда началась война, полчища фашистов приближались к городу, ленинградцы привезли множество

мешков с песком и уложили их так, что огромная статуя Петра была закрыта снизу доверху. Таким образом они спасли великое творение Фальконе от обстрелов и бомбардировок.

Чудесный Петродворец был варварски разрушен, каскадов не было. Остались только стройные ели, но уже не такие высокие — их верхушки были срезаны как ножом артиллерийскими снарядами; города Пушкино и Павловск полностью разрушены. До сих пор не найдено уникальное произведение искусства — Янтарная комната.

Таким предстал мне город Ленина и его окрестности. Но прошло немало лет, пока все это было восстановлено — дворцы, каскады, парки. Это был поистине тончайший ювелирный труд людей, вложивших в него свою душу.

Кстати, сейчас клеветники Ленина с упорством твердят: как хорошо, что Ленин не успел разрушить великое творение Э. Фальконе. Да Ленин и не собирался разрушать его и другие памятники старины и истории нашей страны!

Известно, что в апреле 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о сохранении памятников царям и царским особам, представляющих историческую и художественную ценность. Благодаря этому декрету удалось сохранить множество памятников, соборов, дворцов, но, увы! — после его смерти было разрушено немало ценных произведений искусства, такие, например, как Храм Христа Спасителя в Москве (начало 30-х годов), Чудов монастырь и памятник Александру III в Кремле (конец 20-х годов).

Какую поистине гигантскую работу пришлось проделывать нашему народу, чтобы залечить все раны, нанесенные нашей стране, заводам и фабрикам, электростанциям, зданиям, колхозам. Все нужно восстановить, и одухотворенный мирной жизнью советский народ вкладывал все свои силы в восстановление народного

хозяйства. Оно шло во всех республиках Союза, пострадавших во время Великой Отечественной войны, шло дружно, хотя и было очень трудно. После победы над вероломными фашистами все люди были охвачены одним желанием — возродить Отечество.

Жизнь понемногу приходила в норму, налаживалась. В магазинах появился большой выбор товаров — продуктов, одежды, обуви. У людей была уверенность в завтрашнем дне, она была и до войны; и мы так привыкли к этому, что даже не думали о ней. Это было естественно, это было у нас в крови. Только в годы войны, особенно до 1944 года, у людей был страх. А после того как фашисты были изгнаны с территории Советского Союза, все уже знали — скоро конец войне. И в людях стала появляться уверенность — в Победе, в завтрашнем дне. С 1947 года Сталин каждый год снижал цены на продукты питания и товары первой необходимости. Правительство давало большие дотации народу. А сейчас об этом не вспоминают. Молодежь об этом даже не знает!

Могли ли мы тогда представить себе, что пройдет всего только сорок с небольшим лет, и наша великая страна — Союз Советских Социалистических Республик будет разрушен? Даже в страшном сне я не могла бы увидеть такую беду...

Теперь-то люди, даже не верящие ни в социализм, ни в коммунизм, поняли — мы же жили при социализме. У нас были права, были свободы, была самая низкая в мире плата за квартиру, бесплатная медицинская помощь, бесплатные детские сады и школы.

У нас были стабильные цены; не было национальной розни, — об этом говорит множество смешанных браков. У нас не было национальных границ, мы ездили по всей стране куда хотели.

Люди получали квартиры и знали: никто ее не продаст и не выгонит их на улицу. На улицах не было нищих. Ветераны Великой Отечественной и маленькие дети

не просили милостыню. Милиция нас защищала, «моя милиция меня бережет».

Это было социальное равенство, это был социализм.

Заключение

Откровенно говоря, в последние десять лет мне пришлось нелегко. Не потому что идут годы, не потому, что наваливаются тяготы жизни. Главное — это потрясенное душевное состояние. Невозможно наблюдать ложь и клевету на Владимира Ильича Ленина, попытки уничтожения памяти о нем, о советском периоде Российской истории.

Будучи единственной родной племянницей Владимира Ильича, считала своим долгом выступить по поводу переименования Ленинграда, упразднения Центрального музея В. И. Ленина в Москве, о возможности выноса тела Владимира Ильича из Мавзолея, о надругательствах в некоторых районах бывшего Советского Союза над его памятниками

Разве вся эта вакханалия не наносит непоправимый ущерб моральному состоянию нашего общества, не ставит Россию на обочину цивилизованного мира?! Ведь во многих странах после смены общественно-политического строя сохраняют памятники своей истории и оставляют право на существование улиц и проспектов Ленина, сохранение его памятных мест. Здравомыслящие люди видят в этом и фактор укрепления согласия в своих обществах, утверждение исторической памяти, без которой невозможна жизнь любой страны.

Вернемся к скорбным дням кончины В. И. Ленина. На заводах и фабриках Питера, в других городах Союза проходили митинги, участники которых настаивали на увековечении памяти Ленина — присвоении его имени Петрограду, не предавать его прах земле.

26 января 1924 года II Съезд Советов СССР принял решение и о переименовании Петрограда, и о сохранении тела Ленина в склепе. А иные решения по этим вопросам относятся к компетенции законодательной власти или всенародного референдума. Что касается музея, то он тоже был открыт по требованию народа в 1936 году.

В наши дни некоторые демократы и бывшие члены КПСС, перебежавшие в стан антикоммунистов, обычно уверяют, существует якобы какое-то ленинское завещание по поводу его захоронения на Волковом кладбище.

Более четверти века я изучаю архивы В. И. Ленина и семьи Ульяновых, их переписку, воспоминания. Но о такой «версии» в них даже малейшего упоминания нет. Жена Ленина — Надежда Константиновна Крупская, его брат — Дмитрий Ильич и сестры — Анна и Мария Ильинична Ульяновы были согласны с захоронением Владимира Ильича в Мавзолее. Я подтверждаю это со всей ответственностью и достоверностью.

Напомню также, что в декабре 1990 года в Канаде на заседании Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО было сообщено, что в число ценностей в Список Всемирного наследия включены Ансамбль Кремля и Красная площадь (Москва, СССР). Следовательно, Мавзолей Ленина, как часть Красной площади, находится под охраной ЮНЕСКО (Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры).

В своем упорстве и безответственности противники Ленина утверждают, что Ленин похоронен не по-христиански. В своем архиве я нашла заметку из газеты «Вечерняя Москва» от 25—27 января 1924 года о похоронах Ленина. Патриарх Тихон сказал: «По канонам Православной Церкви возбраняется служить панихиды и поминать в церковном служении умершего, который был при жизни отлучен от церкви».

Так было с
был отлучен
ной властью.
во и возможно
Председат
ким в беседе
зат: «В загранич
эмигранской
гонитель и не
гии вообще.
верующим в
растно и бор
Ленин по
вославному о
дей хоронили
в основном,
К каким
матью В. И. Л
В августе
ка известной
ма, создавши
тур и картин
в создании
По-моему
логия изобре
имеет аналог
На ней,
скульптуры
вандалов. М
копию карт
бюсты Влад
В Ленин
лет после его
семидесяти
в Швеции. С
На торж
тавки «Лени

Так было со Львом Толстым. Но Владимир Ильич не был отлучен от Православной Церкви высшей церковной властью, и поэтому всякий верующий имеет право и возможность поминать его».

Председатель святейшего синода митрополит Евдоким в беседе с сотрудниками «Вечерней Москвы» сказал: «В заграничной, главным образом белогвардейско-эмигрантской прессе Ленин изображался как неистовый гонитель и ненавистник Православной Церкви и религии вообще. Это в корне неверно. Ленин относился к верующим в высшей степени справедливо и беспристрастно и боролся только с преступниками в рясе».

Ленин покойся в Мавзолее согласно русскому православному обряду. Ведь в христианской традиции людей хоронили либо в земле, либо в саркофагах — это, в основном, выдающихся личностей.

К каким последствиям приводит глумление над памятью В. И. Ленина?

В августе 1992 года в Стокгольме открылась выставка известного шведского бизнесмена Берндта Рэнхольма, создавшего коллекцию книг, документов, скульптур и картин о Владимире Ильиче. Неоценимую помощь в создании выставки оказала Берндту его жена Ева.

По-моему мнению — это была своеобразная антология изобразительного искусства о Ленине. Она не имеет аналогов.

На ней, например, были представлены картины и скульптуры из Эстонии, подвергавшиеся нападению вандалов. Можно было увидеть простреленную пулей копию картины И. Бродского «Ленин в Смольном», бюсты Владимира Ильича, сохранившие следы пуль.

В Ленина стреляют и теперь, спустя более семидесяти лет после его смерти. На выставке было выставлено более семидесяти экспонатов, никогда ранее не представленных в Швеции. Она находилась в галерее доктора Гласа.

На торжественном открытии этой уникальной выставки «Ленин» я дала интервью корреспондентам газет

и телевидения Швеции, иностранным радио- и телекомпаниям.

Выставка «Ленин» г-на Рэнхольма в столице Швеции — это свидетельство его мужества. Она бросает вызов мракобесам и вандалам, разрушающим в ряде стран и в России скульптуры и портреты создателя Советского Союза.

Шведские газеты широко осветили это необычное событие в общественной жизни Стокгольма.

«Идейные террористы» делали свое черное дело.

В здании Госплана СССР долгие годы висел большой портрет Владимира Ильича Ленина в полный рост. 21 августа 1992 года, сразу же, как у власти в России укоренились новые силы, Ленин был «расстрелян» в голову и сердце. Это второй расстрел после того, как в 1918 году правая эсерка Каплан тяжело ранила его пулями, отравленными ядом кураре. Но яд, к счастью, сразу не подействовал (он разложился при высокой температуре).

4-го октября 1993 года в Белом доме были расстреляны картины известного художника Анатолия Набатова. Он вспоминал: «Полотна, расстрелянные из автоматов крупнокалиберного пулемета, растоптанные сапогами, являли собой жалкое зрелище. А картина «Апофеоз» была даже превращена в мишень: изображение головы Ленина было обведено по кругу и расстреляно в упор». Это был третий расстрел Ленина.

Сегодня, когда мир борется с терроризмом в связи с событиями 11 сентября 2001 года в США, я предостерегаю провокаторов и антикоммунистических кликуш — не поощряйте террористов, они могут пойти на любую провокацию. Ведь ненависть и страх всегда были на руку разрушителям, стяжателям и террористам.

Убеждена, что несмотря на все попытки противников ленинизма, им не удастся выжечь из памяти, из сердца народа образ Владимира Ильича Ленина.

Как я уже писала, в декабре 1992 года мне довелось побывать в Риме на презентации своей книги о Ленине. Встретилась с итальянскими коммунистами, рабочими, парламентариями. Всюду видела огромный интерес и искреннее уважение к Ленину. Об этом же говорит и моя почта.

Твердо убеждена: великие деяния В. И. Ленина никогда не изгладятся из памяти человечества.

И представляемая книга моих воспоминаний поможет всем здравомыслящим людям вспомнить Владимира Ильича, понять как он жил и работал.

О. Ульянова

Стихи Ольги Дмитриевны Ульяновой

9 мая 1945 года

Свободно реют праздничные флаги,
аллея в майском небе голубом...
А сердце полно радости, отваги
и счастья, — счастье светится кругом.

Как солнце ослепительное, ясное, —
и как-то необычно все кругом...
Все люди стали близкие, прекрасные,
и каждый улыбается как друг.

Победа! В этом слове все теперь:
вся наша жизнь, все будущее наше;
Разбит навеки ненавистный зверь,
поэтому и солнце стало краше.

Вернулося опять все счастье наше
Ликут люди, шутят и поют, —
и, проходя победным звучным маршем,
торжественный мы слушаем салют.

Подбитой птицей «Курск» лежит.

Ветер воет злобно и бешено,
Ветер рамой моей стучит...
Мне все кажется, в море Северном
Субмарина наша кричит.
Ветер к нам приносит сигналы:
— Помогите нам! SOS! SOS! SOS!
— Помогите, мы погибаем!
— Наши души спасите! SOS!
Море штормит неистово,
Ветер все завывает зло.
Наши мальчики погибают,
Водолазы спустились на дно.
Как большая подбитая птица,
«Курск» на дне лежит недвижим.
К морякам никак не пробиться.
Не помочь ребятам родным.
Шторм мешает и непогода.
Что же делать? Как им помочь?
Злая вражеская подлодка
Потихоньку уходит прочь.
Ей в ближайшем порту помогут,
Подлечат, спасут, а он —
Атомный крейсер России —
На дне морском погребен.
Все слабее сигналы, все тише,
И, держась за последнюю нить,
Моряки заглушают реактор,
Чтоб беды он не мог причинить.
А героев — сто восемнадцать,
И для них наступила ночь...
Мы не в силах к люку прорваться,
Чтоб собратьям своим помочь.
Плачут матери, жены, дети, —
Не вернуть из пучины
Морской их любимых.
И мы не узнаем

Тайну гибели их непростой.
И по-прежнему злобно и бешено
Ветер рамой моей стучит...
Мне все кажется, в море Северном
Субмарина наша кричит...

* * *

Так мало дней я видела тебя,
Что глаз твоих я цвет не разглядела
Так мало дней я видела тебя,
Что полюбить тебя я не успела..
И вот уже опять стучат колеса,
И взмах руки, и теплый взгляд прощальный...
Так мало дней, но все же — это счастье!
А счастье ведь всегда чуть-чуть печально...

Содержание

К читателям	3
Вкратце о себе	4
 ПРАВДА О РОДОСЛОВНОЙ	13
Три ветви: русская, немецкая, шведская	15
Сочинение студента Ильи Ульянова	20
Новые письма матери Владимира Ильича	21
 ЗАБЫТЫЕ И СОКРЫТЫЕ ФАКТЫ	27
«Тяжелая прогулка» по Финляндии	29
112 дней до Октября	36
Политическое завещание	47
Последние три дня	52
 ЖИЗНЬ В КРЕМЛЕ	57
Мухалатка	59
Школьные годы	64
Все хорошее проходит	74
 В ГОРКАХ	79
Памятные места	81
Об охоте	85
Весьма странные вещи	89
 ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА	93
Они всегда были рядом	95
Школа в Лонжюмо	100
В Россию	108
Доверительный разговор	113
 ДОКТОР ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ	119
Верный солдат революции	121

В Крыму	130
Советская Республика Тавриды	134

СЕСТРЫ	147
Милая mimоза	149
Старшая сестра	170
Альбом Ольги	176

В ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА	181
Тяжелое испытание	183
В родном городе	187
Огромная радость	202
Возвращение в Москву. Победа	207
Заключение	215
Стихи Ольги Дмитриевны Ульяновой	219



Издано при поддержке КПРФ

Ольга Ульянова

**Родной Ленин
(Владимир Ильич и его семья)**

Редактор А. И. Власов
Корректор Н. Н. Жильцова
Компьютерная верстка, изготовление
оригинал-макета В. Ю. Ахапкин

ЛР № 05976 от 03.10.2001. Подписано в печать 15.03.2002.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Формат 84 x 108/32. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 11,76. Уч-изд. л. 11.

Тираж 5 000 экз. Заказ 6760.

ИТРК

г. Москва, 123557, Б. Тишинский пер., д. 38.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
на ФГУИПП «Янтарный сказ».
236000, Россия, г. Калининград, ул. К. Маркса, д. 18.

р.д

емья)

ление
ни

ать 15 03 2002.
изя.
имс».

р.д 38

вни
зничков
». Ларкса, д. 18.



**Ольга
Дмитриевна
Ульянова**

«Вопрос о родословном древе В. И. Ленина фигурирует в различных книгах и статьях. Это свидетельствует о том, что люди и в России, и за рубежом хотят знать достоверные факты о Владимире Ильиче и его семье».

«Я была потрясена гением Владимира Ильича: как он, будучи тяжело больным физически, за год до смерти смог написать письмо к съезду и все статьи, объединенные общим названием «Политическое завещание»!?

«Всю свою жизнь, всю без остатка Владимир Ильич отдал делу служения народу, социализму».

«Факты из жизни Владимира Ильича, его сестер, их родителей раскрывают, насколько духовно близки они были между собой: общность взглядов, взаимопонимание, стремление к искреннему служению выбранному им пути...»

«Твердо убеждена: великие деяния В. И. Ленина никогда не изгладятся из памяти человечества».

Ольга Ульяновва

РОДНОЙ ЛЕНИН